ХУАН ЛАЛАГУНА

ИСПАНИЯ

ИСТОРИЯ СТРАНЫ

Испания. История страны

Хуан Лалагуна

Аннотация
ХУАН ЛАЛАГУНА. ИСПАНИЯ. ИСТОРИЯ СТРАНЫ
Juan Lalaguna. A TRAVELLER'S HISTORY OF SPAIN
ПРЕДИСЛОВИЕ
ГЛАВА 1. Иберийский полуостров
Источники богатства
Римская Испания
Распад Западной Римской империи
Готская Испания
ГЛАВА 2. Исламские завоеватели
Процесс социальной интеграции
Династия Омейядов
Подъем христианской Испании
Рождение Кастилии
Падение Толедо в 1085 году
Альморавиды и Альмохады
Достижения христиан в XII веке
ГЛАВА 3. Рождение Кастилии Лас-Навас-де-Толоса
Мир в состоянии войны
Воинствующая церковь
Фердинанд III и Хайме I

Королевство Арагон
Королевство Кастилия
Власть монарха
Союз Кастилии и Арагона
Фердинанд II, король Арагона и регент Кастилии
ГЛАВА 4. Испанская империя
Карлос I
Император Священной Римской империи
Война с Франциском I
Американские сокровища
Цена империи
Новый класс служащих
Очевидное богатство
Конец испанского господства в Европе
Финансовое истощение
Ценности и пристрастия аристократии
ГЛАВА 5. Конец колониальной империи
Установление новой династии: Филипп V Бурбон
Карлос III
Пределы реформизма Бурбонов
Граф Флоридабланка
Война за независимость против Наполеона
Собрание в Кадисе
Фердинанд VII «Желанный»

Независимость американских колоний
Испанский либерализм
Пересмотр системы власти
1868 год: «Славная сентябрьская революция»
ГЛАВА 6. Рост в отсутствие стабильности
Начало индустриализации
Экономический рост и неравномерное развитие
Демографические изменения, географическая и трудовая мобильность
Трагическая неделя
Долгий кризис (1917)
Дон Мигель Примо де Ривера: «железный врач»
Второй республиканский эксперимент в Испании
1933—1934 годы: на переломе
ГЛАВА 7. Гражданская война и ее последствия
Всеобщие выборы 16 января 1936 года и Народный фронт
От «пронунсиаменто» к гражданской войне
Один лидера одна партия
Новая Испания: «Испания единая, большая и свободная»
Дон Франсиско Франко Баамонде, каудильо Испании
Перемена образа

На грани банкротства
Действительно новая Испания: явный рост и социальные трансформации
ГЛАВА 8. Современная Испания
Конец франкизма
Адмирал Карреро Бланко
Дон Хуан Карлос I Бурбон
Политическая реформа
Конституция 1978 года
Работая вместе и не так, как все
Частное богатство и общественная нищета
Всеобщая забастовка в декабре 1988 года
Земля обетованная, 1992 год
Всеобщие выборы 1996 года
Всеобщие выборы 12 марта 2000 года
Правители и монархи
Вестготские правители
Мусульманская Испания
Правители Кастилии и Леона
Короли Арагона
Короли Арагона и графы Барселоны
Испанские правители
Регенты и Временное правительство
Первая республика
Вторая республика
Диктатура Франсиско Франко Баамонде

Хронология основных событий
Библиография
Историко-географический справочник

Аннотация

Содержательная, тщательно продуманная и познавательная книга Хуана Лалагуны не упускает ни единого важного исторического факта. Все этапы жизни страны с доисторических времен до сегодняшнего демократического правительства описаны живо и красочно. Эта книга послужит необходимым источником информации для тех, кто мало знает о прошлом Испании, и приведет к множеству открытий тех любознательных читателей, кто считает, что знает достаточно.

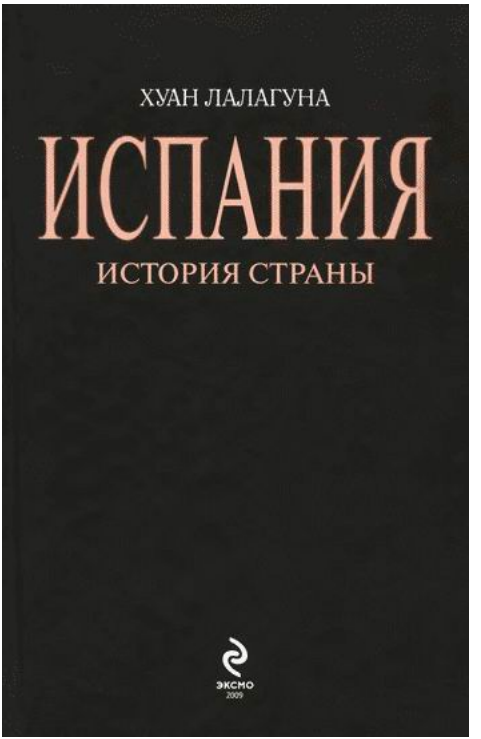
Испания имеет богатейшую историю, которая вместила в себя и карфагенские колонии, и вторжение Рима, и гибель казавшейся несокрушимой Римской империи, и нашествие арабов, несколько столетий владевших Иберийским полуостровом. Позже были Реконкиста, открытие Америки, испанская колониальная империя, «низвержение с вершин могущества», бесконечные войны и неурядицы, наряду с высочайшим культурным взлетом; диктатура Франко и

избавление от диктатора...

Все вместе это создало ту Испанию, которую мы знаем сегодня и которой посвящена книга Хуана Лалагуны.

ХУАН ЛАЛАГУНА
ИСПАНИЯ
ИСТОРИЯ СТРАНЫ

Juan Lalaguna
A TRAVELLER'S HISTORY OF SPAIN



БВС
БИОГРАФИИ ВЕЛИКИХ СТРАН

ПРЕДИСЛОВИЕ

Распространенный современный образ Испании затмевает ее былое великолепие и могущество. Мекка недорогого отдыха с послевоенных времен, родина хереса и кровожадной корриды, страна получивших всемирное признание великих футбольных клубов — мадридского «Реала» и «Барселоны»... Между тем могущество и влияние Испании некогда ощущались в мировых масштабах. Завоевание древних американских империй ацтеков и инков было лишь первым триумфом испанской армии, триумфом, который обеспечил торговое и культурное превосходство Испании в Новом Свете, а позже и в других уголках Земли. Конкистадоры доблестно шли в крестовые походы во имя церкви, испанского языка и испанских традиций. В свой «золотой век» Испания была политическим гигантом, попиравшим ногами весь мир — от Германии до западного тихоокеанского побережья, а завладев американскими богатствами, смогла отправить армаду против Англии, разбить турок при Лепанто и бросить вызов Франции в борьбе за гегемонию в Европе.

Для многих современных путешественников

история Испании остается загадкой или, в лучшем случае, воспринимается неоднозначно. О римской провинции Испания все имеют достаточно ясное представление. Но что дальше? Как именно происходило арабское завоевание — и кем все-таки были мавры? Не прошло ли Средневековье каким-то образом мимо Испании? «Колумб Америку открыл — вот все, чем год тот славен был». Многие ли из тех, если кому известна эта песенка, также знают, что в 1492 году Кастилии и Арагону сдалась последняя мавританская крепость? Мы больше знаем о распространении испанского влияния на Латинскую Америку, от Калифорнии до Тьерра-дель-Фуэго. Но как подпали под него Филиппины и Нидерланды? И что происходило в Испании в XIX веке или, если уж на то пошло, на протяжении почти всего века двадцатого? Анархия, революция, контрреволюция, недолгий триумф либерализма, фашистская диктатура и возрождение демократии сменяли друг друга в сбивающей с толку последовательности. Велико искушение остановиться на том, что знакомо всем: бои быков, фламенко, Альгамбра, риоха, испанская инквизиция, групповой тур, паэлья.

Один из больших плюсов этой содержатель-

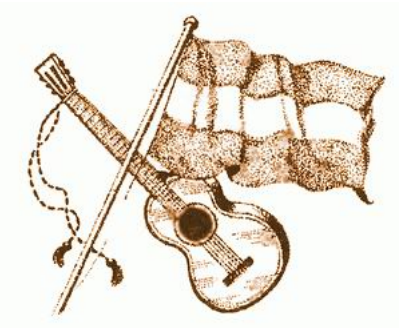
ной и тщательно продуманной книги состоит в том, что она не упускает ни единого важного исторического факта. С доисторических времен до сегодняшнего демократического правительства — все этапы жизни страны описаны живо и красочно. Не забыта и география, так как она послужила основой эволюции Испании. Отрезанная от остальной Европы Пиренеями, которые одновременно служили защитным барьером и (что уже не так полезно) преградой для новых идей, Испания тем не менее оставалась обращенной и к Атлантике, и к Средиземному морю. Внутренняя раздробленность страны — также нечто большее, нежели отражение различий во взглядах. Пусть баски мелькают во всех сегодняшних новостных заголовках, гордость Каталонии, Гранады и Арагона опирается на глубоко укорененное ощущение самобытности.

Эта книга будет полезна всем. Для тех, кто знает о прошлом Испании мало, она послужит необходимым источником информации; а тех, кто считает, что знает достаточно, поощрит к дальнейшим изысканиям. И я подозреваю, что она приведет любознательных к множеству открытий. Вдобавок обе категории читателей получат удовольствие от содержательной и познавательной

ной книги Хуана Лалагуны.

Денис Джадд

Лондон



Светлой памяти моих родителей, ИСАБЕЛЬ И ХУАНА

ГЛАВА 1

Иберийский полуостров

Говорят, в Испании «la geografia manda» («за географией всегда последнее слово»), и похоже, это правда, потому что на развитие исторических событий в стране во многом повлияла ее поразительная и многоликая география. Иберийский, крупнейший из трех полуостровов юго-западной оконечности Евразийского континента, площадью около 580 тысяч квадратных километров, занимает уникальное положение на стыке Средиземного моря и Атлантического океана, Европы и Африки, отделен от остальной Европы Пиренеями, горной системой протяженностью 440 километров и высотой более 3 тысяч метров над уровнем моря, а от Африки — Гибралтарским проливом, шириной всего 13,4 километров в наиболее узком месте — у Тарифы, самого южного европейского города.

Впервые термин «Иберия» применил греческий автор VI века до н. э. для обозначения страны иберов или жителей берегов Ибера (реки Эбро); считается, что иберы переселились туда из Африки. Со спутника этот пятиугольный отрезок суши захватывает Пунта-де-Тарифа и плавно скользит к западу, доказывая справедливость слов Страбона о бычьей шкуре, натянутой на хвост Европы.

Главной особенностью географии Иберийского

полуострова является широкое плато, которое занимает почти половину всей территории и состоит из северных и южных месет, возвышающихся вдоль Центральной Кордильеры, гряды покрытых снегом гор, таких как Сьерра-де-Гвадаррама (которую видно из Мадрида), также известной как Кордильера Карпето-Бетоника — позвоночник страны. Подобно военной крепости, это центральное плато окружено Кантабрийскими горами на севере, Иберийскими горами на северо-востоке и горами Сьерра-Морена на юге. А потому доминанта этого отрезка суши — высота: со средней отметкой 660 метров он уступает в Западной Европе только Швейцарии. Всего 18,4% поверхности суши Испании лежит на уровне ниже 200 метров; это верхний предел, допустимый для успешной сельскохозяйственной деятельности. Более того, всего у 12% земель (около 6 миллионов гектаров) уклон составляет менее 5%.

За этой внушительной линией обороны от Кантабрийских гор в Фонтибре (ныне — г. Рейноса) до дельты в Тортосе, просачиваясь по треугольному бассейну между Иберийским предгорьем и Пиренеями, извивается река Эбро. Гвадалкивир, великая арабская река, течет в обратном направ-

лении, от Сьерра-де-Касорла до Атлантического океана, куда впадает неподалеку от города Сан-Лукар де Баррамеда, растекаясь по мере продвижения на юго-восток по самым плодородным сельскохозяйственным долинам в Испании, окруженная на севере горами Сьерра-Морена, а на юге — Сьерра-Невада (Кордильера-Бетика), среди которых выделяется самый высокий пик в Испании, Муласен (3478 метров). Река Эбро, которая прокладывает свой путь к Средиземному морю через узкие ущелья двойной горной гряды, позволяет проникнуть на северо-запад Иберийского полуострова из Средиземного моря, а по притокам — к северным месетам и подножию Пиренеев. Гвадалкивир беспрепятственно впадает в Атлантический океан, а неизменное течение этой реки объясняет, почему ей посчастливилось стать главным путем сообщения.

Другие реки, впадающие в Средиземное море (Тер, Лобрегат, Хукар, Сегура), не столь полноводны и известны своим непостоянством и бурными паводками, опустошающими и вызывающими эрозию обрывистых берегов, выходящих к морю. Главные реки центральной Испании, Дуэро, Тахо и Гвадиана, все три начинают свой долгий спуск неподалеку от Средиземного мо-

ря и текут к Атлантическому океану, следуя по склоняющимся на запад месетам, и иногда, из-за особенностей ландшафта этих мест, им приходится прокладывать путь через глубокие каньоны и остроконечные скалы.

Очевидно, что местным жителям не приходится питать большие надежды на испанские реки, за исключением Гвадалкивира и Эбро. Обильные осадки на севере восполняют этот дисбаланс. Существуют понятия «влажная Испания» и «сухая Испания». Климат в дождливых районах на северо-западе с умеренными температурами и более 800 мм осадков в год и в пустыне, в полузасушливой Альмерии на юго-востоке, разительно отличается. Суровые физические особенности местности, климатические условия и дурное качество почвы дают отличное представление о враждебности иберийской земли, и ранним испанцам приходилось прикладывать немало усилий и изобретательности, чтобы что-нибудь от нее получить. Именно поэтому богатые намывные земли бассейнов Гвадалкивира и Эбро и средиземноморское побережье привлекали многие поколения мигрантов и поселенцев.

Источники богатства

Прибрежные воды Иберийского полуострова (протяженность береговой линии свыше 4000 километров) всегда изобиловали морской фауной и флорой, и этот товар с давних времен служил источником дохода по всему Средиземноморью. Но легендарной в древнем мире Иберию сделало изобилие полезных ископаемых. Еще в те времена она стала крупным производителем и экспортером вина, оливкового масла и зерна, а богатые залежи драгоценных и промышленных металлов привели первых переселенцев в Гадес (Кадис) в VIII веке до н. э. На юге Иберии в Новом Карфагене (современная Картахена), в горах Сьерра-Морена, на реке Рио-Тинто и в провинции Хаэн открыли месторождения серебра, свинца, железа и меди, а северо-запад (Галисия и Леон) изобиловал золотом, медью и оловом.

КУПЦЫ И РАННИЕ ПОСЕЛЕНИЯ НА ВОСТОКЕ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ

В начале первого тысячелетия до новой эры среди местного населения полуострова, в основном в прибрежных районах, стали появляться

финикийские купцы и греческие торговцы. Финикийцы из Тира (современный Ливан) основали ряд торговых поселений, от Онубы (Уэльвы) в устье реки Рио-Тинто, Гадеса и Малаки (Малаги) до Секси (нынешний Альмуньекар). Их первым торговым партнером был город Тартесс (библейский Таршиш), по словам классических источников, организованное и образованное сообщество между нижним течением рек Гвадалкивир и Гвадиана, а также колония предков в Карфагене (современный Тунис). Торговые связи сформировали весьма сложную сеть обмена на всей территории Иберии и за Геркулесовыми столбами (Гибралтарским проливом), вдоль побережья Португалии и Бискайского залива. Этот торговый обмен, похоже, достиг своего пика к VII веку до н. э.

Греки были заинтересованы в торговых связях и добыче полезных ископаемых на юге и основали там несколько торговых колоний. Они подарили восточной Испании технологию изготовления железа, гончарный круг и деньги. Греки торговали всеми средиземноморскими товарами: этрусской керамикой, финикийскими амфорами, греческими гончарными изделиями, которые позже можно было встретить в глубине

страны, в таких районах, как Сарагоса и Толедо. Греческие торговцы получали прибыль благодаря природным ресурсам каталонского побережья, долин реки Эбро и Ла-Манчи и залежам железной руды в нынешней провинции Хаэн. Кроме того, они оказали благотворное влияние на развитие ремесел в этих регионах.

Дама из Эльче: первая из четырех «дам», найденных в районе Аликанте, образец иберийской

скульптуры эпохи до Римской империи

Греки называли жителей восточной части полуострова иберами; этот термин относился к целой группе племен. Они жили в поселениях полугородского типа, крепостях на возвышенностях, удобных для обороны, явно позаимствовав этот способ поселения у греков. В результате многолетних раскопок удалось открыть цивилизацию, у которой были собственный язык и письменность, алфавитно-слоговая, и о которой рассказывали рисунки на керамике и небольшие терракотовые и бронзовые сосуды для религиозных отправлений. Также найдены большие каменные скульптуры и статуи людей и животных почти в натуральную величину, например знаменитая Дама из Эльче (сейчас находится в Национальном археологическом музее Мадрида), которые, по-видимому, принадлежат первому этапу развития иберийской культуры в районах Аликанте, Мурсии и Альбасете. Они демонстрируют сильное влияние цивилизаций восточной части Средиземноморья и свидетельствуют о наличии культа поклонения животным.

Жители юга и юго-востока, которых Страбон, греческий географ I века н. э., также называл иберами, прошли схожий путь развития, однако

сохранили самобытность в результате культурных и торговых контактов с Тартессом, Финикией и Карфагеном. Страбон писал о 200 поселениях турдетанцев по нижнему течению Гвадалкивира, похожих на крошечные города-государства с собственными охраняемыми сельскохозяйственными землями; на месте большинства из них римляне позже построили свои города. Последние находки предметов домашнего обихода и украшений на местах расположения храмов и богатых кладбищ свидетельствуют о благосостоянии, которое привело Карфаген к вооруженному конфликту с Римом в конце III века до н. э.

КЕЛЬТЫ

Пути развития центральных, северных и северо-западных регионов сильно различались. Жители этих земель были наследниками кельтского мира юго-восточной Франции и бассейна Дуная. Они появились на севере Испании в 1000 году до н. э. и к 700 году добрались до реки Тахо, делясь технологией изготовления железа и применения гончарного круга (в то же время в восточной и южной Иберии эти знания распространяли финикийцы и греки). Наши познания об этих кельтах до сих пор во многом основаны на сочинениях римских историков, составлен-

ных после первых контактов во II веке до н. э. Полибий, а позже Страбон писали о нескольких племенах, в том числе лузитанах. Далеко на северо-западе суровые природные условия и постоянные войны вынуждали создавать хорошо укрепленные поселения с земляными валами, которые называли castros. Образ жизни этих северных племен и стал олицетворением культуры кельтов, а их круглые дома все еще можно встретить в некоторых отдаленных горных деревушках внутренних областей Галисии. Среди этих племен особо выделялись кельтиберы, возможно, из-за их длительного и упорного сопротивления римским завоевателям. Это был союз племен, гибридное сообщество восточных иберов с нижнего течения Эбро и кельтов из верхних долин, Гвадалахары и Сории. Кельтов привлекали богатства и плодородные земли иберов. Древние авторы называли ряд племен, таких как ареваки Нумансии и Термансии (современные провинции Сория, Теруэль и Куэнка), а также пелендоны, известные своими короткими мечами (gladius hispanicus) и братскими узами в боях и в повседневном труде. Они стали последним местным племенем, покоренным римскими легионами в 133 году до н. э.

Римская Испания

Впервые земли Испании (Балеарские острова в том числе) были объединены под властью Римской империи. Эти земли стали провинциями империи и потому, в конце концов, оказались под влиянием римской экономики, социального устройства и культуры. Возможно, жителей отдаленных районов в Кантабрийских горах просто никто не трогал, и зачастую периоды анархии, особенно, после падения Римской империи, сопровождались возрождением межплеменной вражды. Как бы то ни было, факт остается фактом — язык тех, кто проживал между верхним течением реки Ибер (Эбро) и западными Пиренеями, не поддался латинизации, хотя даже баскский язык полон латинизмов, а местные фермы сильно напоминают римские виллы. Римские авторы назвали две новые провинции Испанией, используя термин финикийцев, которые называли Иберийский полуостров страной, где проживают травоядные млекопитающие семейства заячьих.

Завоевание Испании Римом стало продолжением борьбы Рима с Карфагеном за политическое господство на западе Средиземноморья. Когда

Рим лишил Карфаген торговых зон на Сицилии, Сардинии и Корсике во время Первой Пунической войны 241 года до н. э., карфагеняне начали искать способы укрепить свою власть на юго-востоке Испании и расширить торговые связи. Периодически они приходили в эти земли, чтобы торговать, либо организовывали военные походы, защищая финикийские колонии; приблизительно в середине VII века до н. э. они основали колонию на острове Эбус (Ибица). Для участия в войнах время от времени они нанимали воинов из племен иберов. Первая Пуническая война обратила их внимание на богатые серебряные рудники на восточном побережье, где в 228-227 годах до н. э. в Новом Карфагене они основали свою столицу и начали упорную борьбу против римской гегемонии.

Вначале две державы договорились разделить области влияния, подписав в 226 году соглашение, согласно которому река Эбро стала границей владений Карфагена. Однако через семь лет великий карфагенский полководец Ганнибал захватил и разграбил город Сагунт недалеко от Валенсии. Город находился далеко к югу от границы, однако это вызвало мгновенную реакцию Рима, который считал город своим. Чтобы остано-

вить Ганнибала, в греческую колонию Эмпорион (ныне — Ампуриас) был послан Гней Корнелий Сципион.

Сципион и его сын одержали ряд побед, сделав Рим неоспоримым владыкой Западного Средиземноморья, что дало импульс активному освоению казавшихся неистощимыми природных богатств региона. Разграбление Нового Карфагена и присоединение Гадеса, последнего оплота карфагенян, позволило римлянам судить о возможных богатствах противника. Притязания Ганнибала же ограничивались серебряными рудниками на восточном побережье. Вероятно, у Рима не было долгосрочных планов насчет Иберийского полуострова, когда они остановили притязания Карфагена. Однако после победы многие римляне захотели осесть в этих местах, желая воспользоваться огромным сельскохозяйственным и природным потенциалом. И они не пожалели о своем решении. По словам историка Полибия, с 206 по 198 год до н. э. Рим получил из Испании 6316 римских фунтов золотых слитков и 311 622 фунта серебра (три римских фунта равны приблизительно одному килограмму). Ливии отмечал, что после кампании по усмирению Испании в 197— 195 годах до н. э. Катон вернулся

в Рим с 25 000 фунтами серебра, 1400 слитками золота, 54 000 серебряными монетами и 123 000 другими серебряными изделиями, причем по 1610 бронзовых монет он раздал каждому своему коннику и по 270 — каждому пехотинцу. Чтобы закрепить победу при Илипе в 206 году, римляне основали военный пост в Италике (город Сантипонсе, недалеко от Севильи) и разделили территорию на две самостоятельные провинции: Испания Цитериор (Ближняя) на восточном побережье реки Ибер и Испания Ультериор (Дальняя). Лишь через 200 лет непрекращающихся войн провинции полностью оказались под римским владычеством.

РОМАНИЗАЦИЯ

Усмирение севера помогло Дальней Испании расширить территорию, увеличить число подданных и установить ту форму административного устройства, которая существовала в восточных и южных регионах. За порядком следили гарнизоны в столицах трех областей (Кордова, Мерида и Таррагона) и три легиона на северо-западном краю полуострова. Укрепление военной мощи на северо-западе можно объяснить миротворческими миссиями в неспокойных регионах, а также интересом римлян

к залежам полезных ископаемых в тех местах. К 69 году н. э., когда Веспасиан подавил мятеж Гальбы против центральной власти в области Тарраконенсис (Тарраконская Испания), господство римлян над испанскими провинциями стало столь всеобъемлющим, что они посчитали необходимым призвать на полуостров всего один легион, расположившийся в Лехио (Леоне), недалеко от богатых золотых рудников Лас-Медулас. В поддержку легионам, первоначально состоявшим из римлян, создавали вспомогательные отряды конницы, завербованные для несения военной службы в других частях империи и состоявшие из местного населения, включая недавно завоеванные народы. С середины I века н. э. одним из видов поощрений за службу Риму стало признание выходящего в отставку воина римским гражданином.

С конца I века до н. э. по конец II века н. э. Иберийский полуостров играл важнейшую роль в распространении римской власти по другим регионам и в обеспечении ресурсами потребностей империи. Рим изменил местный ландшафт и создал новое общество с новым языком и совершенно новыми традициями. Трансформации, которым подверглись как географические, так

и социальные стороны жизни Иберийского полуострова, сохранились на всей территории Испании до сих пор, особенно в процветающих восточных, южных и северо-западных районах. Была построена комплексная система дорог, в первую очередь, для облегчения продвижения войск, усиления контроля и удобства добычи природных ресурсов, а мостами, которые возвели римляне, пользуются и по сей день (Кордова, Мерида, Саламанка, Сарагоса и особенно Алькантара — мост над рекой Тахо имеет 194 метра длины и 70 метров высоты). Вдоль главных дорог устанавливали мильные столбы, указывавшие расстояние и имя императора, при чьем правлении была построена или отремонтирована дорога, а на равных отрезках пути еду и кров предлагали придорожные таверны.

Продуманность и долговечность этой red viaria, сети дорог, которая до сих пор является основой испанской дорожной системы, отлично сочетались с эффективностью горных разработок. Плиний Старший, который одно время надзирал за добычей полезных ископаемых в Испании, писал, что золотые рудники Лузитании, Галлеции и Астурии приносили двадцать тысяч римских фунтов золота в месяц. Предполагают, что в древ-

ние времена на Рио-Тинто добывали более двух миллионов тонн серебряной руды. На рудниках Нового Карфагена, которые первоначально разрабатывали финикийцы и карфагеняне, трудились 40 000 человек, в основном рабы и каторжники. Крупные рудники принадлежали государству и управлялись прокураторами. Постепенно государство ужесточало контроль над более мелкими шахтами, назначая частных подрядчиков и арендаторов. О прибыли подрядчиков на рудниках можно судить по частным пожертвованиям в размере 20 миллионов сестерциев, самым щедрым за всю историю Западной Римской империи, которые предположительно сделал арендатор шахты по добыче ртутной руды Сисапон в Альмадене.

Урбанизация Иберийского полуострова была важнейшим элементом ассимиляции местных жителей. Практически все испанские города, кроме Бильбао и Мадрида, либо были основаны римлянами, либо стали крупными центрами под их господством. Романизация — долгий и кропотливый процесс «естественного смешения» римлян с местным населением. Рим не стремился, по крайней мере изначально, навязать свои ценности и верования. К середине I века до н. э., по словам Страбона, турдетанцы, которые жили

на берегах реки Бетис (Гвадалкивир), полностью изменились под влиянием римского образа жизни. Они даже забыли родной язык.

Когда в 44 году до н. э. погиб Юлий Цезарь, в Испании постоянно проживали всего 30 тысяч римлян. Именно с того момента колонизация переросла в романизацию — число римлян, переселяющихся в Испанию, стремительно росло. Была основана двадцать одна колония, а существующие поселения полугородского типа поднялись до ранга муниципий. Август разделил полуостров на три провинции: Бетика (на юге), Лузитания (на юго-западе) и Тарраконенсис. К 73-74 году н. э. большинству поселений даровали статус владений Римской империи, а их жители стали считаться полноправными гражданами Рима. На севере и северо-западе противостояние было сильнее; римские власти добывали полезные ископаемые, поддерживали закон и порядок и, видимо, позволили местным жителям сохранить свои традиции, жить в семейных общинах (gentilitates) и носить кельтские имена.

ОБРАЗ ЖИЗНИ ПРИ РИМЕ

Административными и экономическими центрами периода становления Римской империи были столицы провинций, такие как Эмери-

та-Августа (Мерида) и Тарракон (Таррагона), управляемые наместниками, обычно римскими сенаторами. Колонии создавались для размещения оставивших военную службу легионеров (к примеру, колония Италика) для охраны рудников и северных границ — Гракчурис (Альфаро) и Помпаэло (Памплона) либо для выселения «подозрительных элементов»: скажем, оставшихся нумантинцев изгнали в Валенсию. Колонии и муниципии являлись также юридическими и финансовыми центрами, например Урсо (ныне — Осуна), Барсино (Барселона), Цезарея Августа (Сарагоса). Были и деревни (подобные греческим поселениям в Эмпорионе, Малаке и Гадесе), которые сохранили свою самобытность и не испытали слишком сильного вмешательства Рима благодаря тому, что рано приняли его подданство.

На другой чаше весов находились такие города, как Лехио (Леон), где царил жесткий военный режим, потому как основаны они были исключительно для охраны экономических и стратегических рубежей. Финансовые обязательства каждого центра также различались в зависимости от его происхождения и степени ассимиляции: какие-то были освобождены от налогов, какие-то объединены, наконец были те,

которым полагалось вносить выплаты в казну (stipendium[1] и налог на зерно) в полном размере.

Размеры и обилие общественных и частных зданий в этих центрах говорят об уровне жизни и гордости граждан этих урбанистических сообществ. Системы водоснабжения (акведуки,), общественные бани, скульптуры и мозаики дают представление об общем уровне затрат элиты. Власть находилась в руках мелкой городской олигархии. Они должны были быть богатыми, ведь государственная служба подразумевала частные пожертвования на украшение города, развлечения и обеспечение бесперебойных поставок основных товаров для населения. Благодаря этим пожертвованиям богатые жители получали признание масс и доступ к исполнительной власти, что давало им право избираться для несения службы в провинциях и Риме.

Деревня составляла очень незначительную долю в обширной сети городов, колоний и муниципий. У них были собственные земли для производства товаров первой необходимости. Легионеры в отставке, к примеру, получали

[1] Примечания: 1

Stipendium — подать, налагаемая сенатом на провинцию, нечто вроде продолжительной военной контрибуции.

земельные наделы, а другие поселенцы трудились на небольших фермах сами либо искали арендаторов. Основной продукцией была средиземноморская триада: виноград, оливки и зерно. К тому времени когда пришли римляне, иберы уже производили избыточные объемы зерна. Со II века до н. э. они экспортировали эти виды продукции в Рим и другие регионы. Экспорт сельскохозяйственных товаров давал возможность иберам покупать римские предметы роскоши, например вина из центральной Италии, столовые приборы и прочее. Также большую поддержку и без того процветавшей текстильной промышленности оказало появление шерсти и льна. Изготавливались и строительные материалы: черепица, кирпичи и бетон, которые римляне использовали в Испании с большим успехом. Во времена Римской империи процветало рыболовство; основными видами промысловой рыбы служили тунец, макрель и сардина, которые поставлялись не только на внутренний рынок, но и в другие страны, чему доказательством множество солеварен в основных промысловых районах, к примеру в Торревьехе (провинция Аликанте). Однако основным экспортным товаром этого региона, известным по всему Сре-

диземноморью, был гарум (острый соус из рыбы, используемый в качестве приправы). В I веке н. э. Плиний Старший отмечал, что по уровню благосостояния Испания почти догнала Италию: «Все ее производительные области изобилуют зерном, растительным маслом, вином, лошадьми и всеми видами руды».

Экономическая жизнь и использование ресурсов страны не сильно отличались от метрополии, но наибольшую выгоду от этого процветания получали Рим, римские правители и те, кто поселился в испанских провинциях. Браки между римлянами и местными жителями и общие цели, особенно в крупных городах на юге и востоке, превратили их в испано-римское общество. Об испано-римской аристократии известно немного: эпитафии и мемориальные надписи называют имена, но потомки иберов, вероятно, брали римские имена, так что проследить корни невозможно.

Испания породила немало великих сенаторов, прославленных писателей и ученых и даже нескольких императоров. Возможно, Вибий Панса Центрониан — первый испанец, которого избрали римским сенатором в начале I века до н. э. В дальнейшем в Испании рождались влия-

тельные сенаторы, такие как Анней из Кордовы, и императоры, например Траян (98-117) и его преемник Адриан (117-138), оба родом из Италики. Считается, что Адриан имел местные корни, а Траян — итальянские. Нам известны такие авторы, как Марк Фабий Квинтилиан, родившийся в 33 году н. э. в г. Калагуррисе (современная Калаорра), ритор в Риме; Сенека, оратор из Кордовы, и его сын-философ, который после разоблачения заговора в 65 году н. э. был вынужден при Нероне совершить самоубийство; сочинитель эпиграмм Марк Валерий Марциал из города Бильбилис (современный Калатаюд) и географ Помпоний Мела. Однако нельзя сказать, что они внесли значительный испанский вклад в политическую жизнь и культуру Рима. Скорее всего, по происхождению они были римлянами, жителями колоний во втором-третьем поколении; экономическая власть находилась в провинциях и в огромных имениях, но политические и культурные стремления провинций были явно ориентированы на столицу империи.

Распад Западной Римской империи

На протяжении почти трех веков Испания наслаждалась стабильностью и процветанием. Однако в III веке этот развитый мир с городским образом жизни настиг затянувшийся кризис, который в начале V века привел к разложению римской власти и расколу провинциального устройства на отдельные, отличные друг от друга политические образования. Они пали под натиском полукочевых народов, пришедших из-за северо-восточных границ империи, народов, которые, в свою очередь, вынудили уйти в эти земли кочевники из Центральной Азии. Падение империи в центре с 235 по 285 годы создало почву для более настойчивого вмешательства германских племен в дела Рима. Мирная поочередная смена императорских династий в течение первых двух веков уступила место пятидесяти годам внутренних раздоров, продолжительной гражданской войны, военных переворотов, узурпации и политических заказных убийств.

Западная часть империи переживала серьезный раскол, который начался с завоевания Бетики в 171-173 годах племенами из Север-

ной Африки, которые до 210 года несколько раз вторгались в долину Бетиса. С 258 по 270 год полуострову пришлось обороняться самому. Тогда Рим под властью императора Галлиена не смог остановить племена франков, которые прорвались через границу на Рейне, в 262 году спустились из Галлии и разорили Тарракон. В 297 году мародерствующие племена франков снова напали и разграбили восточные берега Испании. Последние археологические находки свидетельствуют о разорении городских центров и загородных поместий прибрежной полосы приблизительно в 260 году. Масштаб разрушений, утрата доверия к империи, страх и сомнения, которые, видимо, охватили страну, не могли быть результатом единичных вражеских вторжений.

Возможность имперской власти поддерживать pax romana («римский мир») оказалась под угрозой. Ослабление римского влияния в провинциях привело к увеличению затрат на военные нужды, а качество серебряных монет снизили, чтобы привлечь солдат более высоким жалованием. Утрата доверия к серебряным денариям, которые ранее были в обиходе наряду с золотыми ауреусами, серьезно пошатнула гражданский и патриотический дух элиты. Диоклетиан, им-

ператор, избранный легионерами в 284 году, ненадолго восстановил авторитет государства, введя систему соправителей с целью укрепить структуру власти. Он и Константин I (306-337) также тщательно пересмотрели финансовую политику и монетную систему, ввели в провинции дополнительные войска; по меньшей мере тридцать крупнейших городов были укреплены после реконструкции стен; Барселона, Сарагоса и Луго до сих пор являются наглядными примерами этих крепостей.

ХРИСТИАНСТВО

Принятие христианства Константином I в 312 году стало еще одним свидетельством сложности ситуации. Диоклетиан яростно преследовал христиан, видимо пытаясь поддержать престиж государства через единую религию. Но вскоре после этого Константин, который, возможно, знал о широком распространении христианства, особенно в Испании, где в 305 году поместный собор в Иллиберисе (современная Гранада) посетили епископы из городов всех испанских провинций, решил ввести новую универсальную религию, которая помогала бы управлять империей.

Тем временем образ жизни в Испании ухудшался. Городские олигархи перестали вкладывать

деньги в гражданское строительство и коммунальные удобства. Многие здания, базилики и театры были заброшены и обречены на разрушение. Спад гражданского строительства происходил одновременно с ростом строительства церквей и религиозных построек; позднее христианская религия стала восприниматься как имперская (знаменитые поместные соборы сыграли важную политическую роль при вестготском господстве). Размеры поместий подтверждали активное развитие сельской местности, земли сосредоточили в своих руках римские сенаторы и испано-римская аристократия, а самым крупным землевладельцем был император. Одним из аристократов был Феодосии Старший, один из самых доблестных полководцев Валентиниана I (364-375), который после восстановления контроля Рима над Западной империей вышел в отставку и удалился в поместье в Испании.

Его сын, также Феодосии, родился в Кауке (современная Кока, провинция Сеговия) от матери по имени Терманция, названной в честь одного из кельтиберских городов, который отчаянно сопротивлялся римлянам во II веке до н. э. В 379 году он был избран императором Восточной империи, и дважды ему ненадолго удавалось

восстановить влияние Рима; он успешно защищал Западную империю при Валентиниане II от узурпаторов и пытался навязать всем подданным непреклонную религиозность. Однако предотвратить раскол между Востоком и Западом, а также распад Западной Римской империи перед угрозой новых набегов германских племен вдоль северных границ (германцы спасались от гуннов, которые впервые появились в Европе приблизительно в 370 году) было невозможно. Римская аристократия оставляла военную службу ради политических интриг в столице империи либо из желания наслаждаться жизнью в своих имениях. Константин, Валентиниан и Феодосии I были выдающимися военачальниками и демонстрировали свои умения на поле боя, а их не самым успешным наследникам требовалась военная поддержка. Именно последним потомкам Феодосия I выпало беспомощно наблюдать финальные стадии распада Западной Римской империи.

Готская Испания

Господство Рима было расколото вторжением 200 000 вандалов, свевов и аланов на территорию Западных Пиренеев в начале осени 409 года. За время своего правления вестготские завоеватели так и не смогли вернуть Испанию к прежнему процветанию и стабильности, несмотря на принятие королем Реккаредом в 587 году католицизма — религии испано-римского общества, и обнародование королем Реккесвинтом в 654 году единого свода законов, Forum iudiciorum, основанного во многом на римском праве. Это период, о котором мало что известно, помимо деяний правителей, законодательных споров и решений поместных соборов, — а они не объясняют древнюю испанскую традицию (следует надеяться, к настоящему времени забытую) начинать длинный список вестготских правителей с Аларихa I. Последний наверняка удивился бы этому факту, ведь он умер в 410 г. в Италии!

После первой волны нашествий германских племен на Западную Европу вандалы на двадцать лет закрепились в Бетике, а затем двинулись к Северной Африке через Хулия-Традукту (нынешняя

Тарифа), в то время как свевы прочно обосновались в Галисии, откуда каждый год совершали набеги на Лузитанию и Бетику, а в 449 году даже разграбили Илерду (современная Лерида) в провинции Тарраконенсис. В попытках вернуть хотя бы видимость контроля над Испанией, Риму пришлось обратиться за помощью к вестготам, что они и сделали в 415 и 446 годах. Сопротивление свевов было быстро и жестоко сломлено, а выживших оттеснили к их первым поселениям в Галисии. Провинция Тарраконенсис еще в некоторой степени подчинялась Риму, когда в 476 году последний император Ромул Август был свергнут с престола — и Западная империя официально перестала существовать.

Административным центром вестготской власти была старая преторианская префектура галлов в Арелате (современный Арль), и Испания, как провинция нового вестготского королевства, находилась под властью графа {Comes Hispaniarum) до 507 года, когда был побежден и убит франками при Вуйе (недалеко от Пуатье) Аларих II. Вестготы откатились на запад, к более узким и хорошо очерченным границам испанского полуострова, где к 585 году им удалось покорить королевство свевов. Однако для

вестготского господства существовали серьезные географические и политические препятствия.

Горные народы на севере — васконы, кантабрианцы и астурийцы — так и не покорились пришельцам. Они оставались постоянной помехой и часто совершали набеги на земли франков и вестготов по обе стороны Пиренеев. Их действия особенно раздражали германские власти, потому что имели обыкновение совпадать по времени с внутренними кризисами (обычно при делении трона). Тем временем на юге с 552 по 621 год Византия держала под контролем южную провинцию Картагинесис (Картахена), восточную Бетику (современная Малага) и Балеарские острова — провинцию Восточной Римской империи, известную как Спания. В правление Юстиниана (527-565) Византийская империя, которой предстояло просуществовать еще тысячу лет, осуществила попытку восстановить влияние Рима в восточных провинциях, вначале через уничтожение королевства вандалов в Африке в 553 году, присоединение Балеарских островов в 534 году и завоевание Италии в 536 году, а затем через создание плацдарма на юге Испании и поддержание своего присутствия; внутренние проблемы региона оказались византийцам толь-

ронации Реккесвинта, вестготского короля VII в.

ко на руку.

Господство вестготов, точнее, тот недолгий период, о котором мы знаем, — непрерывная череда коронаций, свержений и узурпации. Сыновья всего двух правителей (Леовигильда и Хисдасвинта) правили после отцов более двух лет. Регулярные и частые перевороты, должно быть, происходили во всей стране. Раздробленная монархия никак не могла избавиться от Византии на юге, не говоря уже о противостоянии исламской экспансии, перед которой вестготское королевство Толедо рухнуло, как карточный домик.

Считается, что государство вестготов было выборной монархией. Возможно, правильнее говорить о захвате власти, потому что избранные правители восходили на трон по предварительной договоренности, назначению или, в большинстве случаев, путем узурпации. Достоинства правителей, которые прожили достаточно долго, чтобы попытаться оставить след в истории общества, жестоко умалялись политической необходимостью задабривать преемников и покупать их преданность земельными наделами и деньгами.

Вестготскому королю требовались постоянные

походы, чтобы заручиться поддержкой солдат, несущих военную службу во имя короля и делящих военные трофеи. Распределение королевской милости и собственности также имело большое значение, если правитель хотел обеспечить защиту своей семье: ведь королевское покровительство и щедрость не могли восполнить недолгий период пребывания на троне. Сановники легко отказывались от преданности правителю, что не могло не оказывать влияние на общество в целом, особенно когда около двухсот тысяч завоевателей столкнулись с необходимостью подчинить огромное число испано-римлян, возможно четыре миллиона человек, которые достигли более высокого уровня как материального, так и политического развития.

Подавляющее большинство новоприбывших селились между верховьями рек Эбро и Тахо, в северной месете между Паленсией, Калатаюдом и Толедо, на землях, которые когда-то принадлежали кельтиберским племенам. Вестготы преобразовали систему поселений, которую им как союзникам Рима отдал Константин в 418 году: вестготским поселенцам достались две трети крупных поместий испано-римских землевладельцев. Ни мелкие фермы, ни церковные земли

поделены не были. Варвары также переняли римскую систему управления: жизнь в крупных поместьях и виллах шла своим ходом, как раньше; испано-римскую землевладельческую аристократию полностью не выселили.

Ни о каких восстаниях испано-римской элиты и ни о каких-либо законах, направленных на понижение ее социального статуса или экономической власти при перераспределении земель, неизвестно, и это доказывает, что, по всей видимости, испано-римское население не страдало от гнета и притеснений со стороны новых хозяев. Без сомнения, самые высокопоставленные лица в королевстве имели готское происхождение, однако финансами государства заведовали испано-римляне, потому что они располагали опытом и знаниями. Сохранилось очень мало свидетельств городского образа жизни при вестготах. Есть ряд свидетельств того, что городская жизнь продолжала ухудшаться: великолепные гражданские памятники периода расцвета Римской империи разрушались либо разворовывались, чтобы возводить церкви и крепости. Похоже, вестготы со всей серьезностью взялись за ремонт и укрепление городских стен. Не стало процветающих центров торговли I и II веков до н. э., города

и деревни превратились в маленькие укрепленные анклавы, сосредоточенные вокруг церквей, монастырей и епископальных дворцов.

Власть над этими городами была в руках королевского двора и епископов. С приходом чужеземцев значение церковной власти в гражданской администрации, пожалуй, даже выросло. Почти полный крах светской власти сделал католических испано-римских епископов главной силой в городах и деревнях. Новые правители были не в том положении, чтобы вмешиваться, и в итоге даровали церкви относительную независимость. Территориальное деление Римской империи сохранялось. Теперь статус города зависел от того, какого ранга священнослужители в нем жили. С принятием королем Реккаредом «римской религии» в 587 году церковь и государство сделались близки как никогда ранее. Положение короля как главы церкви наглядно видно из применения отлучения в качестве наказания за преступления. Король правил с помощью поместных соборов. Взамен церковь получала материальное вознаграждение (пожертвования, дары, права на возврат собственности и освобождение от уплаты налогов), что, казалось, никак не могло удовлетворить ее ненасытность. Ни на что другое

епископы, как готы, так и испано-римляне, не тратили больше времени, чем на защиту церковной собственности.

Весьма явным показателем их согласия со светской властью было отсутствие возражений и споров по поводу обращения с евреями, особенно в конце VII века, когда тех заставили выбирать между принятием иной веры и порабощением. Возможно, крайне грубое обращение, не объяснимое ни мерками того времени, ни агрессивностью масс по отношению к евреям, — еще один признак фундаментальной слабости, от которой страдало «неоримское» королевство вестготов. Несмотря на религиозные и правовые трансформации завоевателей, образовавшееся общество было не более сплоченным, чем в начале VI века. Монархию, которую Леовигильд полагал средством объединения страны, не уважали и не принимали вплоть до вторжения арабов. А потому вполне вероятно, что порабощенные евреи были готовы и хотели помочь арабам — или, по крайней мере, были рады низвержению своих угнетателей.

Имелись и другие показатели того, что ситуация достигла критической отметки. На самом деле, что довольно иронично, свод законов Эрвигия 681 года, великое юридическое достижение

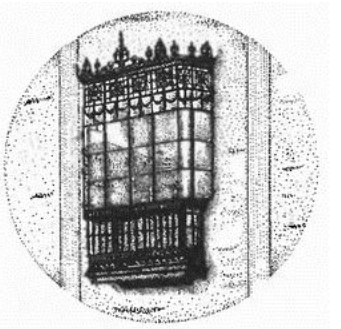
Западной Европы того времени, с тщательным и детальным рассмотрением антиеврейского законодательства и крайне строгих мер, предпринимаемых для возврата сбегавших рабов, лишь усилил ощущение неизбежности краха. Важно помнить, что к концу VII века армия состояла уже не из свободных готов, а из мобилизованных рабов землевладельцев и церкви. Закон, сколь угодно суровый, не обязательно означал, что его будут исполнять. В любом случае способные и решительные вестготские правители, видимо, верили, что справедливое законодательство поможет им достичь желаемых результатов. Возможно, они не питали больших надежд на то, что смогут добиться перемен, однако все же хотели избавиться от социальных язв через всеобъемлющие и полноценные законы.

Однако никакие законы не могли вывести Испанию готов из того положения, в котором она оказалась. На протяжении почти тысячи лет под властью Рима Испания поддерживала тесные контакты с главными торговыми сетями Средиземноморья, а провинции Испании были одними из самых процветающих. В середине I тысячелетия до н. э. Испанию настиг экономический и демографический спад. За несколько

лет до захвата на вестготское королевство Толедо, казалось, обрушились все возможные беды — голод, болезни, пагубная деградация закона и порядка, денежные трудности и разбой вдоль северной границы. Главное, выросло недовольство среди знати и епископов по отношению к королю Родериху, который за несколько месяцев до вступления на престол изгнал сыновей своего предшественника. Когда в 711 году на полуостров вторглись арабы, вестготское королевство сдалось без борьбы.

На фоне мусульманских достижений культурный след вестготов не так заметен, как их военные подвиги. В административном, правовом и политическом отношении они были преданными наследниками традиций позднего Рима. Их пристрастия в архитектуре и изобразительном искусстве в чем-то навеяны византийским востоком: лишь горстка церквей в городах Паленсия, Самора, Оренсе и Толедо несет свидетельство вестготского вклада. Что касается языкового наследия, сохранилось лишь несколько топонимов и патронимов, а также несколько лексических единиц — все на тему войны и грабежа. О языке, на котором они говорили, когда впервые появились на Иберийском полуострове, ничего не

известно. Их законодательные традиции были устными, а административные и юридические процедуры любого рода, касавшиеся жителей страны, проводились на латыни испано-римскими чиновниками, которые умели составлять документы и переводили законы.



ГЛАВА 2
Исламские завоеватели

В начале лета 711 году Тарик с 7000 берберами, недавно принявшими ислам, высадился у скалы, которая до сих пор носит его имя — Джебель-Тарик (Гибралтар). Их послал Муса, правитель Ифрикии, североафриканской провинции Арабского халифата со столицей в Дамаске, чтобы помочь сыновьям короля Витицы вернуть свои земли, отобранные королем Родерихом, преемником Витицы на вестготском троне в Толедо. Название, которое они дали местности к северу от Гибралтарского пролива, звучало как Аль-Андалус, а впоследствии превратилось в Андалусию.

Их прибытие застало короля Родериха за привычным занятием — усмирением васконов и кантабрийцев. Он развернулся, чтобы встретить Тарика, который к тому времени получил подкрепление — еще 5000 берберов. Две армии столкнулись на берегу реки Барбата (недалеко от современной Медина-Сидония). В этой битве 19 июня 711 года Родерих, преданный прелатами и феодалами своего государства, потерпел жестокое поражение, потерял королевство и, по всей

видимости, жизнь (во всяком случае, больше о нем не слышали).

Тарик прошествовал в столицу Толедо, не встретив никакого сопротивления. Сам правитель Ифрикии с 18 000 арабов из Северной и Центральной Аравии и Йемена присоединился к нему в Талавере в 713 году, и уже вместе в 714 году они завершили оккупацию страны. Они отправились в Дамаск, чтобы объявить о своей победе и заплатить дань халифу, оставив наместником (эмиром) новой провинции сына Мусы, Абд аль-Азиза, который женился на Эгилоне, вдове Родериха. Первый эмир Аль-Андалуса основал столицу в Севилье, однако его правление было прервано коварной рукой убийцы, отправленного новым халифом Дамаска, Сулейманом, который к тому времени посадил Мусу в тюрьму. Новый правитель, посланный из Ифрикии в 716 году, пришел с 400 арабами и перенес столицу в Кордову.

Первые берберы, около 12 000 человек призывного возраста под командованием Тарика, расселились в горных и периферийных районах Иберийского полуострова, в основном на северо-западе (как у себя на родине, когда они были пастухами в Атласских горах на севере Африки), и вернулись к своему пасторальному образу

жизни. Они первыми стали свободно вступать в браки с местным населением; многие из местных обратились в ислам и к IX веку уже говорили не на вульгарной латыни, а на местном диалекте, либо на арабском — языках политически доминирующих групп.

Этнические, племенные и религиозные различия между завоевателями сделали бы их положение в Испании ненадежным, если бы не явная покорность местного населения. С учетом всех африканских армий и небольших отрядов солдат и офицеров арабского происхождения население политически доминирующих групп в регионе составляло 40 000 человек, с аравийцами, в основном в Севилье и Валенсии, и с йеменцами, также поселившимися в Севилье, а еще в Кордове, Бадахосе, Эльвире (Гранаде) и Мурсии. Помимо армии, охраны и, возможно, еще 50 000 человек, в большинстве своем жителей Северной Африки, зависимых от своих господ, о других завоевателях и общей их численности мы не знаем. Поразительная легкость, с которой захватчики победили короля Родериха, обнажила слабости вестготского государства, а, учитывая этнические и племенные разногласия между мусульманскими завоевателями, столь же успеш-

ное установление нового режима и постоянных границ на века должно было доказать беспристрастную и справедливую суть исламского правления в сравнении с вестготской вольницей. Учение ислама создало прочную основу для объединения арабских и берберских племенных общин, обычно ведущих кочевой образ жизни.

Процесс социальной интеграции

Абд аль-Азиз, сын Мусы и первый эмир Аль-Андалуса, подал пример сосуществования завоевателей с теми, кто признал новых владык, в 713 году в договоре с Теодомиром, вестготским правителем крупного региона, куда входили Аликанте и Мурсия со столицей в Ориуэле. В рамках этого договора Теодомир, бывший вождь Картахены, как полководец, сохранил значительную долю автономии при условии выплаты дани в размере одного динара, четырех бушелей пшеницы и ячменя, четырех мер солода, четырех — уксуса, двух — меда и двух — масла с одного подданного и половины этого объема с раба. Такое указание получил его сын Атанагильд и его преемники, «которые располагали властью, пока оставались честными и преданными слугами своего господина». Под юрисдикцией светского господина «библейский народ» — христиане и иудеи — мог продолжать исповедовать свою религию и получал защиту в обмен на землю и подушный налог, а те, кто добровольно обратился к исламу, освобождались от налогов, как и рабы, которые, сменив религию, могли обрести свободу.

Предположительно эти правила действовали во многих регионах страны, и, таким образом, земли во многом оставались в распоряжении предыдущих владельцев, отныне на условиях личной и территориальной зависимости от политического центра, что было аналогично феодальным узам, которые связывали вестготских сеньоров с их королем. Люди, которые оставили свои земли или которых заставили это сделать насильно, потеряли собственность. Конфискованные земли были поделены и превращены в малые и средние наделы, которые обрабатывались непосредственно владельцами с помощью слуг и рабов или, чаще, препоручались местным жителям на условиях испольной аренды. Такая форма землепользования, до сих пор действующая в Испании, видимо, перенята из Византии. Землевладелец обеспечивал всем необходимым (землей, инструментами и семенами), а арендатор предлагал рабочую силу; доля урожая, полагавшаяся хозяину земли, варьировалась от одной шестой до половины.

Новая правящая элита продемонстрировала осторожность в обращении с землей и никакого желания самой ее обрабатывать. Первое поколение арабских солдат получило земельные

наделы в качестве вознаграждения за военную службу, однако 7000 сирийцев эмира Балджа не могли расселиться так, как надеялись, по обычаям Сирии, потому что найти свободные земли, чтобы не лишать никого права, было непросто. Вместо этого воинов расселили по поселениям на юге Испании и выдавали государственное жалование как профессиональным солдатам. Подобно берберам, арабы и сирийцы с самого начала склонялись к свободному общению с местным населением: светловолосые девушки с севера страны пользовались наибольшей популярностью. К X веку эти связи привели к окончательному смешению кровей.

Местное население, которое предпочло остаться христианами (относительно небольшое, по сравнению с числом тех, кто принял ислам), получило полную защиту закона в обмен на земельную подать. Их судили по собственным законам, если они выражали такое желание, они имели собственные церкви и сами выбирали светских и церковных властителей. Они были известны как мосарабы (мустариб — похожий на араба) из-за сходства в манерах и одежде с завоевателями. Им предстояло сыграть очень важную роль в распространении арабской культуры

среди северных племен, так как они мигрировали на север, по мере того как христианские королевства завоевывали новые земли. Им содействовали евреи, которым была дарована та же степень свободы и независимости, что и мосарабам. На самом деле, воодушевленные таким отношением, многие евреи, которые наводнили страну во время правления вестготов, вернулись в Аль-Андалус, единственную в Европе страну, где они могли жить большими поселениями. Они поселились преимущественно в Толедо, Кордове, Малаге и Гранаде; с X по XII век они внесли заметный вклад в культуру и систему управления как мусульманской, так и христианской Испании, способствуя распространению испано-арабской цивилизации в Европе.

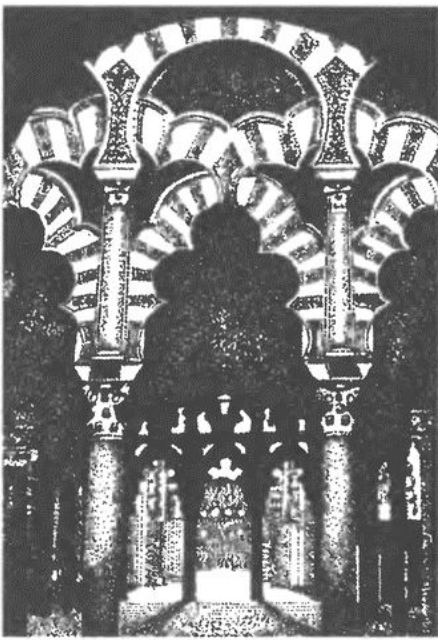
Рабы из Восточной и Северной Европы и негры из Судана сыграли большую роль в этом смешении народов. Во время набегов арабо-берберские армии обращали в рабство тех, кто отказывался признавать их власть, а многие попали в плен еще детьми, вероятно купленными у викингов. С конца VIII века викинги вели активную торговлю рабами, которых сами захватывали во время походов по Европе и за ее пределы. Затем этих детей воспитывали в исламской вере. Мужчины

и женщины, освобожденные после перехода в ислам, стали занимать важное положение среди правящей элиты и в королевском дворце. К X века в одной Кордове их насчитывалось около 8000 человек. Что касается рабов мужского пола, хорошее обращение хозяев — которые позволяли им заниматься политикой, вести культурную и профессиональную жизнь, нести гражданскую и военную службу — стало причиной того, что те не стремились покидать бывших владельцев. Более того, в армию и личную охрану стали все чаще вербовать наемников и рабов. Ко второй половине X века рабы составляли большинство солдат и стражников.

ГОРОД

Социальные группы, которые образовались в результате смешения арабов, берберов, испанцев римского и готского происхождения и евреев, сосуществовали относительно мирно. Новые хозяева строили новые здания и расширяли римские фундаменты, перестраивали старые города и основали двадцать новых. Как и для римлян, стратегические вопросы для них имели первостепенное значение: в только что основанных или восстановленных городах либо размещались пограничные гарнизоны, либо туда сходились

дороги из важных областей. Новое общество было чрезвычайно урбанизированным, превзойдя даже римлян в великолепии культурных достижений. Дворцы, общественные бани, школы, мечети, рынки, фонтаны и сады украшали города и представляли собой несомненные излишества.



Мечеть Кордовы, строительство которой нача-

лось в 785 г.

До 1031 года Кордова выделялась среди плеяды процветающих промышленных и культурных центров, пока была столицей независимого эмирата (756) и халифата Омейядов (929). Конкурируя по численности населения (100 000 человек) и великолепию с Багдадом и Константинополем, она, со своей Великой мечетью (где ту не испортил христианский кафедральный собор, ворвавшийся вовнутрь), все еще является лучшим на Иберийском полуострове образцом величайшего расцвета мавританской культуры. Фундамент Великой мечети был заложен Абд аль-Рахманом I в 785 году, а последующие эмиры и халифы расширяли и украшали комплекс. Абд аль-Рахман III, первый независимый халиф Кордовы, построил на западе от города новый дворец — Медина-Асахара, над которым двадцать пять лет подряд трудились 10 000 каменотесов и чернорабочих, 1800 верблюдов и ишаков и который обошелся халифу в 300 000 динаров. Его сын и наследник аль-Хакам II был великим поэтом и библиофилом — считается, что у него имелась личная библиотека в 400 000 томов, — и во время его правления Кордова сделалась мировым книжным центром. Его главный министр аль-Мансур завершил эру

Омейядов строительством Медина-Асахары к востоку от Кордовы, памятника своим великим военным достижениям.

ДЕРЕВНЯ

Материальные богатства и культурный шарм больших городов сочетались с разнообразием и изобилием сельского хозяйства. Успешно высаживали новые растения и фруктовые деревья; изучали и обогащали почву; ирригационные каналы, системы, водяные мельницы, колодцы и арыки помогли ввести в пользование новые районы. Помимо олив, кукурузы и винограда, в VIII или IX веке начали появляться другие культуры, которые теперь ассоциируются с Испанией, такие как рис, шафран, хлопок, апельсины, лимоны, дыни, фиги, яблоки, гранаты, бананы, финики, каштаны, айва, сахарный тростник из Альмуньекара, мед из Алькаррии («район ферм», исп. alqueria от араб, al-qarya — «маленькая ферма») и бобовые (фасоль, чечевица, горох). Высокие урожаи этих фруктов и зерна свидетельствуют о поразительном прогрессе в производстве, урожайности и хранении, который позволял накормить растущее население и экспортировать излишки. На самом деле именно в этих районах местный диалект почти полностью уподобился

арабскому: к примеру, попа (водяное колесо), acequia (ирригационный канал), aljibe (цистерна) и многие другие слова. Летописцы тех времен восхищались роскошным пейзажем маленьких деревень (исп. aldeas — от араб, al-daya), разбросанных по сельской местности, каждым тщательно обработанным клочком земли, в том числе умело террасированными склонами, которые туристы до сих пор могут видеть на Балеарских островах.

Вдоль побережья рыболовство и перерабатывающая промышленность достигли уровня, предшествовавшего приходу вестготов; тунец, сардины и шед были основными промысловыми видами. Приготовление анчоусов сделалось традиционным занятием в Малаге, а белая соль Сарагосы и Ибицы использовалась для консервации продуктов, которые экспортировались повсюду. Кочевой образ жизни арабов и берберов помог развивать животноводство, особенно в сухих холмистых долинах приграничных районов. Овцы и крупный рогатый скот в изобилии паслись на севере Толедо. Куэнка и Мурсия стали важными центрами производства шерсти. Подобно римлянам, мусульмане практиковали отгонное животноводство — летом под пастбища

отводились возвышенности, а зимой низины. Андалусийские лошади ценились весьма дорого, использовались для охоты, войн и турниров; говорят, что аль-Мансур для государственных нужд покупал по 8000 лошадей в год. На Майорке активно разводили мулов: мулы и ослы были опорой транспортной системы, они тянули за собой телеги и носилки; их использовали и во время войны, так как они без труда могли передвигаться по горам. Быки и волы распахивали поля.

Династия Омейядов

С 756 по 1031 год под властью сильных и образованных правителей, сменявших друг друга

мирным путем, Аль-Андалус достиг уровня процветания, образования и терпимости, которым восхищались и завидовали современники из всех известных частей света, несмотря на то, что начало золотого века испано-арабской цивилизации было не слишком удачным.

АБД АЛЬ-РАХМАН I

По крайней мере, в каком-то смысле, неудачное начало позволило прорасти семенам перемен. В 756 году Абд аль-Рахману, единственному выжившему представителю династии Омейядов, удалось сбежать от новой династии Аббасидов, утвердившейся в Дамаске, и пробраться в Альмуньекар (восточная часть Нерхи). Свой талант и отвагу он уже продемонстрировал в эпическом походе из одного конца Средиземного моря в другой с союзниками Аббасидов, которые были готовы уничтожить любого, кто смел претендовать на престол. Ему удалось получить достаточную поддержку, чтобы свергнуть эмира Аль-Андалуса и объявить себя независимым эмиром провинции, все же признавая религиозную власть халифа Багдада, новой столицы Аббасидов. Абд аль- Рахман (756-788) восстановил порядок в Кордовском эмирате и привел к некоторому согласию разношерстное население

тех мест. Он позволил исламизации протекать медленно, уважал законные права побежденных народов и допускал религиозную свободу.

Укрепив свое положение, он затеял обширное строительство, чтобы утвердить власть и статус и, таким образом, заложить фундамент величия Кордовы. В 785 году он начал строительство Великой мечети, которую его преемники значительно расширили, и пристроил к ней цитадель, а также летнюю резиденцию, созданную по образцу резиденции его предка, халифа Хишама, построенной в садах, орошаемых водами Евфрата. На престоле его сменил второй сын и назначенный наследник Хишам I (788-796), который мирно и безвыездно правил более семи лет, увлеченный завершением Великой мечети и религиозными штудиями. Каждый год при этом он, словно на полевые работы, отправлял армию на захват северных территорий, а также для сбора дани с побежденных народов, грабежа земель, добывания скота и рабов, либо в качестве демонстрации силы в приграничной полосе.

У преемника Хишама аль-Хакама (796-822) не было времени на походы, поскольку больше всего его заботила внутренняя безопасность и он был настроен на искоренение любых признаков

инакомыслия. Он не останавливался ни перед чем и в своем беспощадном подавлении протестов и жалоб отвратил от себя большую часть населения. В 797 году он приказал обезглавить лидеров муладов Толедо — мусульман иберийского происхождения Толедо, которые осмелились выразить недовольство. В 806 году, когда эмира известили о заговоре с целью посадить на престол его двоюродного брата, он казнил наиболее уважаемых жителей пригорода Кордовы. К 818 году весь пригород, представлявший собой очаг недовольства, восстал против жестокости эмира. На сей раз, чтобы подавить мятеж, понадобились усилия личной охраны и армейских подразделений. Возмездие было беспощадным, и пригород разрушили до основания. В отличие от своего отца аль-Хакам I не пытался укрепить свою власть и увеличить доходы с помощью регулярных походов против неверующих; кроме того, его своенравные методы и деспотичное поведение еще больше укрепили зависимость эмира от собственной личной охраны. Помимо состоявшей из берберов стражи, он завербовал в армию 6000 рабов с регулярным жалованием и нанял секретных агентов. Естественно, это финансовое бремя выразилось в повышении налогов.

АБД АЛЬ-РАХМАН II

Возможно, его огорчала несдержанность отца, которой ему порой приходилось быть свидетелем, однако Абд аль-Рахман II (822-852), по крайней мере, унаследовал умиротворенное королевство. Его тридцатилетнее правление — один из самых плодотворных и успешных периодов в истории Аль-Андалуса. Покровительство эмира искусству и культуре привлекало людей с разносторонними интересами и ученых со всего мусульманского мира и христианской Европы. В то же время он возобновил набеги на северные территории, по примеру деда. В правление его сына Мухаммеда I (852-886) Аль-Андалус еще процветал. Однако к концу правления опасения аль-Хакама I, казалось, начали оправдываться.

Несколько групп христиан в Кордове стали выражать недовольство растущей популярностью мусульманского образа жизни и культуры среди их собратьев. Их вызывающее поведение и возможный сговор с Ибн-Хафсуном, принявшим ислам, вызвали жесткую реакцию властей. Растущее религиозное беспокойство совпало по времени с серьезным ростом напряжения вдоль северной границы. Приграничные территории оставались в руках местной знати с небольшими

гарнизонами, собственными частными армиями и высокой степенью автономии. Когда центральная власть стала ослабевать, эти приграничные командиры перестали отправлять дань в центр и объявили себя правителями полунезависимых государств. С 886 по 912 год бунты и столкновения сделались частым явлением; в это время, похоже, только Кордова признавала власть эмира. Великолепная политическая структура первых правителей династии Омейядов переживала один из самых разрушительных периодов своей истории. Отношения между правителями и правящей элитой строились на личной преданности, господство Омейядов держалось на военной и экономической власти. Слабые властители были вынуждены наблюдать, как возникшие этнические, племенные и религиозные разногласия ведут страну к политической дезинтеграции. Прежнюю славу Аль-Андалуса мог вернуть авторитарный правитель, и в безнадежной, казалось бы, ситуации такой человек появился. По всеобщему мнению, из-за природной подозрительности Абд-Аллах (889-912) совершил все возможные преступления против собственных детей, зато он выбрал правильного преемника — двадцатилетнего внука.

АБД АЛЬ-РАХМАН III

Абд аль-Рахман III (912-961) был типичным представителем Аль-Андалуса: отец — араб, мать — франкская или баскская наложница. Его бабушкой была принцесса Инига, дочь короля Памплоны Фортуна Гарсеса, которую отправили в Кордову в знак уважения. Как повествуют летописцы Андалусии, у Абд аль-Рахмана были рыжие волосы и голубые глаза, он был отлично развит как физически, так и интеллектуально, бегло говорил на арабском и романских языках. Его первой задачей при восхождении на трон стало восстановление власти и укрепление ее во всем королевстве. Он покончил с десятилетней изоляцией Севильи, отправлял армию в походы на Леон, Наварру и Кастилию и утвердил военное превосходство эмирата на приграничных территориях. Желая предупредить возможные враждебные помыслы нового Фатимидского халифата в Северной Африке, он оккупировал Мелилью (927), Сеуту (931) и Танжер (951). Он также укрепил религиозные связи с Багдадом и в 929 году принял титул халифа и эмира аль-Муминин («Повелителя правоверных»). Памятником его великолепным военным и политическим достижениям стала цитадель, которую он начал

строить на подступах к Кордове в 936 году. К концу его жизни Кордовский халифат являлся бесспорным властелином Иберийского полуострова, а южные границы надежно защищались от вторжений Фатимидов. Три крупнейших района на севере — Леон, Кастилия и Наварра — обязались платить дань и признать власть халифа.

Аль-Хакам II (961-976) правил в зените просвещения и образованности Аль-Андалуса под властью династии Омейядов. Однако его сын Хишам II (976-1013) был вынужден полагаться на других, чтобы удержаться на престоле. Его всемогущим министром, которому почти удалось установить власть мусульман над всем Иберийским полуостровом, был аль-Мансур (938-1002), выходец из Йемена, чья власть над халифом зашла столь далеко, что он взял мать халифа, баскскую наложницу, себе в жены. Его военная доблесть причинила немалый урон христианским землям. Барселона была разграблена в 985 году, Сантьяго-де-Компостела два года спустя, ворота кафедрального собора сняли, а колокола увезли в Кордову и установили на Великой мечети. Аль-Мансур погиб в Мединасели во время своей последней кампании против Риохи в 1002 году. Его сын Абд аль-Малик сменил

отца на посту первого министра Хишама II и в 1003 году принудил Кастилию и Леон оказать помощь в разорении графства Барселона. Второй сын аль-Мансура Абд аль-Рахман (известный как Санджул), чья мать была дочерью Санчо II Наваррского, имел дерзость убедить халифа назначить его наследником. В 1009 году, когда халиф ушел в поход на север, Омейяды и арабская аристократия восстали против Абд аль-Рахмана, и в марте 1009 года его казнили. Несколько месяцев спустя Хишам II отрекся от престола в пользу Мухаммеда II, который также был свергнут войсками берберов, провозгласившими халифом Сулеймана, еще одного внука Абд аль-Рахмана III. Через 20 лет анархии, в 1031 году, Хишам III был низложен, и Омейядский халифат прекратил существование как единая структура.

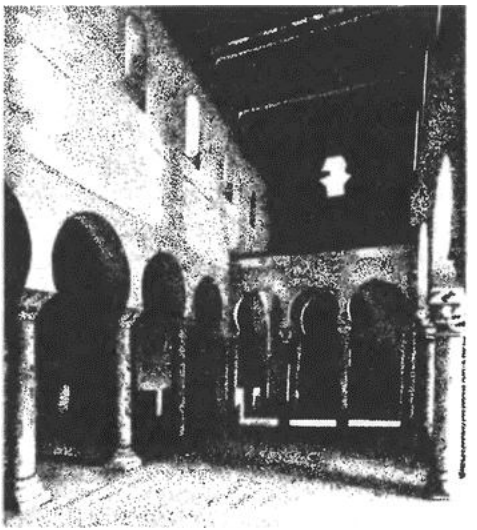
КОНЕЦ ДИНАСТИИ ОМЕЙЯДОВ

Политический крах Омейядского халифата был предсказуем. Как уже отмечалось, местные социальные и политические силы никак не могли достичь согласия относительно власти, что продлило бы существование халифата. Омейяды помогли Абд аль-Рахману I основать в 756 году первый независимый эмират, однако успех его правления опирался на военные победы над

неверными, значительные трофеи для армии и жестокое подавление протестов и инакомыслия. Вероятно, осознавая шаткость своего положения, Абд аль-Рахман I не стал окончательно порывать с Багдадским халифатом и продолжал признавать его религиозное господство. В то время как аль-Хакаму I приходилось поднимать налоги, чтобы оплачивать постоянную армию, Абд аль-Рахман III на пике военной мощи, владея невообразимыми богатствами, по словам современников, был первым, кто провел денежную девальвацию, предположительно чтобы справиться с ростом расходов на военные нужды. Летописцы также отмечали его оторванность от подданных и разверзающуюся пропасть между чиновниками и военной элитой, что отталкивало арабскую знать от центральной власти. Аль-Мансура в этом направлении унесло еще дальше: единственной основой его власти была поддержка Хишама II, и лишь военные успехи и помогали удерживаться на престоле. Он реорганизовал армию, покончив наконец с родовой структурой и вербуя все чаще берберов из Северной Африки, наемников и рабов, в том числе христиан из Северной Европы. Трофеи и дань, которая взыскивалась с северных королевств, не могли поступать бесконечно,

и аль-Мансур за пятьдесят с лишним походов, несомненно, достиг предела. Более того, основание Фатимидского халифата в Кайруане в 909 году увеличило расходы на охрану побережья Гибралтарского пролива и, вероятнее всего, сократило приток африканского золота, которое стекалось до этого в Кордову. За двадцать лет после 969 года, благодаря торговле с Византией, Кайруан вырос настолько, что стал больше Кордовы и Багдада вместе взятых. Сын аль-Мансура не мог состязаться с отцом в военных победах, а попытка Санджула выдвинуть себя преемником Хишама II стала последней каплей, которая смыла видимость династической законности при правлении Омейядов. Ввиду отсутствия сильного и победоносного правителя, аристократия Кордовы свергла последнего из халифов, Хишама III, и упразднила этот пост. Аль-Андалус раскололся на отдельные маленькие государства (тайфы), образовавшихся вокруг главных городов, как правило, под властью сильной знати и военных командиров. Солдаты-рабы и слуги халифата, вероятно, поселились в Альмерии, Валенсии и Дении (куда входили Балеарские острова); берберы в большинстве своем отправились в Малагу, Альхесирас, Гранаду и Ронду; а мусульманская

аристократия, состоявшая из арабов и местного населения, осталась в центральных и южных городах.



Мосарабский стиль: вид церкви Сан-Мигель-де-Эскалада с арками в форме замочной скважины или подковы

Закат Кордовского халифата Омейядов не был концом мусульманской Испании. Большинству тайфов удалось просуществовать два века, а

королевство Гранада (занимающее территорию современных провинций Малага, Гранада и Альмерия) не принимало христианство до 1492 года. В действительности испано-мусульманская цивилизация достигла нового расцвета в период с XI по XIV век. Культурная и художественная монополия Кордовы вызвала у некоторых дворов страстное желание превзойти достижения Омейядов. В своем новом дворце Альхаферия во второй половине XI века аль-Муктадир, правитель Сарагосы, воплотил самые искусные и сложные формы декоративной архитектуры. Хиральда и Золотая башня (Торре-де-Оро) в Севилье построены в том же веке. Альгамбра (al-hambra — «красный»), отлично сохранившийся символ испано-мусульманской культуры, относится к XIII-XIV векам.

Однако раскол дорого обошелся мусульманской Испании: не имея возможности или желания действовать совместно против растущего давления с севера, она потеряла военное преимущество перед своими христианскими соседями. До 1031 года северные королевства были вынуждены платить мусульманам большую дань. Теперь настала очередь христиан регулярно совершать набеги на мусульманские государства для сбора

дани. Когда давление достигло предела, мусульманской Испании пришлось просить помощи у Северной Африки, в 1085 и в 1146 годах.

В 1085 году Толедо сдался Альфонсу IV, королю Леона и Кастилии. Правитель Севильи попросил военной помощи у берберов-альморавидов Северной Африки, которые не только одержали победу над Альфонсо в битве при Залаке (недалеко от Бадахоса) в 1086 году, но и сместили правителей тайфов и восстановили политическое единство Аль-Андалуса, которое продлилось до 1144 года, когда в очередной раз страна распалась. Вскоре произошло вторжение Альмохадов — снова берберы, которые вошли в Аль-Андалус в 1146 году и восстановили порядок, а затем были разбиты объединенными христианскими армиями при Лас-Навас-де-Толоса в 1212 году. После битвы при Лас-Навас северные королевства смогли продолжить осуществление плана по ослаблению господства мусульман в Испании и к 1266 году почти выполнили эту задачу, за исключением королевства Гранада, восстановленного в 1238 году сирийцем из династии Насридов, Мухаммедом I, который смог сохранить власть, будучи вассалом Фердинанда III.

Подъем христианской Испании

Когда Омейядский халифат прекратил существование, поселения вдоль Кантабрийского побережья и подножия Пиренеев едва начинали отделяться от защищающих их гор в поисках пространства для растущего населения. Во времена римского и вестготского владычества горные жители оставались вне основного потока событий, изолированные в своих родовых поселениях и узких долинах, занятые животноводством и сельским хозяйством. Порой они спускались в богатые долины Дуэро и Эбро, чтобы разграбить низины. Римляне довольствовались номинальным подчинением и не видели никакой пользы в полном порабощении горцев. С другой стороны, вестготы поселились гораздо ближе и потому более внимательно следили за горными племенами.

Приход мусульман вытеснил вестготскую элиту в Кантабрийские горы и долины Астурии и Галисии, за горную цепь, которая бежит вдоль побережья и разделяет Испанию на «влажную» и «сухую». Дополнительный приток населения в эти земли, должно быть, заставил людей

двинуться в единственном возможном направлении, к югу, вдоль северных притоков реки Дуэро — Эслы и Писуэрги. Так возник первый очаг независимости от Аль-Андалуса, стремящийся к расширению. Люди перебирались на незаселенные территории, а очень медленный темп миграции на юг может быть связан с их малочисленностью.

КОРОЛЕВСТВО АСТУРИИ И ЛЕОНА

Легенды об астурийско-леонской монархии связывают ее первого правителя Пелайо с королем Родерихом — его внуком и преемником, который был избран членами королевской семьи и правящей элитой вестготского королевства Толедо, искавшими укрытие от исламских завоевателей на севере. Пелайо в 722 году нанес первое символическое поражение маврам у Ковадонги, в самых глубоких горных ущельях Европы, благодаря духовной поддержке святого Иакова, и поднял знамя сопротивления завоевателям. Молитвы помогли и в сражении с халифом Абд аль-Рахманом при Симанкасе в 939 году и привели к внезапной смерти аль-Мансура в 1002 году — как поговаривали, смерть стала карой за разграбление собора Святого Иакова и города апостола (Сантьяго-де-Компостела) в

997 году. Жители Леона, оказавшиеся в тяжелом положении, испытывали сильную потребность в вере. Версия победителей была немного иной: Ибн-Хайян (987-1076), сын одного из секретарей аль-Мансура, признавал, что храм апостола имел для всех христиан такое же значение, как Кааба в Мекке для мусульман. Относительно права получить обратно отнятые земли Ибн-Хайян был куда сдержаннее: северные бунтари, по его словам, просто «тридцать варваров, забравшихся в горы», которые непременно должны умереть!

ФРАНКСКИЕ ГРАФСТВА

Поражение в Ронсевале в 778 году заставило Карла Великого свернуть в сторону Пиренеев у Средиземного моря для создания оборонительной буферной зоны против мусульман. Он захватил Жерону (785) и Барселону (801) с помощью hispani[2], которых Абд аль-Рахман выселил во время своей карательной кампании против Сарагосы и которые бежали на запад и север Восточных Пиренеев. Карл основал Марка Испаника — Испанскую марку, состоявшую из пяти графств, ограниченных на западе реками Лобре-

[2] Примечания: 2

Беженцы, преимущественно готы и испано-римляне, нашедшие убежище во франкских графствах.

гат и Кардонер, под властью графов Барселоны, которые стали наследными правителями, к 800 году независимыми от франков. Когда набеги мусульман сократились, каталонские графства стали наращивать численность населения и развиваться по схеме, весьма отличной от других центров, сопротивлявшихся мусульманскому господству. Во-первых, ранние попытки создать социальную группу мелких фермеров очень скоро породили жесткую манориальную систему. Исчезновение свободного крестьянства, как и предполагалось, проходило одновременно с увеличением числа феодальных замков; отсюда название Каталонии, страны кастелянов (жителей замков). Имущество сосредоточилось в руках светских и церковных властей, а также крупных монастырей. Во-вторых, на протяжении всего раннего периода каталонские графства оставались центром культурного развития юго-восточной Франции. Монастыри в Риполе и Сан-Педро-де-Рода были построены в первой половине XI века, вполне вероятно, на часть тех средств, которые Рамон Боррель I привез из похода в Кордову в 1010 году. Его военные трофеи, без сомнения, также обеспечили чеканку монет с профилем графа — первого атрибута истинной

королевской власти.

АРАГОН

Западнее каталонских графств, вдоль верхнего течения притоков Эбро, спускающихся с Пиренеев, жили похожие друг на друга сообщества, которые обрабатывали маленькие клочки земли и пасли мелкий и крупный рогатый скот. Эти сообщества стали аванпостами франкской системы обороны. В начале IX века местный землевладелец по имени Аснар Галиндо получил титул графа Арагонского, в честь реки, которая текла на юг через долину Канфранк к первой столице региона — городу Хака. Он правил этой местностью, пребывая в зависимости от Тулузы. Его преемники медленно расправляли крылья, занимая земли между реками Арагон и Гальего, где духовным центром был монастырь Сан-Хуан-де-ла-Пенья, который играл ту же роль, что и мемориальный центр, построенный в Ковадонге, для первого Астурийского королевства. К началу IX века Арагон связал себя браком с соседним королевством Наварра, которое под управлением Санчо III Великого (1005-1035) лидировало среди зарождающихся христианских государств.

НАВАРРА

Впервые упомянутое во франкском тексте в начале IX века название из языка басков, «Нафарроа», объединяло два поселения васконов, сосредоточенные вокруг Памплоны (поселение «баскунов» — согласно арабским текстам) и городов Сангуэса и Лейре (поселение «гласкиюнов»), которые развивались самостоятельно после распада приграничных «центров силы», защищавших империю Карла Великого до 814 года. В центре региона находилась Памплона, укрепленный анклав на пересечении дорог между городами Хака, Тудела и Логроньо и главным перевалом Пиренеев, Ронсевалем. Стратегическое положение делало Памплону не только естественным центром влияния в регионе, но также и полюсом притяжения. Ранние арабские историки называли ее ядром сопротивления, заселенным бедняками, вынужденными бросать свои саманные хижины в горах из-за нужды. Соглашение с кланом Бану Каси, который охранял верхнюю границу Аль-Андалуса (Тудела, Сарагоса и Уэска), гарантировало Памплоне мир. В 778 году Бану Каси вместе с васконами из Памплоны разбил наголову Карла Великого у перевала Ронсеваль после неудачной попытки взять Сарагосу; позже мир закрепили браком.

Юго-запад Памплоны, второй центр сопротивления вокруг Сангуэсы и Лейре, более активно подвергся монастырской колонизации. Династия Химена успешно установила свою гегемонию в Памплоне и за первые десятилетия X века расширила сферу влияния до Эстрельи и вниз по долине Эбро до западной части Туделы — Риохи и Алавы (923), а в 922 году объединилась с Арагоном через брак. Заселение земель по ту сторону реки Эбро доверили монастырям, таким как Сан-Мильян-де-ла-Коголья и Сан-Мартин-де-Альбельда. Благодаря политическому и культурному влиянию, Наварра стала известна в христианской части Иберийского полуострова в правление Санчо III. Правители Барселоны, Леона и Сарагосы оказывали ему почтение и признавали его лидерство. Памплона являлась также главным городом на пути паломников в Сантьяго — на пути, который король облегчил, восстановив старую римскую дорогу.

Лидерство Санчо III среди христианских владык и покровительство мусульманским правителям, от которых он первым получал дань, отличали его правление. Суверенитет пока не обсуждался, нет и свидетельств того, что Санчо пытался притязать на постоянную гегемонию Наварры.

К моменту его смерти в 1035 году интервенция в Леон застопорилась, и Наварра вынужденно отказалась от дальнейшего захвата земель за рекой Писуэрга. Более того, намерения Санчо относительно наваррских земель (включая Риоху, Алаву, Гипускоа и Бискайю), которые он завещал своему первенцу Гарсии (в качестве наследства), и графств Кастилия, Собрарбе и Рибагорса (между Арагоном и Каталонией) и Арагона (позже получившего статус королевства), которые отошли остальным сыновьям — Фердинанду, Гонсало и Рамиро соответственно, явно различались; троим братьям пришлось признать старшего своим сюзереном. Эту практику переняли и их преемники, что, разумеется, привело к практически не прекращавшейся гражданской войне, когда сильнейший из наследников добивался преимуществ.

В условиях такой неопределенности и благодаря появлению сильных полководцев, Кастилия и Арагон неожиданно оказались во главе борьбы за расширение земель, вначале за счет других христианских владений, а затем за счет мусульман. В 1076 году Наварра была поделена между Фердинандом II Кастильским и Санчо I Арагонским. Однако в 1134 году Наварра смогла найти

нового независимого правителя в лице Гарсии Рамиреса под властью сюзерена — Альфонсо VII Кастильского. Кастилия и Арагон активно препятствовали экспансии Наварры на юг, и та продолжала существовать изолированно, все больше подпадая под влияние Франции, особенно после 1234 года, оставаясь главным городом на крестовом пути в Сантьяго.

Рождение Кастилии

С IX века кантабрийцы и васконы стремились заселить территории между Наваррой и Астурией, в верховьях реки Эбро и верхней части долины Дуэро. С самого начала успех зависел от способности выстоять против мусульман, чей привычный маршрут набегов на северные территории пролегал из Толедо в Сарагосу, вдоль рек Энарес и Хал он, и из Сарагосы в Бривьеску. С XI по XIII век граница, протянувшаяся от Атлантики до Средиземного моря по течению Дуэро к югу, была испещрена оборонительными сооружениями, замками, укрепленными городами и мостами. Однако именно эта древняя линия обороны вдоль правого берега Эбро над ущельем Панкорбо стала олицетворением местного духа, пусть большая часть укреплений изначально была построена мусульманами, называвшими эту область Аль-Кила (замки). Эта область регулярно становилась жертвой нападений мусульман, и ее население первым ощутило перемену ролей после развала халифата. Кастильцев отличал авантюрный дух, немало окрепший благодаря жизни на границе. Они имели собственные институты власти в

лице советов, или ассамблей, и быстро заселяли захваченные земли. Новые территории отдавали полководцам, которые должны были их оборонять. В 1035 году Санчо III Наваррский завещал графство Кастилия своему второму сыну, Фердинанду.

ФЕРДИНАНД I

Как и его отец, Фердинанд I не предпринимал никаких попыток расширить свои владения за счет мусульманских земель, кроме случаев, когда собирал дань (исп. parias) с Сарагосы, Толедо, Севильи и Бадахоса в обмен на защиту как от мусульман, так и христиан. У его стремлений были скорее личные мотивы — установление власти над Кастилией и Леоном и утверждение господства над другими правителями, как во времена его отца. Он предпринял попытку привести государство к политической гегемонии путем объединения старого королевства Леон после победы над Бермудо III в битве при Тамароне в 1037 году. В 1054 году он поступил так же со своим старшим братом Гарсией III Наваррским при Атапуэрке. Лишенный земель на западе и востоке верховьев Эбро (Ла-Риоха, Алава, Бискайя и Гипускоа), которые незадолго до того Санчо III отнял у Кастилии, Санчо IV (1054-1076) получил

разрешение сменить своего брата Гарсию на троне Наварры в качестве вассала Фердинанда I. Потеря этих земель окончательно лишила Наварру возможности дальнейшего захвата мусульманских владений.

АЛЬФОНСО VI

Господство Кастилии длилось недолго. Альфонсо VI пришлось снова его восстанавливать. Со смертью Фердинанда I в 1065 году земли и дань, которую он собирал с мусульманских правителей, были поделены между его детьми. Будучи вторым сыном, Альфонсо наследовал Леон, Астурию и дань с мусульманского правителя Толедо — то есть земли, на захват которых у Фердинанда ушла вся жизнь. А наследие самого Фердинанда — личная собственность, наряду с данью с мусульманского королевства Сарагоса — отошло первому сыну Санчо. Третий ребенок, Гарсия, получил Галисию, север Португалии и дань с Севильи и Бадахоса.

Именно Санчо первым предпринял попытку установить господство над всеми землями Фердинанда; Альфонсо и Гарсия были лишены владений. Однако в 1072 году Санчо убили, и Альфонсо, который скрывался в Толедо, вернулся, чтобы присвоить себе все владения, включая зем-

ли своего брата Гарсии, и объявил себя Альфонсо VI, правителем Кастилии (1072-1109) и Леона (1065-1109).

Падение Толедо в 1085 году

Капитуляция столицы на границе вдоль реки Тахо стала последним событием пяти лет внутренних интриг и заговоров, затрагивавших как христианских, так и мусульманских правителей; лет, на протяжении которых Альфонсо VI усиливал давление на аль-Мутамида, правителя Толедо, требуя все больше денег в обмен на защиту и поддержку. К 1080 году Толедо пришел в упадок из-за сильной инфляции и жесткого налогообложения, а халиф никак не мог решить, откупаться ли от Альфонсо VI любой ценой или противостоять его требованиям об увеличении поборов. После нескольких лет схваток, нападений и грабежей, что было в ту пору привычной формой ведения войны, город сдался Альфонсо VI, несмотря на откуп, и король Кастилии и Леона торжественно вошел в Толедо в 1085 году. Условия капитуляции сохраняли то отношение, которое мусульмане продемонстрировали, когда столетиями ранее оказались победителями: местные жители могли продолжать молиться в Великой мечети Толедо и сохраняли свои жизни и имущество в обмен на те же налоги, которые

они платили бывшим правителям; они могли свободно уезжать и возвращаться в город без конфискации имущества; лишь если бы город пришлось брать силой, жителей перебили бы или обратили бы в рабство.

Возможно, Альфонсо VI не стремился к политическому престижу и увеличению доходов, занимая бывшую столицу вестготского королевства и один из великих центров Аль-Андалуса, известный своим великолепным двором и культурой. Возможно, он даже испытывал благодарность к прежнему правителю Толедо аль-Мамуну, который отлично его развлек, когда ему пришлось спасаться бегством от собственного брата Санчо. Притязания Альфонсо на власть тем не менее значительно укрепились после захвата города. Он принял титул императора Толедо, императора двух религий. Назначение графа Сиснандо Давидиса градоначальником продемонстрировало желание монарха воспринимать капитуляцию как примирение. Давидис был типичным представителем нового общества, носителем двух или даже трех культур, выступал за религиозную и политическую терпимость между мусульманами, христианами и иудеями. Сам он был мосарабом (арабизированным христианином),

служил эмиру Севильи и поступил на службу Альфонсо VI советником, как человек, имеющий большой опыт в улаживании дел, по словам арабского хрониста тех времен.

Каковы бы ни были намерения Альфонсо VI, потеря Толедо для мусульман означала, что христиане неуклонно движутся на юг, стремясь, в лучшем случае, обложить данью все исламские владения. Едва захватив Толедо, Альфонсо увеличил размер дани для Севильи, вопреки советам Давидиса быть умереннее в запросах с мелких мусульманских правителей. На самом деле именно аль-Мутамид, правитель Севильи, с правителями тайфов Бадахос и Гранада, после долгих раздумий решил оставить Аль-Андалус на милость Аль-моравидов для освобождения от власти Кастилии. Говорят, на смертном одре он сказал, что скорее станет погонщиком верблюдов в Африке среди людей его религии и культуры и будет защищать Аль-Андалус от язычников, чем свинопасом в Кастилии.

Альморавиды и Альмохады

Первая волна «африканского подкрепления» оказалась новым мусульманским вторжением из Атласских гор на северо-западе Африки. Эти люди, вооруженные мечами, блюли букву Корана и пылали воинственным духом. Это были аль-равиды, что с арабского означает жители «рибата» (убежища или приграничного монастыря, служащего местом для молитв и военной службы и для ведения священной войны против неверующих). Испанские названия мест свидетельствуют о стратегическом рассредоточении подобных заведений, к примеру Рабида-Уэльва, Рапита-Тортоса. Под властью Юсуфа бен Татуфина, уже владевшего в Африке империей, размерами вчетверо превышавшей Аль-Андалус, Альморавиды пересекли пролив и к октябрю 1086 года, всего через год после капитуляции Толедо, встретились с Альфонсо VI при Заллаке (исп. Саграхас), на северо-востоке Бадахоса. Завоеватель Толедо, серьезно раненный, с трудом спасся в Корин, а его армия была разгромлена. Головы христиан разослали в главные города Аль-Андалуса в назидание прочим, а правители тайфов перестали

платить дань христианам.

Юсуф вернулся в Африку, но в 1089 году приплыл обратно, чтобы захватить Аль-Андалус для своего народа на основании того, что правители тайфов ничем не лучше язычников, безразличны к вере, незаконно облагают население налогами и платят дань язычникам. Жестокой осаде подверглись города Консуэгра и Уклее, но Толедо выстоял. Альморавиды, со своей стороны, несколько утихомирились — и предались тем же порокам, от которых собирались спасать правителей тайфов.

Полвека спустя над Атласскими горами зажглась новая звезда. Бен Тумарт (1082-1130) призывал Альмохадов, истинно верующих, идти войной на Альморавидов, которые ничем не лучше язычников. Его последователи лишили Альморавидов власти, войдя в их столицу Марракеш в 1147 году, а когда положение Альморавидов в Аль-Андалусе в конце 1140-х годов окончательно ослабело, они переплыли море, чтобы воссоединиться со своими братьями по вере. Господство Альмохадов было даже более зыбким, чем власть их предшественников, которые продолжали владеть Балеарскими островами и регионом вокруг Куэнки и Мурсии и воевали с Альмохадами

вплоть до 1172 года, таким образом способствуя продвижению христиан с севера-востока, вдоль долины Эбро, и с запада — вдоль «серебряного пути» римлян. Кроме того, Альмохадов ослабляли постоянные восстания в Тунисе. Их победа над Альфонсо VIII, правителем Кастилии, в 1195 году при Аларкосе, на севере ущелья Деспеньяперрос, была последним великим достижением и оказалась пирровой, поскольку Альмохады не смогли довести дело до конца, а христиане всей Европы пришли на помощь Альфонсо, чтобы вырвать христианскую Испанию из рук неверных.

Достижения христиан в XII веке

Толедо и, безусловно, Кастилия пережили век постоянной борьбы между севером и югом, сражаясь, в основном, южнее Толедо, вдоль главных дорог, ведущих в Андалусию. Новая Кастилия, страна замков и укрепленных городов, была вынуждена бороться как с мусульманским возрождением, как и с территориальными притязаниями Арагона и вновь созданного графства Португалия. Альфонсо VI правил как в Кастилии, так и в Леоне, однако, когда он умер в 1109 году, земли были поделены между детьми, и последовала долгая гражданская война, которая создала угрозу территориальному единству обоих владений. Кастилия еще не была отдельным королевством; ею, как частью земель, оспариваемых Леоном и Наваррой, управляла та же династия, что объясняет кризис престолонаследия, который стал характерным признаком Кастилии. Если первую половину века заполнила гражданская война, которая последовала за смертью Альфонсо VI, то вторая половина века стала повторением первой, на сей раз после смерти Альфонсо VII в 1157 году и восшествия на трон

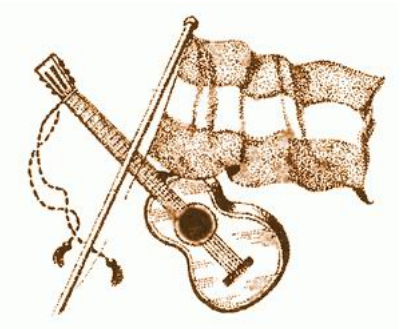
малолетнего Альфонсо VIII.

Дочь Альфонсо VI Уррака (1109-1126), наследница двух корон — Кастилии и Леона, сперва вышла замуж за Раймонда, герцога Бургундского, которому достался большой удел в Галисии, тогда как его брат Генрих женился на сестре Урраки, Терезе, и получил графство Португалия. Именно отпрыск последнего брака, Альфонсо Энрикес, объявил себя в 1143 году королем Португалии, которая находилась под сюзеренитетом Леона. Воспользовавшись нестабильностью в Кастилии и Леоне и борьбой Альморавидов с Альмохадами, он объединил Португалию через экспансию на запад, конкурируя со своим сводным братом Фердинандом II Леонским (1157-1188) за мусульманские владения Касерес, Бадахос и Трухильо, которые пали под натиском армий Португалии и Леона в период с 1165 по 1170 год. Португалия первой достигла южного побережья в 1249 году, а в 1267 году Альфонсо III пришел к соглашению с Альфонсо X, правителем Кастилии и Леона, сделать реку Гвадиана границей между двумя странами.

На востоке бороться с мусульманским господством по среднему и нижнему течению реки Эбро пришлось Альфонсо I Арагонскому (1104-1134).

Его страсть к военным кампаниям стала олицетворением возрождения воинственного духа христианской Испании. Начал он с Кастилии и Леона. Его брак с Урракой, королевой Кастилии и Леона, был бездетным; кастильская знать выступала против альянса, который мог ослабить их положение. Альфонсо I Воитель повернул к Эбро, чтобы продолжить вторжение во владения короля Сарагосы, начатое его отцом Санчо (1063-1094), первым королем Арагона, который захватил Барбастро в 1064 году с помощью рыцарей Аквитании, Бургундии и Нормандии. Альфонсо I захватил Сарагосу в 1118 году, Туделу, Тарасону и Калатаюд в 1120 году и совершил в 1125-1126 годах набег на Андалусию, который вернул несколько тысяч мосарабов на некогда принадлежавшие им земли. После кампании против Барбастро, возможно, первой на Иберийском полуострове, получившей статус крестового похода, то есть полную духовную и материальную поддержку Рима, действия Альфонсо I поддержали другие европейские монархи. Трофеи из Барбастро, не самого крупного города, вызвали возбуждение по всей Европе. Альфонсо I также создал рыцарский орден тамплиеров и завещал ему свое королевство, а еще объединил Арагон и Каталонию

браком Петронилы, дочери своего брата Рамиро III (1134-1137), с Рамоном Беренгером, графом Барселонским (1137-1162).



ГЛАВА 3
Рождение Кастилии Лас-Навас-де-Толоса

Последний акт борьбы северных территорий против мусульманской военной гегемонии состоялся в 1212 году в Лас-Навас-де-Толоса. Правители Кастилии (Альфонсо VIII), Арагона (Педро II) и Наварры (Санчо VII) с многочисленными отрядами рыцарей, монахов всех военных орденов и городской стражи из Кастилии разбили Альмохадов. Победа христиан пришлась весьма кстати: Альфонсо VIII чувствовал, что Кастилия рассчитывает на решающую битву. Однако он не мог воспользоваться военной победой в той мере, в какой это сделали Альмохады после битвы при Аларкосе. Союз христианских правителей и правящей элиты в борьбе против мусульман был скорее исключением, чем правилом. На протяжении всех этих веков христианские правители и их полководцы воевали друг с другом за землю и статус столь же часто, как и участвовали в походах против мусульман, либо даже состояли на службе у мусульманских владык, как Родриго Диас-де-Вивар, «Сид-воитель» из эпоса

«Песнь о моем Сиде» (в переводе с арабского «сид» означает «вождь»), который отвоевал себе кусок мусульманской Валенсии (1094-1099), либо становились наемниками, как те христиане, которые помогали Альморавидам в борьбе против Альмохадов вплоть до 1172 года. С 1213 года под властью нового халифа Юсуфа II (маленького мальчика, который едва ли покидал Марракеш) Альмохады теряли прежнее положение. После смерти Юсуфа в 1224 году андалусийские провинции раскололись, там появились три претендента на титул халифа. Что касается победителей, им оставалось только зализывать раны. Голод и болезни изнуряли отряды, которые все еще жили в лагерях после битвы при Лас-Навасе, вплоть до 1220 года на севере не собирали сколько-нибудь значимого урожая. Педро II Арагонский умер в 1213 году, и пять лет длилась гражданская война, которую унаследовал его пятилетний сын Хайме I (1217-1252). В Кастилии Фердинанду III (1217-1252) пришлось бороться за трон с могущественным Ларасом и собственным отцом Альфонсо IX, королем Леона; лишь победив, он смог двинуться дальше на юг.

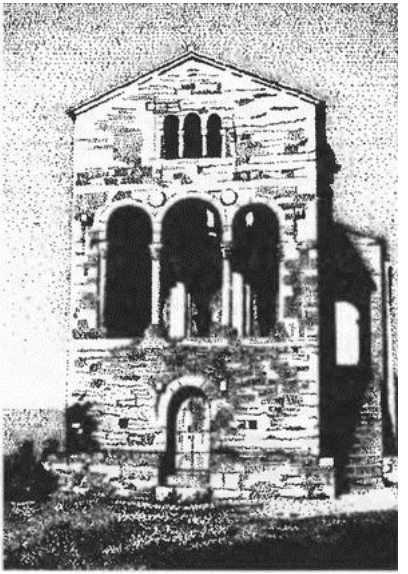
Мир в состоянии войны

Долгий век между взятием Толедо и битвой при Лас-Навас-де-Толоса Кастилия оставалась скудно вооруженным и дурно организованным обществом и постоянно воевала. Королевская власть зарождалась очень медленно, однако препятствия, возникавшие на ее пути, были очевидны. В первые годы правления монархам приходилось бороться за установление власти внутри династии или против знати. Материальные богатства и территориальные владения были основой власти как принца, так и его вассалов, и служили единственной наградой за честную службу и для привлечения на свою сторону. В отсутствии сколько-нибудь соблюдаемых законов война оставалась главным средством достижения мира. Основной же минус войны как самофинансируемого механизма, приносящего дополнительный бонус в виде признания власти, — то обстоятельство, что ее перспективы неочевидны даже в случае успеха. Война в XII веке была дорогостоящим мероприятием, к примеру, длительные осады все более укрепленных городов и замков требовали крупных

расходов, а военные трофеи становились все менее значимой наградой с учетом методичного опустошения земель, окружающих военные цели. Полководцы, которым приходилось поощрять своих воинов, на соответствующую сумму сокращали собственные средства. Королевская доля трофеев была значительной, но недостаточной, чтобы держать в благоговейном страхе могущественных местных духовных и светских властителей. Военная монополия монархии являлась единственным способом укрепить власть короля и способствовала появлению новых армий. Монархи стремились всячески умалить статус, воинский и политический, феодалов, за которыми стояли крупные землевладения и многочисленные вассалы. Новую армию набирали из горожан, духовенства и военных орденов.

РАЗВИТИЕ ГОРОДОВ

Первыми городами, переживавшими возрождение в XI веке, стали города вдоль пути в Сантьяго (пути пилигримов). Купцы и ремесленники, путешественники и городские жители, опираясь на улучшение коммуникаций, расширение торговых возможностей и денежного обращения, начали бороться за свободу от духовных и светских господ. Города росли вдоль границы XI и XII веков, от Дуэро до Тахо; они пользовались своими обширными adfoces (прилегающими угодьями) и наслаждались административной автономией, закрепленной королевскими указами (fueros), избирали магистратов и чиновников из городской знати. Закон того периода определял город как «обнесенный стеной населенный пункт». Военное значение городов помогало набирать городскую гвардию, которая сыграла большую роль на последнем этапе войны с исламом, а городские советы благодаря подвигам стражи укрепляли свое влияние и приращивали территорию. Villani (горожане), которые могли позволить себе коня и обмундирование, участвовали в боях; это был низший слой знати — идальго (hijos de algo «сыновья чего-то», как называли их арабы). Caballeros villani (горожане-рыцари) представляли собой городскую конницу в услужении короны.



Санта-Мария-де-Наранко, часовня Рамиро I (842-850). Одна из ранних христианских церквей в Астурии после мусульманского господства

Воинствующая церковь

Священники и монахи активно участвовали в заселении и колонизации земель, отобранных у мусульман. На некоторых территориях проживали сообщества, которым удалось сохранить вестготскую традицию церкви Толедо. Мосарабское христианство традиционно старалось примирить христианство и ислам, примером чему могут служить события 1085 года в Толедо, тогда как Рим и Франция выказывали нетерпимость. Пионерами возрождения христианства были бенедиктинские монахи-реформаторы из аббатства Клюни в Бургундии. Они обосновались в Каталонском и Арагонском графствах в X веке и тесно сотрудничали с первыми независимыми правителями пиренейских долин, которые щедро даровали им субсидии и земли. Собор в Хаке, строительство которого длилось с 1053 по 1063 год, является образцом романского стиля в духе Клюни, как и церкви Сан-Мартин в Фромисте, Сан-Исидро в Леоне, которые были заложены в 1075 году, и Санта-Мария-ла-Реаль в Нахере, возведенная королем Наварры Гарсией на средства от захвата Калаорры в 1052 году.

В попытке достичь политического господства Фердинанд I, должно быть, рассматривал клюнийское монашество как могущественный инструмент: он единственный из правителей ввел для клюнийцев ежегодную субсидию, размером превышавшую общий доход от основных землевладений аббатства, на выплату которой шли средства от дани, каковой Фердинанд облагал мусульманских соседей в середине XI века. К концу века римско-католическая религия утвердилась на всей территории Леона и Кастилии, богослужения мосарабов проходили только в Толедо. Однако к середине XII века условия резко изменились: от нашествий Альморавидов и Альмохадов воинствующей церкви пришлось спасать корону, которая была не в состоянии защищаться.

ВОЕННЫЕ ОРДЕНА

Цистерцианцы предложили обществу новый стимул для борьбы с Альмохадами. Первым поселением цистерцианцев в христианской Испании в 1140 году стала Фитеро в Наварре. На раннем этапе войны с исламом белые монахи не имели такого влияния, как клюнийцы; однако они сыграли важную роль в создании военных орденов в Кастилии, и эти ордена отражали нападения

Альмохадов во второй половине XII века. Когда тамплиеры, орден которых основал Альфонсо I Арагонский в начале столетия, оказались неспособными удержать Калатраву, группа цистерцианцев из Фитеро прибыла им на помощь и в 1157 году основала орден Калатравы. За этим последовало создание ордена Святого Иакова (Сантьяго), и этому ордену Фердинанд II доверил охрану города Касерес, отвоеванного у Альмохадов в 1170 году, а также ордена Алькантара.

Военные ордена — наилучший пример воинственных настроений XII и начала XIII века. Наполовину солдаты, наполовину монахи, братья военных орденов воевали за христианство с Альмохадами; их крепости-монастыри, как «рибаты» Альморавидов, усеяли страну, располагаясь в стратегически важных местах на обширных пространствах между рекой Тахо и Сьерра-Мореной, от Пеньисколы на востоке до Томара на западе. Их вклад в великую победу при Лас-Навас-де-Толосе был велик, ведь они не только воодушевляли других личным примером, но и, что важнее, показывали, что поддерживают корону — причем не только духовно, но и финансово. Духовенство Кастилии и Леона отдавало Фердинанду III половину годовой ренты; папа

оставлял королю треть церковной десятины, обычно шедшей на содержание церквей, и во всеуслышание называл его войны крестовыми походами против неверных, что привлекало в Испанию воинов со всей Европы.

ЦЕРКОВЬ И МОНАРХИЯ

Корона, таким образом, была обязана церкви, а церковь обретала немалую выгоду от вложения средств в завоевание юга. Епархии, наподобие Толедо, превратились в обширнейшие территориальные владения страны. Военные ордена в качестве награды за службу получили провинции между рекой Тахо, Теруэлем и горной цепью Сьерра-Морена. В 1262 году Альфонсо X основал Сьюдад-Реаль (в переводе с испанского «королевский город») для противовеса чрезмерному влиянию ордена Калатрава в регионе. Церковь достигла пика могущества, что очевидно из грандиозного строительства: готические соборы в Бургосе и Толедо были заложены в 1222 и 1226 годах соответственно, а собор в Леоне начали строить в 1254 году (закончили уже в XIV веке). Однако, получив в дар обширные территории после захвата Андалусии, белая церковь Леона и Кастилии, особенно в Толедо, оказалась в опасном положении. Во второй четверти XIII века

церковь вложила огромную сумму в ожидании прибыли от захвата крупных городов, таких как Севилья и Кордова, — и эти ожидания не сбылись. Также церковь отказалась от будущих доходов, в частности терций, каковые традиционно охотно использовали исключительно в политических целях. Прибыль церкви также пострадала от миграции населения на юг: сократилось число арендаторов, которые платили ренту и местные налоги. Корона не предложила никакой финансовой поддержки, наоборот, воспользовалась ситуацией для усиления собственной власти. Фердинанд III в 1236 году и Хайме I в 1238 году официально представляли своих кандидатов на церковные должности, а Альфонсо X запечатлел эту привилегию монархии в своде законов «Семь партид».

Фердинанд III и Хайме I

Фердинанд III, правитель Кастилии и Леона, и Хайме I, правитель Арагона и Каталонии, — герои наиболее важной стадии завоеваний Аль-Андалуса. Последний, после долгой борьбы за утверждение своей власти в Кастилии и Леоне, отправился на юг для взятия Кордовы в 1236 году (и с триумфом вернул в Сантьяго колокола, которые аль-Мансур увез в Великую мечеть Кордовы в 997 году), Хаэна (после четырех осад) в 1245 году и Севильи, в ту пору величайшего города Западной Европы, в 1246 году. Смерть Хайме в 1252 году вынудила его сына и наследника Альфонсо X завершать завоевание юга: он последовательно взял Кадис, Мурсию и Картахену в 1264 году. Вдобавок Хайме I, которому пришлось подавлять и волнения местной аристократии, направил армию на Балеарские острова, которые занял в период с 1229 по 1235 год, а затем проследовал вдоль Средиземноморского побережья, захватил Валенсию и Хативу и расширил свои владения на юг до замка Бриар (1253), недалеко от гавани Кальпе. Договор в Альмисре 1244 года обозначил этот район как границу между королевствами

Кастилия и Леон и Арагон и Каталония.

ПОСЛЕДСТВИЯ ЗАХВАТА И ОККУПАЦИИ АЛЬ-АНДАЛУСА

За долгие века мусульманского господства в Испании возникло пять политических образований: Наварра, Португалия, Гранада, королевство Арагон и королевство Кастилия и Леон. Наварре, которой соседи мешали расширяться на юг, удавалось удерживать независимость под французским владычеством до начала XVI века. Португалия начала осваивать обширные завоеванные территории и к началу XV века вступила в эпоху беспрецедентных географических открытий и экспансии, подавая пример Кастилии. Остальные три образования составили то, что мы называем ныне Испанией, их границы были не отчетливее политических основ власти их правителей.

Гранада полностью политически зависела от Кастилии, будучи данником короны. Соглашение с династией Насридов об основании королевства Гранада, то бишь дань и обязательства поддерживать Кастилию в войнах против других государств, опиралось на возможности кастильской военной машины. Хитростью, дипломатией и неуязвимостью обороны Гранаде удалось уце-

леть в кровопролитных войнах Кастилии и Леона и территориальных разделах христианских королевств; она предлагала убежище изгнанникам и ссыльным жертвам политических конфликтов и посылала знаменитые роты наемников, которые вставали на сторону тех, кто больше платит, подобно каталонским наемники и европейским рейтарам, что изрядно «отличились» на полуострове в период Столетней войны.

В действительности Иберийский полуостров с середины XIII века до чумы 1348 года продолжал существовать как космополитичное, открытое общество, посредник между исламом и христианством; здесь свободно сосуществовали еврейские финансисты, арабские поэты и ремесленники, воины, монахи и клирики, во многом благодаря размытости политических границ. Изобразительное искусство и литература этого периода полны сочетаний исламских, древнееврейских и христианских элементов.

Королевство Арагон

Арагон являлся федерацией автономных владений. Королевство Арагон и графство Барселона, которому подчинялись остальные графства, включая Руссильон и Серданию на севере Пиренеев, объединились в результате брака Петронилы и Рамона Беренгера в 1137 году. Хайме I объединил королевство Валенсия и Балеарские острова. Законный правитель Арагона управлял государствами-членами федерации по-разному, в каждом отдельном случае строились индивидуальные отношения между монархом и вассалами, которых представляли палаты представителей, кортесы (каталонцы впервые созвали кортесы в 1218-м, Арагон — в 1247-м, а валенсийцы в 1283 году). Договорные отношения между правящей элитой воплощались в клятвах верности и обоюдном признании прав и обязанностей сторон. В начале XII века арагонцы принесли королю Альфонсо I недвусмысленную присягу: «Мы, кто ничуть не хуже тебя, а вместе — сильнее, признаем тебя своим королем и господином при условии, что ты станешь соблюдать наши права и свободы, а если нет, то нет».

НАСЕЛЕНИЕ И ПРИНЦИПЫ ЗАХВАТА ЗЕМЕЛЬ

Население этих территорий в начале XII века значительно изменилось. Альфонсо I Арагонский вывез несколько тысяч семей мосарабов из Андалусии в 1126 году, чтобы заново заселить захваченные земли вдоль среднего течения Эбро, а выходцы из Арагона, Каталонии и Южной Франции перебрались в такие города, как Валенсия, почти полностью христианские. В целом население Арагона, Таррагоны, Тортосы, центральных и южных районов королевства Валенсии и Балеарских островов (около 30-35% от общего числа жителей страны) было мусульманским (мудехар). Мусульманскими были и распространенные в тот период стили архитектуры и ремесла в этих районах. По всему Арагону можно найти небольшие приходские церкви XIII века, оформленные в стиле мудехар. Орнамент деревянных потолков, замысловатые двери из множества соединенных кусочков дерева (артесонадо), гончарные изделия и техника изготовления глазурной плитки асулехос в Манисесе и Патерне (где до сих пор используют арабские печи для обжига) также являются частью этой культурной традиции. Евреев было не так много, как в Кастилии, однако они составляли 5-7% от общей численности

населения в три четверти миллиона человек.

Первоначальные условия оккупации христианскими мигрантами прибрежных районов между Тортосой и Мурсией свидетельствовали о стремлении договориться с местным населением. Хайме I, ясно осознававший пределы человеческих и военных сил, позволил мусульманам продолжать исповедовать их религию, иметь гражданские институты и вести хозяйство под юрисдикцией светской и религиозной власти. Плодородные долины Леванта, которыми он столь восхищался, с аккуратными фермами и тщательно продуманной системой ирригации, несомненно, укрепили его желание сохранить эту продуктивную систему. Однако на Майорке он проявил гораздо меньше благосклонности к бывшим владельцам земель, разделил Балеарские острова пополам — половину королю, половину знати и церкви, заставив местное арабское население работать на полях в качестве арендаторов, прикрепленных к земле. Мурсия, захваченная Кастилией в 1243 году, получила особый статус полуавтономного мусульманского королевства. С 1257 года король Кастилии Альфонсо, видимо, оказывал давление на мусульманского правителя, и местной знати пришлось отдать свои земли

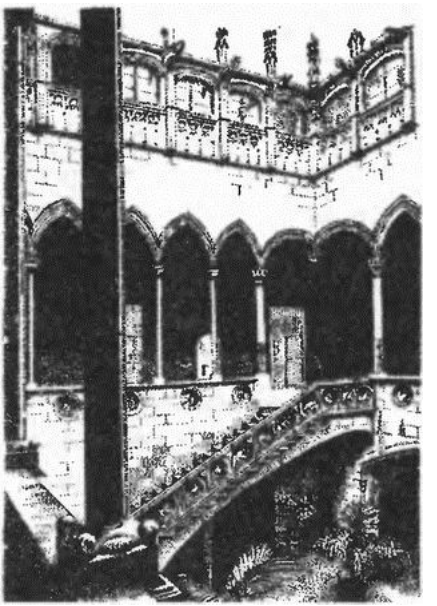
христианским поселенцам, что объясняет волну протестов и восстаний, распространявшихся по Валенсии, Аликанте, Мурсии и Андалусии в 1260-х годах. Когда Хайме I восстановил порядок, повторное заселение территории каталонцами произошло по подобию оккупации Андалусии: большие участки земли получили городские советы, военные ордена и знать. Мурсия, которую вновь отобрал у мусульман Хайме II, сдалась Кастилии в 1304 году.

Значительный вклад Каталонии в состав населения Мурсии указывает на то, что стремление к захвату северо-восточных графств при Хайме I не угасало. Когда расширение графства на юг достигло границ, согласованных с Кастилией, Каталония перенесла внимание на Средиземноморье, установила постоянное присутствие в Северной Африке и вмешалась во внутреннюю политику Италии, получив право управлять Сардинией. Кроме того, от Леванта до Фландрии начали функционировать консульства, а два греческих герцогства, Афины и Неопатра (Новые Патры), которые алъмогавары, каталонские отряды легкой пехоты, отняли у Византии, были объединены в Арагонскую федерацию. Морская экспансия стала стимулом к росту каталонского

промышленного экспорта в обмен на рабов и восточные специи, отчего каталанский стал lingua franca средиземноморской торговли, а торговые традиции Каталонии сделались первым сводом правил морского торгового права, Морского кодекса (Llibre del Consolat de mar). «Золотой век» торговли и морской экспансии достиг пика к середине XIV столетия. Свидетельств былого могущества и процветания особенно много в Барселоне, эпицентре экспансии, с ее кафедральным собором, церковью Санта-Мария-дель-Мар, зданием Консей-де-Сент (Совета Ста), биржей Лотха, дворцом Женералитат (постоянным местом заседаний каталонского парламента) и Атарансас Реалес (судостроительными верфями), ныне — Морским музеем.

Развитие городов иберийского Леванта началось позже, чем в Кастилии, однако к XIII веку такие поселения, как Барселона и Валенсия, и их институты местного управления начали стремительно развиваться. Городские олигархи, «почетные жители» поселений, были связаны с землевладельцами-аристократами, но эти восточные города отличала более высокая степень политической активности богатых горожан и купцов. Эти городские жители были куда граж-

данственнее феодалов и на протяжении веков обеспечивали своим городам инициативы и свободу.



Дворец Женералитат в Барселоне

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ СПАД

Если шедевры каталонского искусства до сих

пор доступны взору, то о факторах, обеспечивших их появление, этого не скажешь. Внимание обычно приковывают несколько выдающихся правителей, которые сменяли друг друга с 1213 по 1410 год и обеспечили стране стабильность. Крепкая власть, рост капитала и торговля рабами и специями, очевидно, способствовали авантюрам и предприимчивости. Вклад короны, вероятно, был не слишком значителен, судя по жалобам королей на отсутствие средств. Что касается мнения о том, что ранняя форма конституционализма (пактизм) во второй половине XIV века пробудила завоевательный дух каталонцев, то права и свободы Арагонская федерация обрела лишь после долгой борьбы с монархией с 1265 по 1348 год, причем эти права и свободы распространялись исключительно на знать и городских олигархов.

Каким бы ни было объяснение, выплеск каталонской энергии очень быстро пошел на спад, еще до чумы 1348 года, которая распространилась по Балеарским островам, а затем перешла на Иберийский полуостров и свирепствовала в каталонских графствах, волна за волной, следующие сорок лет. С 1340 года по конец XV века Каталония потеряла половину населения. Арагон, Балеарские острова и Валенсия, вероятно, пострадали

тоже сильно, но довольно быстро оправились, а Валенсия относительно стабильно развивалась уже с конца XIV века.

Как обычно бывает, чума пришла после голода и войны и стала последней каплей в серии кризисов, которые поразили Иберийский полуостров. На протяжении XIV века в целом сильно ухудшились погодные условия, ситуацию усугубили междоусобные войны и повсеместное опустошение сельской местности. Землевладельцы ответили на рост инфляции и общее снижение доходов от земли, естественно, увеличением оброка, либо стремились расширить свои земли за счет короны или городской собственности. Эти социальные и экономические беды усугубились десятилетней войной (1356-1366), которую король Арагона был вынужден начать против кастильской экспансии. В ходе войны Арагону пришлось пойти на дальнейшие уступки знати и ее представителям в кортесах, одновременно — и тщетно — сдерживая притязания Кастилии. К 1412 году кастильская гегемония стала неоспоримой, и та династия, которая, как считают некоторые исследователи, обеспечила стабильность развития Каталонии, была уничтожена. Кастилия посадила на трон Арагона новую дина-

стию (Трастамара), из молодой ветви правящей кастильской семьи.

КРИЗИС XV ВЕКА

Экономические и политические конфликты, постигшие население восточных королевств, переросли в гражданскую войну 1462-1472 годов. С 1435 года напряжение в сельской местности усугублялось ростом недовольства городских жителей. Ремесленники и рабочие, производители и экспортеры противостояли рантье и импортерам, требуя реального производства и расширения городского самоуправления. Пика своего конфронтация достигла в ходе семейной ссоры между Хуаном II (1458-1479) и его сыном Карлосом. Каталонская элита видела в Карлосе защитника каталонских привилегий и свобод. К началу 1460-х годов, когда принц уже умер, Каталония пригласила Энрике IV Кастильского, очередного представителя династии Трастамара. Каталонская элита открыто выступала против Хуана II, которого поддерживали Арагон, Валенсия и Майорка. А Людовик XI, король Франции, предложил Хуану помощь в надежде получить две каталонские провинции — Серданию и Руссильон на севере Пиренеев.

Понадобился крестьянский бунт, чтобы ко-

роль Фердинанд II, сын и наследник Хуана II, прислушался к голосам крестьян, в основном свободных собственников земли из северных районов Каталонии, где отсутствовала чрезмерная концентрация собственности, а сеньоры были довольно снисходительны. Так называемый «Приговор Гваделупы» 1486 года позволил крестьянам за относительно небольшую сумму выкупать себя из кабальной зависимости, и так в средневековой Каталонии сложился крепкий фермерский слой, который сыграл важную роль в развитии региона. Данные события отразили демографический и экономический спад, а также политическую зависимость Каталонии от Кастилии. Тем временем Арагон и Валенсия продолжили медленное, но стабильное восстановление.

Королевство Кастилия

В отличие от королевства Арагон с его преемственностью правителей из династии, основанной королевой Петронилой и графом Барселоны Рамоном Беренгером IV в 1137 году, монархическая власть в других районах Иберии не наследовалась мирным путем вплоть до середины XVI века. В Кастилии притязания на трон подкреплялись прежде всего личными качествами претендента; подобно вестготским принцам, кастильские правители должны были заслужить корону на поле битвы. После победы следовало утверждение права на корону, а монархи находили способы вознаграждения верных и преданных вассалов, особенно тех, которые могли оказаться полезными в дальнейшем.

НАСЕЛЕНИЕ И МИГРАЦИИ

В первой половине XIII века Кастилия присоединила территорию в половину собственной, и это породило проблем не меньше, чем завоевание Новой Кастилии и Андалусии. Демографический пейзаж Кастилии изменился сильнее, нежели в Леванте и долине Эбро. Во-первых, с X

века, особенно с 1125 года, когда Альморавиды осуществили массовое изгнание язычников с мусульманских территорий, началась миграция мосарабов из Аль-Андалуса в Леон, Самору, Тьерра-де-Кампос и Толедо. Во-вторых, около 200 000 евреев, вероятно, мигрировали на север, в ответ на нетерпимость со стороны как Альморавидов, так и Альмохадов; многие из них, должно быть, вернулись в Андалусию с армией победителя Фердинанда III. В Кастилии их было гораздо больше, чем в королевстве Арагон, однако они составляли те же 5-7% от населения Кастилии, которое, по подсчетам на 1340 год, достигало 3,7 миллионов человек. В-третьих, в 1260-х годах демографическое давление с севера стало причиной того, что значительная часть мусульманского населения восстала против завоевателей. Восстание подавили объединенными усилиями Кастилии и Арагона, за чем последовало массовое бегство мудехаров в Северную Африку и королевство Гранада, население которого в результате выросло вдвое. И наконец, новые возможности, которые открывались благодаря освоению больших участков земли, частью весьма плодородных, не смогли тем не менее привлечь христианских мигрантов с севера или удержать их. Немногие

из тех, кто остался на новых территориях, стремились селиться в укрепленных городах. Даже до мусульманских восстаний 1260-х годов население Севильи сокращалось, а земли вдоль реки Гвадалкивир пребывали в запустении. Дефицит рабочей силы приводил к тому, что немногочисленные землевладельцы оставляли свои владения необработанными. В итоге территории к югу от Толедо представляли собой избыток земель, на которых некому было трудиться: tierras sin hombres, hombres sin tierra («земли без крестьян, крестьяне без земель»).

Исламское королевство Хаэн разделили между орденами Калатрава и Сантьяго и епархией Толедо. В Кордове и Севилье, как и в Кармоне, Ньебле, Аркосе и Кадисе, королевским указом создали городские советы, власть которых в ряде случаев распространялась и за пределы современных провинций; ордена Калатрава, Алькантара и Сантьяго получили огромные земельные наделы в этих регионах. В Нижней Эстемадуре, к примеру, три военных ордена получили по 700 000 акров земли каждый. Они не смогли либо не пожелали предложить привлекательные условия переселенцам с севера и, что неудивительно, предпочли заниматься разведением овец, лошадей и другого

домашнего скота, используя труд покоренных мусульман. Передача земли во владение знати, церкви и военным орденам — поразительное наследие этого периода, определившее историю Кастилии на столетия вперед.

Власть монарха

Распределение земель в Кастилии создало могущественную знать, способную эффективно поддерживать короля. Как и в восточных королевствах, каждый из аристократов имел полномочия, сопоставимые с королевскими, а если брать в совокупности, власть знати даже превосходила власть короля. Главным препятствием и, в каком-то смысле, главным стимулом к действию и для знати, и для короны стала депрессия XIII-XIV веков и повсеместная нехватка средств. Начиная с «великого завоевателя» Фердинанда III, монархи прибегали к любым уловкам, чтобы пополнять казну, будь то девальвация или продажа золотых и серебряных слитков и королевской собственности. На фоне продолжающейся борьбы с королевством Гранада и его союзниками в Северной Африке кастильские правители пытались улучшить отношения со знатью. В середине XIII века Альфонсо XI Кастильский (1312-1350), полагаясь на правовые нормы своего прадеда Альфонсо X, сделал сильный ход, изменив природу отношений сюзерена и вассалов, ввел понятие «физического подданного», то есть человека,

проживающего на территории королевства и подвластного непосредственно монарху. Устав Алькала (Ordenamiento General de Alcala) 1348 года распространил власть монарха на замки феодалов, что должно было положить конец междоусобицам. Впрочем, устремления короля были грубо опрокинуты чумой 1350 года. И вдобавок полностью подчинить себе знать король не посмел: тот же устав 1348 года утвердил экономические и юридические основы землевладения и даровал феодалам весьма широкие права.

Сын и наследник Фердинанда Педро I Жестокий (1350-1369) более решительно сражался за единоличную власть. Оскорбленная знать сговорилась свергнуть Педро с престола, и это привело к вмешательству Франции и Англии во внутренние дела полуострова, что едва не вызвало передел Кастилии и подчинение чужеземному господству. В борьбе с королем знать нашла лидера в лице незаконнорожденного единокровного брата Педро, Энрике Трастамара, старшего сына жены Альфонсо XI Леоноры де Гусман.

Победа Энрике над Педро I и вероломное убийство последнего в битве при Монтьеле в 1369 году, однако, не повлияли на зарождающийся принцип сильной наследственной власти.

Притязания Энрике на корону основывались на утверждении, что Педро I — тиран, злоупотреблявший властью и пренебрегавший правами вассалов. Апологеты указывали на личные качества, благодаря которым Энрике II удалось примирить абсолютистские амбиции с традицией выборов наилучшего правителя. Поддержка церкви превратила борьбу Энрике и Педро в своего рода крестовый поход. Однако, по последним оценкам, своему успеху Энрике II во многом обязан поддержке тех, кого Педро I оттолкнул в неуемном желании подчинить знать и установить гегемонию Кастилии на всем полуострове. Цена, которую Энрике пришлось заплатить за эту поддержку, в дальнейшем ослабила монархию и привела к повышению поборов для компенсации уменьшения доходов.

Французские и арагонские союзники Энрике, его родственники, мелкое дворянство и прелаты, которые помогали в длительной борьбе с Педро, — все должны были получить щедрое вознаграждение, например поместья сторонников Педро, города и королевские земли, посты и бенефиции. Необходимость отблагодарить союзников обеспечила выдвижение в первые ряды новых людей. Лишь пятая часть древних семейств (семь

из тридцати четырех) пережила гражданские войны этого периода. Смутные времена «беспокойного меньшинства» Энрике III (1390-1406) и конфликтов в правление Хуана II (1406-1454) и Энрике IV (1454— 1474) увеличили число новых семей, перебиравшихся в центр в основном с северной периферии Кастилии, из Алавы и Наварры. Эти люди искали укрепления своего положения с помощью неотчуждаемых земельных наделов (senorios), которые по закону должны передаваться первенцам (mayorazgos). Дарование таких поместий с правом ограниченного наследования стало популярным с середины XIV века; дар наделял феодала властью над землями и крестьянами, то есть как юрисдикцией, так и правом на собственность. Подобная концентрация власти означала, что двадцать четыре наиболее знатных семейства (среди представителей которых были епископы, аббаты, магистры военных орденов) владели половиной территории Кастилии.

Династические и междоусобные войны продолжали тормозить развитие Кастилии на протяжении всего XV века. Тем не менее королевская власть добилась определенных успехов. Хуан II и его фаворит дон Альваро де Луна одержали победу над знатью и поставили ту на колени в битве при

Ольмедо в 1445 году, за чем последовало утверждение «абсолютной власти», дарованной Богом, чьим земным представителем является монарх. Общая заинтересованность в сильной монархии проявилась во время злополучного правления наследника Хуана II, Энрике IV. Несмотря на постоянные заговоры и злоупотребления короля полномочиями, власть короны укрепилась. Безусловно, абсолютизм противоречил привычному укладу, отсюда и противостояние монарха и знати, старой и новой. Те, кто интриговал против Энрике IV, обосновывали свои действия следующими доводами: во-первых, король злоупотребляет властью; во-вторых, он выказывает благосклонность маврам и евреям; в-третьих, в Кастилии монарха традиционно избирают. Столетие назад те, кто помог Энрике II свергнуть законного короля, Педро I, приводили те же доводы, однако, одержав победу, основали собственную наследственную династию. Потомок Трастамара Энрике IV в спорах со знатью отстаивал принцип наследования власти. В целом, проблемы наследования XV и XVI веков были, так сказать, семейными — между родными и сводными братьями, родными и сводными сестрами. Что касается реальных пределов власти монарха,

они определялись характером последнего и его политическими способностями. Дочь Хуана II Изабелла I Кастильская сумела законодательно закрепить абсолютизм при благоприятных обстоятельствах в конце XV века.

КАЗНА КАСТИЛИИ

Усиление авторитета короны происходило на фоне реального роста доходов короля. Тогда как доходы феодалов падали, корона ввела новые налоги, чтобы пополнить казну. С увеличением числа источников дохода была проведена финансовая реформа, предусматривавшая более активную роль региональных и местных властей. Король также провел военную реформу, что позволило успешно подавлять волнения в обществе, а также продолжить морскую экспансию, которая к середине XV века сделала Кастилию ведущей торговой державой Бискайского залива и северных морей. Иберийская фаза Столетней войны началась отчасти благодаря попыткам Франции и Англии в конце XIII столетия привлечь на свою сторону кастильский флот. Моряки и купцы из басков, кантабрийцев и андалусийцев также осваивали Средиземное море и плавали в Западную Африку, где сталкивались с португальцами, которые между тем открывали мир, добывая

золото, рабов и специи. Тордесильясский договор 1494 года разделил сферы влияния Кастилии и Португалии за пределами их границ.

К середине XV века корона чувствовала себя достаточно уверенно, обрела финансовую стабильность и распределяла должности и синекуры. Благодаря разумному балансу поощрений и наказаний, кастильские правители смогли подчинить себе знать, которая из-за финансовых затруднений стала куда более зависимой от милости сюзерена.

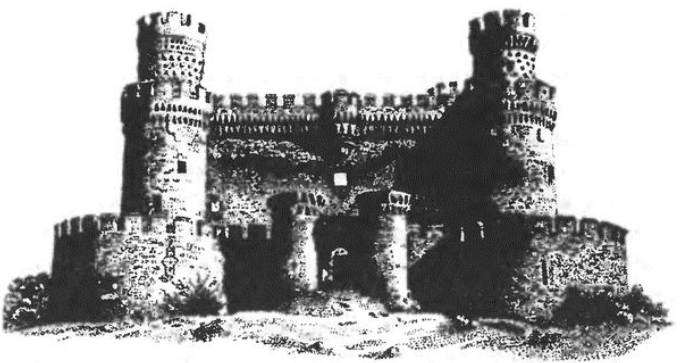
СЛОЖНОЕ ФИНАНСОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЗНАТИ

Нестабильность, угрозы для жизни, постоянные перемены на политической сцене и, несомненно, возможности социального и экономического роста — все это характеризовало период между убийством Педро I в 1369 году и окончанием войны за престол между Изабеллой и Хуаной в 1480 году. Широкое строительство замков и восстановление старых укреплений (Фуэнсалданья, Пеньяфьель, Торрелобатон, Мота и Кока), видимо, свидетельствовали о стремлении укрыться от неразберихи. Ностальгическое возвращение к рыцарским идеалам и традициям куртуазной любви, отмечавшееся в XV веке вначале при дво-

ре Арагона, а затем Кастилии, также отражало беспокойство первого сословия королевства, которое пыталось приспособиться к переменам и бессильно наблюдало, как дон Альваро де Луна к 1445 году превратил «первого среди равных» в абсолютного монарха (чрезмерно увлекшегося дворцовыми интригами, дона Альваро казнили в 1453 году). Знать, большинство семейств которой вели родословную с 1369 года, переосмысливала свою роль в обществе и гневалась на короля, тем более что тот предоставил прекрасный повод, затеяв исламизацию двора. Король Энрике IV одевался как мусульманин, ел как мусульманин, содержал многочисленную мусульманскую стражу и даже посмел объявить о прекращении священной войны против Гранады. Короля также обвиняли в ереси и противоестественных пороках — из-за слабости, которую он питал к молодым красивым юношам. Негодование знати привело к «сдвигу верности»: с 1464 по 1480 годы аристократы группировались сначала вокруг дочери Энрике Хуаны, затем вокруг его сводной сестры Изабеллы и сводного брата Альфонсо.

Возможно, главное объяснение недовольства аристократии и ностальгии по героическому прошлому («cualquiera tiempo pasado fue mejor»

— «каким бы ни было прошлое, оно было лучше», — писал в то время Хорхе Манрике) коренится в финансовых затруднениях знати и духовенства из-за продолжительного сокращения доходов. Уменьшение доходов совпало по времени с ростом стоимости военного снаряжения и оборонительных сооружений — ведь страна пребывала в состоянии хронической войны. Черная Смерть, накатывавшая волнами бубонная чума, вызвала резкий рост цен и оплаты труда и привела к длительной финансовой нестабильности, которая достигла пика в середине XV века.



Эль-Реалъ-де-Мансанарес на холмах Гвадаррама недалеко от Мадрида

Ресурсы знати сокращались как в номинальном, так и реальном выражении; а доходы короны между тем увеличились втрое.

На протяжении многих лет знать пыталась преодолеть спад: возрастали поборы с крестьян, захватывались города, монастыри и земли короны, организовывались набеги на соседей, разбивались новые пастбища, поощрялась торговля и так далее. Титулованные разбойники предлагали церкви защиту в обмен на долю церковной прибыли. Но большая часть аристократии из-за финансовых затруднений вынуждена была обращаться к короне, отказываться от прежней вольницы, идти на гражданскую службу или в армию. От 60 до 70% доходов казны тратилось на содержание знати и укрепление ее преданности королю. При этом ни одна из сторон не забывала о необходимости поддержания статус-кво применительно к остальному населению страны.

СОЦИАЛЬНЫЕ И РАСОВЫЕ КОНФЛИКТЫ

Насилие и грабежи, к которым прибегала знать, стали непосильным бременем для крестьян Галисии, которые в 1467 году восстали под лозунгом «Долгая жизнь королю и смерть кабальеро». Аристократам пришлось спасаться бегством, но два года спустя они вернулись и при поддержке ко-

роны подавили восстание. Больше крестьянских восстаний в Кастилии не было, зато в городах отмечались антиеврейские погромы — в 1348-1351 годах, в 1391-м, 1449-м и 1473 годах. Несомненно, преследование евреев объяснялось как религиозными воззрениями, так и возмущением их богатством. В стране действовал ряд законов, запрещавших евреям занимать определенные должности и практиковать те или иные занятия. С 1391 года, однако, массовое обращение в христианство сняло эти препятствия, что позволило евреям — финансистам и торговцам, врачам и чиновникам, ростовщикам и откупщикам — породниться через брак с наиболее знатными семействами, накапливать богатства и покупать поместья, оказывать влияние на решения поместных соборов и королевских советов. Особенно прочным положение евреев было в Андалусии. К примеру, налоговое управление Севильи, города, который разжег пламя массовых погромов 1391 года, прибрали к рукам «конверсос», то есть обращенные в христианство; то же самое отмечалось в Толедо, Бургосе и Сеговии. Такие монархи, как Педро I, Хуан II и Энрике IV, похоже, искали общества евреев и оказывали им особое покровительство. Без сомнения, и как отдельные

личности, и как диаспора, евреи участвовали в социальных и политических распрях эпохи.

Предпосылками социальных конфликтов всегда являлись плохие урожаи, острый дефицит продовольствия и высокие налоги, которые легко увязывались с присутствием во власти «ненормальных». Антиеврейская природа антагонизма делалась постепенно все более явной. В 1449 году Толедо запретил обращенным нести гражданскую и духовную службу, а знаменитый устав Соборного капитула распространился, как пожар, по всей Кастилии: он объявил «чистокровность» необходимым условием полноценности человека. Можно предположить, что правительство сознательно направляло вспышки недовольства на ту социальную группу, которой можно было пожертвовать, не нарушая равновесия в обществе. Мусульманское население по большей части не трогали, возможно потому, что они проживали, как правило, в деревнях и были прикреплены к земле, а следовательно, не представляли угрозы. С другой стороны, крестьянское восстание в Галисии подавили быстро и успешно.

Еврейский вопрос использовали в борьбе монархии и знати и в междоусобных войнах светских и духовных владык. Дворянство, цер-

ковь и городская олигархия, должно быть, охотно перенаправляли возмущение на удобную мишень. При этом нет никаких свидетельств того, что правящая элита с толикой еврейской крови в жилах, в том числе семейство Трастамара, серьезно пострадала от повсеместной охоты на ведьм. Что касается отношения короны, короля, вероятно, устраивало, что к середине XV века евреи сделались жупелом, на который можно списать все беды. «Католические короли» Изабелла Кастильская и Фердинанд Арагонский в 1478 году (и снова в 1492 году) учредили инквизицию и изгнали из страны всех евреев, которые отказались сменить веру. Эти в высшей степени популярные меры, вкупе с длительной и изнурительной войной против последнего мусульманского анклава — Гранады, стали частью долгого процесса утверждения монархической власти и создания современного государства, в котором правители Кастилии и Арагона старались покончить с хаосом и расколом предыдущих полутора веков. С этой целью прежнее относительно мирное сосуществование представителей разных вероисповеданий и рас принесли в жертву ради упрочения социальной структуры и установления единой религии, способной усмирить

авантюрные наклонности. Однако недавнее прошлое помогло Кастилии еще почти два столетия находиться на вершине могущества — причем в мировом масштабе.

Союз Кастилии и Арагона

Изабелла I, королева Кастилии, и Фердинанд II, правитель Арагона, взошли на престол в 1474 и 1479 годах соответственно. Заключение их брака в 1469 году сопровождалось затруднениями: тут и наличие других претендентов на трон Кастилии, и внутренняя оппозиция их союзу, и тот факт, что эти представители старшей и младшей ветвей семейства приходились друг другу троюродными братом и сестрой; в итоге, чтобы заключить брак, пришлось получать особое разрешение Рима.

Оба они взошли на престол после продолжительных гражданских войн, которые им удалось пережить благодаря обоюдной поддержке. Воссоединение семьи Трастамара было предопределено с момента избрания в 1412 году Фердинанда I Антекера официальным главой Арагонской федерации. В третьей четверти века Хуан II Арагонский вынужденно обратился к Кастилии, когда притязания каталонской олигархии усугубили посягательства Франции на земли за Пиренеями и в Италии. Более того, имелись весьма крепкие связи экономического характера. Что касается Изабеллы, ей законное наследное

право на престол после сводного брата Энрике IV пришлось отстаивать в схватке с дочерью Энрике Хуаной и ее португальскими союзниками в битве при Торо в 1476 году. Как и ранее, своих сторонников Изабелла поощряла дворянскими титулами, землями и должностями при дворе. Власть монарха все еще зависела от поддержки знатных семей.

ЗАВОЕВАНИЕ ГРАНАДЫ (1492)

Чтобы связать себя узами совместного предприятия и залечить раны междоусобных войн 1470-х годов, правители Кастилии и Арагона в 1482 году снова начали кампанию по обращению мусульманского королевства Гранада в христианство. Чтобы сломить сопротивление Гранады, потребовалось десять лет, ведь это был не только «один из самых великих и красивых городов», по словам египетского путешественника, но и грозная естественная крепость, которой, несмотря на внутренние разногласия и экономический спад, все же удавалось отражать натиск кастильцев. Эта война не слишком отличалась от предыдущих — скорее длительные и дорогостоящие осады и разорение соседних деревень, чем стремительные набеги. Не изменился и состав армии: пехота из горожан, дворянская конница,

а также кавалерия военных орденов и церкви и королевские отряды — очень небольшая доля от общей численности. Личные дружины дворян все еще оставались значимой силой. Новинкой на последней стадии борьбы христианства с мусульманами на Иберийском полуострове стало более широкое применение пехоты и артиллерии, включая примитивные образцы аркебуз. Как и раньше, основным источником средств на войну послужили доходы церкви.

Капитуляция произошла в начале 1492 года, ее условия для побежденных были столь же благородными, как и в XII и XIII веках. Возможно, в знак примирения «Католические короли» нарядились в мусульманское платье, когда въезжали в город. Однако, несмотря на щедрость победителей, к 1494 году большинство мусульманской знати вернулось в Северную Африку. Что касается населения королевства Гранада, которое составляло предположительно 300 000 человек, после краткого периода мирного сосуществования начался процесс обращения. Налоги и снижение веротерпимости спровоцировали череду восстаний, и в 1502 году гранадцам предложили выбирать между обращением и изгнанием. При этом за выезд из страны полагалось платить и оставлять детей,

поэтому многие предпочли остаться и принять христианство. Они поселились в «резервациях» в Альпухаррасе (горный район на юго-востоке Гранады) и получили довольно уничижительное прозвище «мориски». Как и прежде, христиане обосновывались в основном в укрепленных городах и замках короны, а сельская местность перешла в распоряжение дворянства, военных орденов и городских советов.

Завоевание Гранады оказалось лучшим из возможных началом правления «Католических королей». Десять лет подряд лучшие войска Южной Кастилии под королевским знаменем участвовали в королевских кампаниях. Последняя победа дала монархам возможность осыпать почестями самых преданных и отважных вассалов. Эмоциональное воздействие победы на современников не передать словами: «Куда значительнее, чем открытие Америки», — восторгался один очевидец; «Конец бедам Испании!» — восклицал другой. В этой атмосфере ликования после успешного завершения векового конфликта Изабелла и Фердинанд, располагавшиеся лагерем в шести милях от Гранады, в новом христианском городе Санта-Фе, сочли, что настала пора дальнейшего укрепления положения монархии.

ИЗГНАНИЕ ЕВРЕЕВ

Возможно, «Католические короли» посчитали военную победу над маврами достаточным основанием продолжить популярную политику, которая принесла им признание городов. Монархия нуждалась в увеличении числа союзников, чтобы ослабить влияние знати. Учреждение инквизиции в 1478 году стало первым шагом в этом направлении; поначалу весьма популярная у народа и церкви, инквизиция представляла собой централизованный институт королевской власти — единственный, действующий на всей территории объединенной монархии. Изгнание евреев, очевидно, показалось способом упрочить власть в стране. Это произошло всего через три месяца после капитуляции Гранады. Евреям предложили обратиться в христианство или оставить земли Кастилии и Арагона в течение четырех месяцев. Число тех, кто предпочел уехать, составляет предмет горячих споров; по последним оценкам, таких было от 60 000 до 70 000 человек, и многие из них вернулись после того, как королевский указ позволил им возвратиться и потребовать обратно свое имущество, если они могли доказать, что приняли христианство. Согласно мнению ряда исследователей, влияние

изгнания евреев на экономическую и демографическую ситуацию в стране сильно преувеличено.

КОЛУМБ И АМЕРИКА

Тысяча четыреста девяносто второй — также год, когда Изабелла и Фердинанд наконец выслушали генуэзского мореплавателя Кристобаля Колона (Христофора Колумба), который в течение многих лет рассуждал о возможности найти западный путь в Индию. В действительности аудиенция состоялась через две недели после обнародования указа об изгнании евреев, и не удивительно, что поддержку генуэзцу оказала Андалусия. Единственным конкурентом в плавании через Атлантику была Португалия, которая первой вышла в океан и к 1492 году, как считалось, контролировала известные маршруты за золотом и специями. Великие правители Западной Андалусии владели такими портами, как Сан-Лукар де Баррамеда, Гибралтар и Кадис, добыли немало богатств после набегов на Северную Африку и эксплуатировали в своих обширных имениях труд жителей колоний. Королевское решение диктовалось стремлением удержать инициативу и воспользоваться возможностью, буде таковая представится; то же самое произошло в 1482 году, когда поход на Гранаду начали из опасения, что

крупные землевладельцы юга поделят мусульманское королевство между собой.

Из ряда упоминаний следует, что Колумб имел ясное представление о том, чего хочет. А хотел он золота. Однако он также настаивал на том, что его цель — обратить язычников в благую весть католической церкви. Именно после первых плаваний Колумба в 1494 году папа римский утвердил титул «Католических королей» для испанской монаршей четы. Жажда наживы неразрывно сопровождала исполнение «цивилизаторской» миссии, которая сделала Кастилию защитником христианской Европы от неверных; все, кто вкладывал усилия или средства в это предприятие, ожидали хорошего дохода. В те времена золото было «как самым выгодным, так и самым символичным из всех товаров», по словам знаменитого французского историка Пьера Вилара. Клирики и крестоносцы, только что доказавшие свою доблесть и окончательно победившие ислам на полуострове, желали утвердить свою веру за океаном. Более того, крест и меч получили нового союзника — кастильский язык. В 1492 году Элио Антонио де Небриха (1444-1522) выпустил «Искусство кастильского языка», первую в Европе грамматику родного языка, и

посвятил ее королеве Изабелле как «инструмент империи». Так язык стал ярмом, объединившим старых и новых подданных Кастилии.

Фердинанд II, король Арагона и регент Кастилии

Завершив первый и самый знаменательный этап своего правления, а именно — укрепив власть на полуострове, «Католические короли» обратили внимание на границу с Францией и содействие притязаниям Арагона в Италии. В рамках договора с Барселоной в 1493 году Карл VIII, король Франции, согласился вернуть Руссильон и Серданию, две каталонские провинции на севере Пиренеев, которые Франция отобрала в 1462 году. Испано-французское соперничество переключилось на Италию. Через несколько лет дипломатических разногласий многочисленный флот с небольшой армией под командованием дона Гонсало Фернандеса де Кордовы, Великого капитана, направился на юг Италии, и серия великолепных военных побед (битвы при Серинъоле и Гарильяно в 1503 году) превратили Неаполь в постоянное владение испанской короны.

Блеск, великолепие и могущество двуединой монархии как на родине, так и за ее пределами не следует воспринимать как должное. История

Испании, а быть может, и всей Западной Европы, могла сложиться совершенно иначе, если бы в 1504 году Изабелла не умерла, оставив супруга разбираться с чрезвычайно запутанной ситуацией престолонаследия. Фердинанд был всего лишь мужем королевы Кастилии и, без учета того обстоятельства, что он принадлежал к правящему семейству Трастамара, силы, которыми располагал король Арагона, были слишком скромными, чтобы бросать вызов западным соседям. При этом Кастилия втрое превосходила территории Арагона, Валенсии, Майорки и Каталонии вместе взятых; ее население составляло пять миллионов человек — по сравнению с менее чем миллионом в остальной Испании; она была богаче в доходах, активно развивалась и расширялась, а потому представлялась лакомым куском.

После смерти Изабеллы ее супруг вернулся в собственные владения. Планы на потомство (которые Фердинанд столь великолепно пытался реализовать в искусной дипломатической игре, что вызвал восхищение Маккиавелли) так и не осуществились. Первый сын Хуан умер в 1497 году; внук Мигель, потомок инфанты Изабеллы и короля Португалии Мануэля I, скончался два года спустя в возрасте трех лет; а в Генте (Фланд-

рия) дочь «Католических королей» донья Хуана, следующая в очереди на трон, родила сына Карлоса, от Филиппа, сына и наследника Марии Бургундской и императора Священной Римской империи Максимилиана I. В своем завещании Изабелла сожалела по поводу предполагаемого наследника «из чужого народа и чужого языка». Некоторые опасения относительно способности доньи Хуаны править страной заставили Изабеллу так сформулировать свою последнюю волю: если ее дочь не сможет или не захочет принять бразды правления, Фердинанд должен управлять Кастилией в качестве регента до тех пор, пока дон Карлос не достигнет совершеннолетия. Фердинанд терпел недовольство мужа доньи Хуаны, Филиппа, до безвременной кончины последнего в 1506 году, и должен был примириться с мыслью о чужеземном наследнике тронов Кастилии и Арагона.

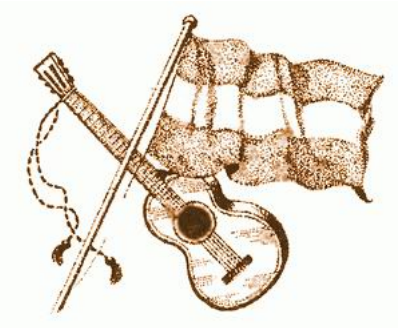
Фердинанд вернулся в Кастилию в июле 1507 года из Неаполя, и немногочисленной армии оказалась достаточно, чтобы подавить открытое сопротивление; однако королю все же пришлось пойти на уступки, чтобы утихомирить враждебные настроения. Он управлял Кастилией до самой смерти — до января 1516 года. В восточные

владения назначили наместников; ресурсы Кастилии подкрепляли международные амбиции короля, который обратил свое внимание на Наварру (ту захватило войско под командованием герцога Альбы) и на Северную Африку, где испанцы заняли ряд портов, чтобы обезопасить себя от нападений.

После смерти Фердинанда неуправляемое и самовластное дворянство вернулось к междоусобным войнам, интригам и заговорам, игнорируя либо вовсе отрицая власть короны. Предвидя такое развитие событий, Фердинанд назначил кардинала Сиснероса регентом для поддержания хотя бы видимости закона и порядка. Кризис выявил в полной мере сомнительность баланса сил в стране. С 1515 года, когда в Брюсселе дон Карлос был объявлен совершеннолетним, по июнь 1517 года, когда новый король отправился в Испанию, сохранялись два центра власти: Сиснерос — в Кастилии и дон Карлос и его советники — в Брюсселе. Сиснеросу пришлось справляться с многочисленными проявлениями недовольства: он попытался создать постоянную полицию, чтобы поддерживать закон и порядок в королевстве и искоренить злоупотребления, возникшие по причине политического вакуума, но столкнулся

с противодействием местной знати, Брюсселя и таких городов, как Бургос, представители которого в кастильском парламенте требовали больших свобод.

Династическая неопределенность сопровождалась чередой неурожаев с 1502 года, голодом 1506 года, вспышкой чумы в 1507 году; сельскую Андалусию в 1508 году опустошила саранча. Впервые, чтобы прокормить население Кастилии, пришлось импортировать большие объемы злаков из Фландрии, Франции, Северной Африки, с Сицилии и даже из Турции. Затем рекордный урожай злаков 1509 года обвалил цены, что привело к банкротствам купцов, разорению крестьянских хозяйств и массовой миграции сельского населения в города. Волнения в сельской местности сопровождались недовольством горожан, которых не устраивало, что Бургос владеет монополией на экспорт шерсти высшего качества на северные рынки, приговаривая остальных к полунищему существованию. Такой была сцена, на которую осенью 1517 года вступил представитель «чужого народа и чужого языка».



ГЛАВА 4
Испанская империя

Карлос I

«Дон Карлос, милостью божьей король Кастилии, Леона, Арагона, обеих Сицилии, Иерусалима, Наварры, Гранады, Хаэна, Валенсии, Галисии, Майорки... Ост- и Вест-Индии... правитель Бискайского залива...» после смерти отца в 1507 года стал графом Фландрии, законным правителем Нидерландов и Франш-Конте; всего семнадцать титулов с указанием соответствующих владений. Коронация в 1515 году прошла в зале заседаний парламента в герцогском дворце в Брюсселе, его первой столице, куда он вернулся сорок лет спустя, чтобы произнести свою прощальную речь и отречься от огромной империи, «где никогда не заходит солнце».

Рожденный и воспитанный при бургундском дворе Марии и Максимилиана, в духовном и политическом центре Священной Римской империи, он не знал ни кастильского языка, ни любого другого, на котором говорили на полуострове, и изъяснялся лишь по-французски. В окружении фламандских советников он прибыл в Ларедо (Сантандер), один из северных портов Кастилии, которые росли и процветали благода-

ря увеличению торговых оборотов с Фландрией и Северной Европой. С самого начала новый король пренебрегал опытом таких людей, как кардинал Сиснерос, которые служили Кастилии в трудные времена после смерти его бабушки. Что касается матери короля, доньи Хуаны, все еще королевы и сеньоры Кастилии, он навещал ее в Тордесильясе, только чтобы убедиться, что, заточенная в башне с видом на реку Дуэро, она надежно изолирована от политических интриг. Отвергнутая и забытая миром, брошенная отцом, мужем и сыном, Хуана дожила до семидесяти шести лет и умерла в 1555 году, за шесть месяцев до отречения ее сына от престола в Брюсселе. Инфант Фердинанд, младший брат короля, рожденный и воспитанный в Кастилии, знакомый с обычаями, традициями и языком страны, был тайно похищен и посажен в Сантандере на корабль, направлявшийся во Фландрию, где он едва ли мог найти поддержку, чтобы угрожать власти Карлоса.

Жадность и высокомерие свиты фламандского и бургундского короля вызвали разочарование и недовольство жителей Кастилии, которые дали выход чувствам в недвусмысленных выражениях, когда король впервые встретился с кортесами в Вальядолиде в феврале 1518 года. Никто не

оспаривал его право на кастильский трон, однако королю твердо напомнили, что он должен признавать законы и свободы королевства и править в соответствии с завещанием Изабеллы, которое недвусмысленно запрещало принимать иностранцев на государственную службу; что он — лишь «приглашенный, и только поэтому его подданные делят с ним доходы и служат ему вместе со своими людьми, когда бы их к тому ни призвали». Карлоса заставили выучить кастильский и напомнили, что Хуана все еще является королевой и правительницей Кастилии, а также предложили позволить его младшему брату, первому в очереди на трон, вернуться в Кастилию: ведь пока король не женился и не обзавелся наследником. Карлос признал правомерность требований и, так сказать, в награду за покладистость, получил субсидию в размере 600 000 дукатов на ближайшие три года.

Затем он отправился в Сарагосу, чтобы встретиться с кортесами Арагона и выслушать новые требования. Восемь месяцев ушло на то, чтобы получить признание и 200 000 дукатов от Арагона. В феврале 1519 года по дороге в Каталонию Карлос узнал о смерти дедушки, императора Максимилиана. Престол Священной Римской

империи оказался вакантным; король поспешил в столицу Каталонии, чтобы принять присягу перед парламентом и получить дополнительные средства для достижения новой цели — наследовать трон империи.

Император Священной Римской империи

Кандидатура дона Карлоса, возможно, была наилучшей. Семь немецких выборщиков ранее дали обещание его деду, покойному императору, а наследные владения Габсбургов и герцогов Бургундских в Центральной Европе наделили Карлоса значительным преимуществом перед главным конкурентом — Франциском I, королем Франции. Однако в конечном счете решающим фактором стали деньги; выборщиков и их советников требовалось как следует умаслить, а Карлос I, король Кастилии, был вполне кредитоспособен, и банковские дома Генуи и Аугсбурга помогли получить их голоса. И 28 июня 1519 года Карлос I, король Кастилии, наследовал трон деда, престол Священной Римской империи, под именем Карла V.

Новость застала его в Барселоне. Поездка в Германию представлялась обязательной. Из Франции пришли предостережения об интригах Франциска I, который затеял политический альянс с Генрихом VIII, королем Англии, против Карлоса. Парламентские дискуссии задержали

короля в Барселоне до конца года, а в начале 1520 года он поспешил через Арагон в Кастилию за средствами для поездки в Германию. Посетив свою мать в Тордесильясе, он последовал в Сантьяго-де-Компостела в королевстве Галисия, где, нарушая все традиции, в конце марта созвал кастильские кортесы в надежде получить дополнительные средства и отправиться в путь из Ла-Коруньи. Однако прежде чем обсуждать королевский пансион, кортесы выдвинули собственные требования. Подкуп и угрозы не помогли, и Карлосу пришлось снова созывать кортесы в Ла-Корунье, куда делегаты из Саламанки и Толедо приезжать отказались. Через двадцать два дня споров с перевесом в один голос было решено выделить королю 400 000 дукатов. Забыв всякую осторожность, будучи уверен в незыблемости своего положения, дон Карлос отбыл в Дувр, оставив в Кастилии в качестве наместника своего старого учителя Адриана Утрехтского. Из Англии, где он с Генрихом VIII подписал соглашение против Франциска I, он отправился в Ахен, в город Карла Великого, где 23 октября 1520 года был провозглашен императором.

ВОССТАНИЕ КОМУНЕРОС В КАСТИЛИИ

Тем временем Кастилию охватило пламя мяте-

жа. Представители кортесов, все еще заседавшие в Ла-Корунье, сочли решение короля оставить Адриана Утрехтского регентом нарушением его обещания не назначать иностранцев для управления государством. Толедо, чье архиепископство (богатейшее и самое могущественное из всех кастильских епархий) отдали молодому фламандцу, вступил в открытое противостояние, изгнав коррехидора — главу исполнительной власти в городской администрации — и захватив Алькасар, крепость и символ королевской власти. Остальные города Центральной Кастилии последовали этому примеру, их представители собрались в Авиле и подписали «договор солидарности»; так сложилась Святая Хунта (Junta Santa de las Comunidades), напомнившая королю, что Кастилия не обязана считаться с империей и оплачивать ее расходы; более того, в отсутствие правителя эти города, будучи представлены в кортесах, имеют право вмешиваться в управление королевством. Так и не получив ответа, в сентябре городское ополчение Толедо, Мадрида и Саламанки под командованием Хуана де Падильи захватило Тордесильяс, а затем к ним примкнуло ополчение Авилы. Тринадцать из восемнадцати городов с правом голоса в кортесах

участвовали в этом походе. Войдя в Тордесильяс, они ожидали, что королева Хуана примет их сторону и объявит своими подданными; однако несчастная королева отказалась подписывать какие-либо документы и даже признавать себя правительницей на словах.

Эти события обнажили многочисленные социальные конфликты, междоусобицы, экономические опасения и политические расколы между короной и дворянством последних десятилетий. Отказ доньи Хуаны присоединиться к мятежникам лишь усугубил запутанную картину первых месяцев восстания. Вначале городская аристократия возглавила мятеж: как дворян, их возмутило, что главные должности и привилегии короны даруются чужеземцам. Некоторое время они поддерживали мятеж, полагая, вероятно, что корона пойдет на уступки и можно будет поживиться.

Между тем мятеж выплеснулся за пределы городов. Обширное восстание против сеньоров, которое началось в сельской местности, было спровоцировано городскими бунтами, однако развивалось независимо от них. В большинстве случаев восставшие вилланы выступали против злоупотреблений дворянства и просили у короля

покровительства; они видели в короне защиту от нищеты и непосильного труда. Разумеется, в таких обстоятельствах дворяне поспешили заключить мир с короной, и Карлос I, также не забывавший, что поддержка дворян для него жизненно важна, охотно согласился, пообещав компенсации за любые убытки, понесенные в ходе конфликта. Он также пригласил двух ведущих представителей кастильской знати — коннетабля и адмирала Кастилии — стать соправителями Адриана Утрехтского и, в ожидании коронации в Ахене, наделил знатных кастильцев бургундскими титулами и почестями. Ricoshomresy ricas hembras (богатые мужчины и женщины) получили двадцать пять титулов грандов — двадцать в Кастилии, четыре в Арагоне и один в Наварре. Еще двадцать пять семей получили титулы маркизов, графов и виконтов.

Присоединение дворянства к лагерю роялистов сопровождалось ростом недовольства в городах и переходом ряда городов к поддержке антидворянских восстаний. Святая Хунта начала требовать усиления власти кортесов в противовес союзу знати с королем. Вальядолид и особенно Бургос не согласились с этим требованием. Бургос, оплот могущественного финансового и делового

сообщества, которое вело прибыльную торговлю шерстью с Северной Европой, получил от короля письменные гарантии (18 января 1520 года) относительно торговли с Нидерландами. К королевским добавил собственные гарантии и льготы коннетабль Кастилии, который не только имел доход с экспорта шерсти, но и, подобно олигархам Бургоса, опасался «подрывных идей» в низах общества. Бургос примкнул к роялистам и увлек за собой Сорию и Гвадалахару. В Вальядолиде повстанцы имели более сильное влияние, и когда 5 декабря Тордесильяс сдался королевской армии, именно Вальядолид стал новой столицей мятежа.

Внутреннее соперничество как среди крестьян, так и роялистов, вкупе с финансовыми затруднениями объясняют длительный перерыв между захватом роялистами Тордесильяса и окончательной победой над комунерос 23 апреля 1521 года при Вильяларе, небольшой деревне к востоку от Тордесильяса. Лишь Толедо сопротивлялся до февраля 1522 года, поскольку королевской армии пришлось поспешить в Наварру, чтобы прогнать французов от границы. Пусть мятеж не достиг цели, он ясно дал понять, что население враждебно относится к правителю-чужестран-

цу; а последний неуклонно превращал страну в центр мировой политики, что выразилось, в ближайшей перспективе, в дополнительных расходах и принесении в жертву интересов самой Кастилии.

ВОССТАНИЕ ЭРМАНИЙ В ВАЛЕНСИИ

В Валенсии и на Майорке так называемые эрмании (братства) более наглядно продемонстрировали настроения в обществе, когда весной 1520 года восстали против назначения кастильца дона Диего Уртадо де Мендосы, графа Мелито, наместником короля. В этом регионе дворяне несли убытки и, чтобы восполнить потери, повышали размеры аренды и налогов для низших слоев. К этому следует прибавить сохранявшуюся угрозу нападений пиратов из Северной Африки, а также необходимо учитывать специфику населения Валенсии: 35-40% местных жителей были арабского происхождения (мориски), и на их долю в периоды социальных и экономических затруднений выпадали наибольшие тяготы; их презирали за трудолюбие и бережливость, равно как и за переходящую в раболепие покорность по отношению к сеньорам. Еще случился серьезный недород злаков, а поставки из других областей задерживались. Когда 23 января 1520 года Карлос

I покинул Барселону и отправился в Кастилию за средствами, которые помогли бы ему стать императором, он не проявил никакого сочувствия к жалобам эрманий, присягу верности местных кортесов король также не получил. Эрмании собрали восьмитысячное ополчение, которое в июле 1521 года разгромило королевскую армию — в ней большинство составляли мориски. Вскоре после этого наместник короля Уртадо де Мендоса, с подкреплением из Мурсии под командованием Велеса разбил ополчение эрманий при Ориуэле и победоносно прошествовал в столицу королевства. Усмирение Майорки к марту 1523 года доверили отдельному отряду, посланному самим королем.

Можно сказать, что восстания эрманий и комунерос стали следствием перемен экономического климата и появления нового правителя, который своими действиями не сулил никаких надежд на улучшение положения населения. Масштабы социального конфликта в Валенсии расширились за счет нападок на морисков, тогда как кастильское восстание преследовало отчасти политические цели — отстоять суверенитет кортесов. По крайней мере в одном отношении обстоятельства восстаний в Центральной Касти-

лии и Валенсии почти полностью совпадали: монарх и знать объединяли силы, чтобы навести порядок и восстановить статус-кво; в Валенсии — почти мгновенно, в Центральной Кастилии — после некоторого промедления, в основном из-за того, чтобы добиться от короля более существенных наград. Схожими были и репрессии, и размер репараций, наложенных на мятежные города. Альянс монарха и знати казался неуязвимым. В битве при Вильяларе большая часть дворянства на словах сражалась за императора Карла V, однако на самом деле — «por temor que temian a las Comunidades, ca tenian propositi de tomarles sus tierras y reducirlas a la corona» («из страха перед городами они опасались лишиться собственных земель, которые перейдут короне»), как писал кардинал Адриан Утрехтский. Корыстные цели дворян стали очевидны, когда они предъявили королю длинные счета в надежде на компенсации.

Война с Франциском I

Через две недели после битвы при Вильяларе, 10 мая 1521 года, французы вторглись в Наварру, и испанская знать вновь устремилась в бой. Местность на западе Пиренеев была одним из трех регионов, за которые Франция и Испания соперничали до выборов императора. Воспользовавшись внутренним конфликтом в Кастилии и утверждая, что действует от имени семьи Альбрет, которую в 1512 году Фердинанд лишил собственности, французский король послал своего полководца Леспара, который занял Памплону и Эстрелью и начал осаду Логроньо на другом берегу реки Эбро, на юго-восточной границе королевства. Испанские аристократы с армией, втрое превышающей французскую по численности, во главе с адмиралом и коннетаблем Кастилии двинулись из Вильялара в Наварру, предвкушая новые королевские милости. В составе этой армии были и такие аристократы, как Велес де Мурсия и дон Педро Хирон, которые прежде заигрывали с комунерос, не разглядев в тех поначалу угрозы своему благосостоянию. К ним примкнули и другие, не столь именитые дворяне, жаждав-

шие загладить вину перед королем и мечтавшие о наградах. Города, которые несколько недель назад сражались с армией регента, также выставили внушительные отряды пехоты. 30 июня в битве при Киросе (Ноаин, около Памплоны) французское войско было полностью уничтожено. Второе вторжение в сентябре тоже отразили, за исключением Фуэнтеррабии, которая оставалась в осаде до сентября 1524 года, когда французам пришлось сдать город герцогу Альбе в присутствии императора Карла V. Тогда же Наварру передали во владение герцогу Нахеры.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПОРЯДКА В КАСТИЛИИ

Император вернулся к своим кастильским подданным 16 июля 1522 года во главе армии из нескольких тысяч немецких наемников и артиллерии в количестве семидесяти четырех орудий, подобных которым никогда прежде не видели на юге Пиренеев. Из Паленсии, где пробыл два месяца, он отправился в Вальядолид, без всякого желания проявлять милосердие к побежденным комунерос. Лишь после обращения к королю кортесов в Вальядолиде 14 июля 1523 года репарации были снижены, а преследования прекратились; вдобавок Карлос I объявил, что с этого дня голосование по субсидиям короне будет проходить

прежде предоставления королю петиций. Это заявление не встретило возражений.

Что касается дворянства, вначале Карлос I проигнорировал его упования на компенсации и награды, однако в следующие несколько лет ему, подобно Изабелле и Фердинанду, а также бесчисленным предшественникам, пришлось признать, что положение монарха полностью зависит от преданности высших слоев общества. Соразмерность наказаний и поощрений — вот единственный способ утвердить себя в глазах сеньоров, которым все еще нравилось воспринимать короля как первого среди равных; наиболее могущественные семейства поддерживали друг друга столь же часто, как и мешали одно другому чрезмерно возвыситься. Чтобы заручиться поддержкой этих дворян, приходилось бесконечно раздавать должности и синекуры.

В I486 году монархи получили от папы Иннокентия VIII право на покровительство всем церковным приходам Гранады. В 1508 году Фердинанду удалось добиться того же права для Нового Света, а в 1523 году папа Адриан VI, бывший учитель Карлоса и наместник короля в Кастилии, расширил право кастильской короны на все епархии королевства. Папская булла также рати-

фицировала объединение трех военных орденов Кастилии — Сантьяго, Калатрава и Алькантара — на неограниченный срок. Благодаря Patronato Real (королевскому патронажу) и деятельности великих магистров военных орденов корона обеспечивала себе высокий уровень доходов и укрепляла собственный статус.

ПОБЕДА НАД ФРАНЦИСКОМ I И КОРОЛЕВСКАЯ СВАДЬБА

В 1525 году все указывало на долгое и успешное правление первого императора рода Трастамара-Габсбургов, на процветание его подданных в империи и колониях. На двадцать пятый день рождения (24 февраля) Карлоса могущественный сосед и бывший конкурент за имперскую корону Франциск, король Франции, был окончательно побежден у города Павия, на севере Италии, взят в плен и увезен в Мадрид, где ему пришлось подписать соглашение, в котором он отказывался от всех притязаний на Милан и Неаполь, на герцогство Бургундское и несколько городов вдоль северной французской границы. Франциск также пообещал принять участие в крестовом походе против Османской империи, угрожавшей христианству с востока и юга.

В том же 1525 году Карлос I заключил сильный

династический союз со своим западным соседом, королем Португалии, контролирующим пути в Гвинею и Ост-Индию и считавшимся самым богатым монархом на земле. Карлос женился на португальской принцессе Исабель, которая принесла головокружительное приданое в 900 000 дукатов. Их первая встреча состоялась в красивом интерьере дворца Алькасар в Севилье, построенного в стиле мудехар, а свой медовый месяц королевская чета провела в великолепии дворца Альгамбра в Гранаде. В честь этих событий император приказал построить дворец в лучшем итальянском стиле. Через два года в Вальядолиде императрица родила ему сына и наследника, Филиппа. Она и сама оказалась способной к государственным делам и правила Кастилией в периоды длительного отсутствия Карлоса до самой безвременной кончины в 1539 году.

Американские сокровища

С 1519 по 1525 год Эрнан Кортес и горстка его товарищей завладели полумиллионом квадратных километров в Центральной Мексике для короны Кастилии. Через десять лет Франсиско Писарро осуществил захват Перу. К 1540 году очертания американских континентов появились на картах. 250 000 кв. км, составлявших первые колониальные владения католических монархов, сосредоточенные вокруг Санто-Доминго и Кубы, расширились к концу правления Филиппа II до 1,5 млн. кв. км. В XVI веке, чтобы освоить около 4-5 млн. кв. км, Атлантический океан пересекли не более 100 000 испанцев. Освоение столь обширных территорий таким небольшим числом людей позволяло заниматься лишь экстенсивным земледелием. Это обусловило характер завоеваний и захватов, а увеличение расстояний делало систему крайне дорогостоящей. Только самые рентабельные товары могли принести адекватную прибыль на огромные вложения в человеческий труд и материальные затраты. Американские континенты сулили колоссальные богатства, прежде всего драгоценные металлы,

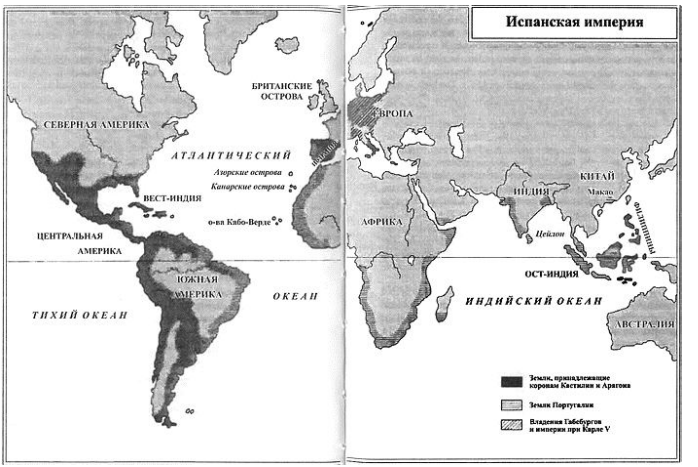
вначале золото, а позже, с середины XVI века, серебро. Еще оттуда вывозили специи, жемчуг, сахар и красители, безжалостно обирая индейцев. Богатство оправдывало риски и расстояния и определило колониальный тип освоения этих земель; монокультура американских континентов основывалась на изготовлении предметов роскоши. С 1540 по 1560 год некоторые священники и чиновники возвышали голос, настаивая на модернизации системы управления колониями. Однако их предпочитали не слышать: зависимость Кастилии от американских богатств неуклонно возрастала. С 1555 года предполагалось начать интенсивные разработки полезных ископаемых, менее зависимые от человеческого труда, поскольку на ранних стадиях добычи природных ресурсов погибло множество работников. Серебро хотели добывать технологией амальгамирования, используя ртуть, доставлявшуюся в основном из Альмадена. В итоге к 1580 году добыча серебра достигла рекордных высот. При этом необходимость привлечения все новых работников продолжала опустошать демографический ландшафт Нового Света.

Каковы бы ни были долгосрочные последствия этого способа колонизации, в контексте истории

важнее то, что Америка принесла огромные богатства, которые обеспечили господство Кастилии в Европе и за ее пределами на сто лет вперед. В первой половине XVI века налоги на торговлю шерстью являлись основным источником пополнения королевской казны, а расходы империи взяли на себя Кастилия, Нидерланды и Италия. Однако к концу 1540-х годов Кастилия стала финансовым и административным центром империи Карла Великого. Поступления от шерсти перестали поспевать за потребностями императора, и тут на помощь пришла Америка; без этого своевременного появления испанское господство в Европе не пережило бы финансовых трудностей середины XVI века.

Поставки золота выросли с 5000 кг в 1503-1510 годах до рекордных 42 620 кг в 1550-х годах, а партии серебра увеличились с 86 тонн в 1530-х годах до максимальных 2707 тонн к последнему десятилетию XVI века. Самый ценный из металлов оставался основной статьей импорта до 1550-х годов, поскольку соотношение стоимости золота к серебру составляло 12 к 1; даже в 1590-х годах испанское золото обеспечивало 10% общемировых ресурсов. По оценкам, с 1503 по 1660 год в Севилью переправили около 25 000 тонн «услов-

ного серебра», что увеличило объемы запасов драгоценных металлов в Европе в три раза.



СЕВИЛЬЯ И ТОРГОВЛЯ В АТЛАНТИКЕ

Севилья оставалась портом назначения кораблей с богатствами и воротами трансатлантической торговли до 1680 года, когда ей пришлось разделить этот статус с Кадисом. В 1503 году для

управления поставками из и в Америку была создана Каса де Контратасьон (Торговая палата), которая с 1543 тогда осуществляла контроль над импортом и экспортом совместно с Севильской ассоциацией торговли с Америкой, преобразованной в торговую палату по модели Бургоса. Все товары привозили в Севилью и грузили на галеоны, спускавшиеся затем по Гвадалкивиру к океану, а навстречу из океана поднимались корабли с американскими товарами, и к концу века Севилья стала крупнейшим городом Европы после Парижа и Неаполя. Регулярный флот (Каррера де Индиас) появился в 1560-х годах и обеспечивал безопасность на пути через Атлантику; обычно корабли отправлялись попарно, отплывали из Андалусии весной и в конце лета и возвращались в марте следующего года. Трансатлантический торговый путь расширили до Филиппин (которые открыл для Испании португалец Фернандо Магеллан в 1521 году); ежегодно туда уходил галеон с грузом товаров из столицы и сельскохозяйственной продукцией (вином и растительным маслом), а возвращался он с американскими слитками и восточными специями. Система конвоев (флотас) полностью себя оправдала; лишь однажды галеоны с сокро-

вищами попали в руки врага — 8 сентября 1628 года в бухте Матансас у берегов Кубы почти весь мексиканский Серебряный флот был захвачен голландцем Питером Хейном.

КОРОЛЕВСКАЯ ПЯТИНА

По древнему мусульманскому обычаю такова была доля короля Кастилии от общего объема поставок драгоценных слитков из Америки в обмен на право аренды и разработки рудников, которые, по кастильскому законодательству XIII века, являлись собственностью королевской семьи. Помимо «кинто реаль» (королевской пятины), существовал налог на товары, экспортируемые в Америку. Расходы на охрану в территориальных водах Кастилии падали на казну, однако сопровождение транспортов в открытом море оплачивалось непосредственно из торговой прибыли. За вторую половину XVI века королевская пятина возросла в десять раз — с 250 000 до 2 000 000 дукатов в год, — тогда как текущий доход казны за тот же период увеличился лишь вдвое, а налоговый доход не успевал за инфляцией. Американские слитки являлись «единственным дополнительным источником заемного капитала в стране», единственным средством умиротворения кредиторов и финансирования растущих

расходов империи.

Цена империи

Рост государственных расходов стал характерным явлением в Европе XVI века. На самом деле большинство западных государств тратило значительную часть своих доходов на оборону; Кастилия в 1574 году израсходовала на эти цели 70% своего бюджета. В любом случае, стоимость поддержания гегемонии Кастилии в Европе была поразительна. Взойдя на трон в июле 1556 года, Филипп II узнал, что испанские доходы полностью зарезервированы до 1561 года включительно; а с 1572 по 1576 год, когда он воевал на двух фронтах (против Османской империи и восставшей Голландии), то потратил вдвое больше годового дохода, что в 1575 году привело к банкротству. К 1660-х годам долг короны достиг размера прибыли за десять—пятнадцать лет, а годовые королевские траты составили куда более половины от общего дохода, а именно — 70%.

С начала XVI века Кастилия приняла систему дефицитного финансирования, при которой кризис ликвидности являлся обычным явлением (восемь постановлений о банкротстве с 1557 по 1662 год). Превращая неоплаченные кратко-

срочные займы в терминированный аннуитет, снижали процентную ставку по долгам, а также прибыль, которую обычно заранее закладывали финансисты и спекулянты. Это был чрезвычайно дорогой в обслуживании процесс, оставлявший крайне скудное пространство для маневров. Однако поток американских слитков продолжал благополучно и регулярно прибывать в Севилью, и всегда находились банкиры, с юга Германии, из Генуи и Португалии, готовые выручить испанского короля и ссудить ему средства для выплаты жалования солдатам и чиновникам империи во Фландрии, Германии и Италии. Значительные поставки золота и серебра были дополнительной страховкой и поддерживали потребность империи в заемных средствах. Более того, до 1620-х годов курс национальной валюты оставался стабильным благодаря денежной реформе, проведенной в конце XV века. Долгое время страна обладала почти исключительной монополией на лучшую валюту Европы; испанские деньги чеканили легко и часто, они имели высокую покупательскую способность и принимались везде. Такого накопления капитала не было вплоть до викторианской эпохи в Англии. Испанцы XVI столетия, вероятно, считали, что Эль-Дорадо на

самом деле неисчерпаем и что они живут в «золотом» или, по меньшей мере, «серебряном» веке.

СТРАНА ВОЗМОЖНОСТЕЙ И ИЗОБИЛИЯ

В своей «Всеобщей истории Индий» Франсиско Лопес де Гомара красочно описал, как конкистадор Писарро делил между 200 соратниками сокровища Атауальпы, вождя инков, отданные в тщетной надежде обрести свободу. Корона Кастилии получила свою пятину, каждый солдат — по 18,6 кг золота и 41,4 кг серебра, а полководец — в десять раз больше. Это исключительный случай, но никак не единичный. Служба в королевской армии в Европе тоже могла принести неожиданно приличный доход. Возможно, размер жалования солдат отставал от инфляции, однако армия все равно притягивала многих европейцев из бедных уголков империи. Высокая покупательская способность кастильской валюты в Европе, где цены росли не так быстро, как в центре испанской монархии, давала шанс обогатиться и продвинуться по социальной лестнице. Жалование и обеспечение солдат имели первостепенную важность для казначеев: военные победы означали регулярность и достаточность выплат. Также стоит упомянуть военные трофеи, имущество, отобранное у врага,

и богатства, официально вывезенные из завоеванных городов. Мародерство регулировалось законом и ограничивалось тремя днями, как в Малуане в 1568 году или Харлеме в 1573 году: в первый день хозяйничали кастильцы, затем валлоны и германцы. От грабежа и мародерства можно было откупиться большой суммой денег, а если случались задержки с выплатами, города разоряли и расхищали. Грабеж Антверпена в 1576 году, по свидетельству торгового агента Фуггеров, принес двадцать миллионов дукатов, включая два миллиона в золотых и серебряных монетах — вполне правдоподобная сумма, если учесть важность Антверпена как центра распределения американских сокровищ.

РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА И ТОРГОВЛИ

Продолжительный демографический и экономический рост в Кастилии с конца XV века был очевиден во всех областях производства, будь то легкая промышленность, сельское хозяйство, финансы и торговля. Увеличение численности населения внутри страны и за границей стимулировало спрос почти на все товары местного рынка — на продовольствие, вино и одежду, оружие, лошадей, кукурузу, ртуть. «Политиче-

ские деньги», которые отправляли во Фландрию, Германию и Италию для финансирования обороны империи, изымались из испанской казны, это они составляли всего четверть стоимости слитков, импортируемых из Ост- и Вест-Индии. Теоретически, по меньшей мере, три четверти американских сокровищ прибывали в Севилью как частные поставки, окупая инвестиции в «американское предприятие» и возмещая стоимость грузов, поставленных в Новый Свет. Этот огромный приток капитала, помимо доходов, получаемых от традиционного экспорта основных товаров, таких как шерсть, распространялся по полуострову, способствуя развитию легкой промышленности в Кастилии, Леванте и Каталонии, производству кожи в Оканье, стали в Толедо, керамики в Талавере, налаживанию литейного производства на побережье Бискайского залива и в Наварре, кораблестроения на севере и в Андалусии, а также стимулируя развитие финансовых услуг и административного сектора. На повышение спроса особенно быстро реагировало сельское хозяйство. Несомненно, основной продукцией являлись злаки; такие регионы, как Тьерра-де-Кампос между Бургосом, Леоном и Паленсией или Ла-Сагра в Толедо по-

чти полностью отводились под выращивание злаков, поля составляли 90-95% пахотных земель. К концу века преобладание злаков частично разбавили маслиновыми рощами, в основном вдоль реки Гвадалкивир, и виноградниками в Галисии и Старой Кастилии. В средиземноморских провинциях сельскохозяйственное производство всегда отличалось большим разнообразием: Гранада и Мурсия, к примеру, являлись крупными производителями шелка, а Валенсия успешно вела торговлю этим товаром. Между Малагой и Альмерией выращивали сахарный тростник.

Торговля и предпринимательство, промышленность и сельское хозяйство предлагали достаточно возможностей всем подданным короны. Вторые по старшинству дети высшего дворянства, отпрыски мелкой аристократии, обедневшие идальго, торговцы и преуспевающие фермеры могли подняться по социальной лестнице через службу в церкви, армии и королевской администрации.

Новый класс служащих

Новые требования способствовали появлению многочисленного класса государственных служащих, получивших образование в новых учебных центрах, которые выросли, как грибы, по всей империи. Поскольку усиление королевской власти всегда означает ослабление аристократии, монарху приходилось полагаться на новых людей, которые своим влиянием и статусом были обязаны королевскому покровительству. Католические монархи содействовали продвижению нового класса, пополнявшего ряды служащих государственных советов, местных администраций, управлений королевским имуществом и органов правосудия. С 1493 года слуг короны обязали быть юридически образованными и разбираться в общем и гражданском праве после как минимум десятилетнего обучения в университете. Правителям XVI и XVII веков следовало соответствовать изменившейся ситуации.

Кастилия имела два университета со времен Средневековья (Саламанка и Вальядолид), однако к концу XVI века было основано еще 17 университетов, и, таким образом, их общее число достигло

тридцати четырех, включая один в Арагоне и пять в Новом Свете. В период расцвета 1580-х годов кастильские университеты принимали в год по 20 000 студентов. Существовало еще несколько центров образования, а возрождение учебно-просветительской деятельности в религиозных орденах, возглавляемых иезуитами, вероятно, добавляло к общему числу еще около 10 000 студентов, увеличивая долю рабочей силы в возрастной группе от 15 до 24 лет более чем до 3% (возможно, наивысший уровень в Европе). Подъем кастильского языка и литературы и крайне уважительное отношение к профессии писца способствовали росту популярности университетов. Гуманитарный характер некоторых новых университетов, таких как Алькала-де-Энарес, давал отличные возможности для исканий в области философии, литературы и языкознания. Информацию и статистические данные, собранные этими высококвалифицированными слугами короны, можно найти в архивах этого периода («Архив Симанкаса» и «Архив Индий»), поистине лучших хранилищах Европы. Однако в перспективе чрезмерное внимание к праву и ориентация на карьеру пагубно сказались на качестве образования.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ГРАМОТНОСТИ И ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ МОБИЛЬНОСТЬ

Без учета многочисленного грамотного населения сложно объяснить количество и разнообразие литературных сочинений в Испании XVI и XVII веков. Недавние исследования выявили повсеместное распространение грамотности в стране, на что указывают и число изданий, и легкий доступ к библиотекам, и возможность покупки книг на аукционах, и появление практически во всех городах учителей, обучавших чтению и письму детей любых сословий. Богатство кастильской литературы также свидетельствует о распространении грамотности. Эта эпоха предстает во всем многообразии литературных произведений: от хроник и описаний новых открытий до юридических трактатов, касающихся всех сфер управления, социальной справедливости и отношений с Индиями; от пьес, разоблачающих злоупотребления королевской власти и бичующих надоедливое расквартирование солдат по частным домам до теологических бесед о морали; от мистических прозрений до порнографических сцен. Изобилие типажей и сюжетов, совершенные образцы литературного искусства — все свидетельствует о широком кру-

гозоре авторов и богатстве их опыта.

Среди важнейших литературных произведений эпохи следует упомянуть «Искусство кастильского языка» (1492), «Селестину» Фернандо де Рохаса (1499), итальянскую по духу поэзию Гарсиласо де ла Беги, поэта-солдата, который погиб в сражении во Франции в 1536 году. Также отметим сочинения защитника индейцев Бартоломео де Лас Касаса, интернационалиста Франсиско де Витории, мистические опыты святой Терезы Авильской, святого Хуана де ла Круса и фрая Луиса де Леона и эротические стихи Луиса де Гонгоры (1561-1627). Нельзя обойти вниманием сатиры писателя и дипломата Франсиско де Кеведо, тонкую иронию и искусство повествования Мигеля де Сервантеса (1547— 1616), пьесы трех великих мастеров сцены — Лопе де Беги (1562-1635), Тирсо де Молины (1580-1648) и Педро Кальдерона де Ла Барки (1600-1681). Моралите Кальдерона и изысканность языка Бальтасара Грасиана в третьей четверти века стали символом окончания литературного и интеллектуального «золотого века» в Кастилии.

Географическая мобильность давала империи дополнительные преимущества. Постоянный приток мигрантов из северных регионов Испа-

нии на юг устремлялся дальше — в Америку. На другие континенты наиболее активно перебирались жители южных провинций. По оценкам второй половины XVI века, пятая часть населения Каталонии родилась на севере Пиренеев, а в 1626 году французский дипломат подсчитал, что в Испании проживают около 200 000 французских иммигрантов, которых привлекло высокое жалование, выплачиваемое в золоте и твердой валюте. Военные трофеи также привлекали многих европейцев. В армию в основном шли немцы, валлоны и итальянцы, и считалось, что во времена правления Филиппа II в военных действиях за границами полуострова одновременно принимали участие не более 20 000 испанских солдат. С 1580 по 1640 год Военный совет ежегодно вербовал по девять тысяч человек, а самый высокий уровень смертности был среди испанской пехоты, так как слава о ее неуязвимости заставляла в любой трудной ситуации бросать эту пехоту вперед. Даже в мирное время в армию вербовали по 4000 испанцев в год для поддержания постоянной численности войск в Италии. Некоторое время писатели и ученые, солдаты и офицеры действительно преуспевали, благодаря географической мобильности, разрешенной властями

империи и колоний, однако вскоре долгосрочные перспективы империи оказались под вопросом.

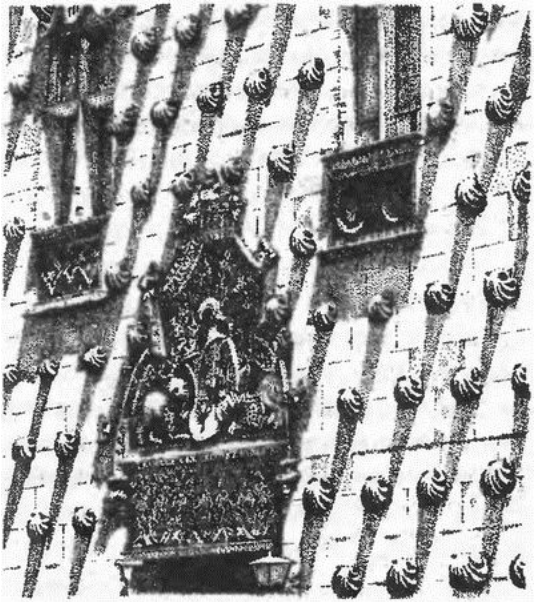
Очевидное богатство

Финансы испанской монархии на ее пике не истощались в сражениях за удержание господства. Несмотря на столетия разрушений, а позже — на массовые расхищения деревенских церквей, не было в Испании города или даже деревни, которые не могли бы похвастаться каким-либо произведением искусства. За очень небольшими исключениями, таким как Кордова и Сантьяго, городской пейзаж Иберийского полуострова сильно изменился. Сегодня невозможно не заметить, что искусство во всех своих проявлениях — архитектура, скульптура, живопись, работа по золоту, серебру и другим металлам — было важнейшим видом деятельности и приносило 5-7% от общего дохода. С 1480 года до середины XVII века вся страна, должно быть, казалась современникам гигантской мастерской, стремящейся удовлетворить требования короны, церкви и богатых покровителей — все норовили выделиться, подчеркнуть свое положение в обществе или укрепить полезные связи ценными подарками. Большинство соборов, которыми сегодня восхищаются туристы, возведены или завершены в

первой половине XVI века: Хаэн, Гранада, Малага, Калаорра, Асторга, Пласенсия, Кория, Барбастро, Саламанка, Сеговия и Севилья. Когда Филипп II захотел ускорить завершение строительства дворца Эскориал, он нанял 1500 мастеров и рабочих и вкладывал в строительство 2-3% доходов короны с 1562 по 1598 год. А Филипп IV тратил 250 000 дукатов в год, то есть десятую часть стоимости войны во Фландрии, чтобы построить дворец и парк Буэн Ретиро (1631-1640) в Мадриде.

Дворяне, недавно разбогатевшие горожане и городские власти также не скупились, зачарованные мечтами о благополучной жизни. Площадь Пласа Майор в Вальядолиде, с четырнадцатью улицами, ведущими к ней, построенная после пожара 1561 года, спроектирована по планам, лично утвержденным Филиппом II. Архитектор Лоренсо Васкес, также в Вальядолиде, отвечал за строительство университетского колледжа Санта-Крус, готического, но с фасадом в флорентийском стиле. Васкес был архитектором могущественной семьи Мендоса, для которой в Гвадалахаре построил новый дворец (сейчас там музей изобразительных искусств), ставший подходящим местом для свадьбы Филиппа II и его третьей жены, Элизабет Валуа, дочери Ген-

риха II, короля Франции, и Екатерины Медичи. Он также построил замок Калаорра в провинции Гранада для маркиза де Сенете. Хиль де Онтаньон завершил строительство готического собора в Саламанке и дворца графской семьи Монтеррей. Хуан Баутиста де Толедо и его ученик Хуан де Эррера были главными архитекторами Эскориала, который стал воплощением великолепия Испанской империи в правление Филиппа II.



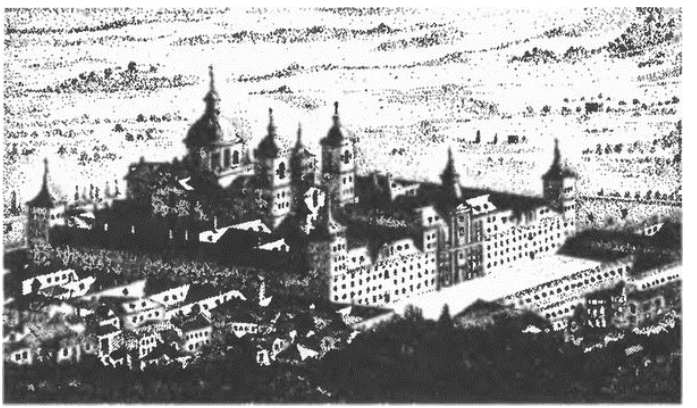
Дворец Монтеррей в Саламате, также известный как «Паласьо де лас Кончас» («Дворец ракушек»), так как его фасад покрыт створками ракушек

Севилья, окно в Америку, являлась центром архитектурного и художественного творчества на протяжении XVI и XVII веков. Строительство собора здесь завершилось в начале XVI века. Се-

вилья также гордилась Королевской часовней, зданием суда и торговой палаты, городской ратушей, а также дворцом герцога Мединачели Каса де Пилатос и дворцом герцога Альбы Каса де лас Дуэнъяс, множеством больниц и монастырей и Ирландским колледжем. Представителей художественных, интеллектуальных и литературных кругов города уважали по всей империи. В Эстремадуре и Старой Кастилии (в городах Пласенсия, Трухильо, Касерес, Бургос и Медина дель Кампо) средства, добытые в Америке, а также прибыль от производства и торговли шерстью шли на украшение городов домами и дворцами, которые свидетельствовали об успехах торговцев и конкистадоров.

За исключением «грека» (Эль Греко) Доменико Теотокопулуса, родившегося на Крите в 1540 году, чья жизнь и работа связаны с Толедо, именно Севилья дала приют ведущей школе живописцев, таких как Франсиско Пачеко, Франсиско Зурбаран, Бартоломе Эстебан Мурильо, Хуан де Вальдес Леаль и Диего де Веласкес, который был придворным художником Филиппа IV. Недавно вышедшая книга о строительстве Буэн Ретиро, злополучного королевского дворца в Мадриде, ссылается на «связь с Севильей», которая оказала

большое влияние на великое творение Филиппа IV. Франсиско Рибальта, рожденный в Сольсоне (Каталония), поселился в Валенсии, а Хосе Рибера, «Эль Эспаньолето» («маленький испанец»), родился в Хативе (Валенсия). Скульпторы — Алонсо Берругете, Хуан де Хуни, Алонсо Кано, семья Арфе, Хуан Мартинес Монтаньес, Хуан де Меса и Грегорио Фернандес — происходили из самых разных мест, а их основными работами сейчас можно насладиться в Национальном музее религиозной скульптуры в Вальядолиде.



Монастырь Сан-Лоренсо дель Эскориал

К XVII веку дворяне и богачи, похоже, стали

экономить. Неспособные соперничать с церковью и короной, которые продолжали строить грандиозные соборы и монастыри в еще более изощренном и помпезном стиле, чем довольно строгий и умеренный классицизм архитектора Эскориала, Эрреры, они стали искать благосклонности писателей и художников. Следуя примеру королевского двора, они собирали книги, картины и гобелены. Гондомар и Оливарес получили известность, помимо прочего, благодаря своим огромным библиотекам; граф Монтеррей, который с 1628 по 1631 год служил послом в Риме, а до 1637 года был наместником короля в Неаполе, за границей собрал бесчисленную и бесценную коллекцию картин, как и маркиз де Леганес, который, как оказалось после его смерти в 1655 году, был владельцем 1333 картин. Филипп IV объявил своего брата, кардинала-инфанта Фердинанда, победителем шведов при Нердлингене в 1634 году, а Рубенсу поручил купить для него произведения искусства во Фландрии, и к концу жизни, как полагают, Фердинанд добавил 2000 картин к королевской коллекции.

Конец испанского господства в Европе

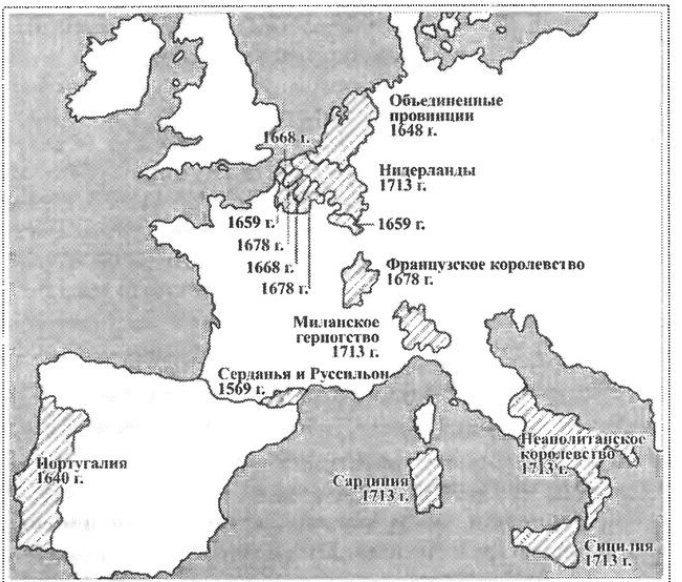
Достижения испанской монархии и ее вклад в развитие европейской цивилизации были примечательны. Она открыла мировые границы и удерживала культурное и политическое господство в Западной Европе более столетия. Ни одна другая страна не сталкивалась с проблемой трансокеанских перевозок в ту пору, когда технологии управления «были не выше уровня ведения домашнего хозяйства». С 1492 года, от завоевания Гранады и открытия Америки, по 1636 год, когда испанцы дошли до Корбье, вплотную приблизившись к Парижу, их военная и морская мощь казалась неодолимой. Однако финал мнимой неуязвимости был близок. Неудачная попытка покорить Англию в 1588 году наметила пределы испанского могущества. Недавно отмечалась годовщина этого судьбоносного события, и многочисленные лекции и публикации сводились к тому, что Непобедимая армада не потерпела поражение, однако ей все же не удалось достичь главной цели и она с большими потерями вернулась домой. Столь грандиозную и дорогостоящую кампанию невозможно было повторить. В 1643

году французы нанесли испанцам первое серьезное поражение, а победа голландцев под командованием Тромпа в битве при Даунсе в 1639 году, вкупе с поражением объединенного испано-португальского флота у берегов Бразилии, стали первыми ласточками утраты господства на море. «Заклятие» испанского владычества было снято, и агония вынужденного вывода войск из Европы была столь же продолжительной и мучительной, сколь неожиданным и ярким было начало. Уничтожение испанской гегемонии в Северной Европе продолжалось с 1640 по 1714 год и едва не привело к распаду королевства Испания.

В 1640 году вспыхнули восстания в Каталонии и Португалии. В Андалусии маркиз Аямонте и его двоюродный брат, герцог Медина-Сидония, договорились создать независимое государство. В 1647-1648 годах неаполитанцы и сицилийцы организовали мятеж, а главный гарант короны Арагона, герцог де Ихар, запланировал отделение от Кастилии под протекцией Франции. Через восемьдесят лет войн Испания, в конце концов, признала независимость Объединенных провинций (Нидерландов). Конец войны с Голландией дал Испании пространство для маневров, и в течение некоторого времени все выглядело так,

будто она восстанавливает утраченные позиции через повторный захват Барселоны, Касаля (Милана) и Дюнкерка. Однако в 1655 году, после пятидесяти одного года мира с Англией, последняя в лице Кромвеля заключила союз с Францией против Испании.

Флот Блейка разгромил караваны с сокровищами Индий в 1656 и 1657 годах, а в 1658 году англо-французские войска одержали победу над фландрской армией в Битве в дюнах и снова захватили Дюнкерк. Португальцы, в борьбе за независимость от своих восточных соседей, нанесли им унизительное поражение у приграничного городка Эльвас в январе 1659 года. В рамках Пиренейского мира в ноябре того же года Людовик XIV получил Серданью, Руссильон, Артуа и несколько крепостей в Испанских Нидерландах и согласился жениться на Марии Терезе, дочери Филиппа IV, в обмен на полмиллиона дукатов приданого и ее отказ от собственного права и права ее потомков наследовать испанскую корону. Попытки усмирить Португалию через десять лет привели к столкновениям на границе с Эстремадурой и окончательному признанию независимости Португалии в 1668 году.



Уничтожение испанского господства в Европе

ФРАНЦУЗСКАЯ УГРОЗА

Тем временем Людовик XIV продолжал откусывать испанские владения в Европе на всех фронтах, пока у него не пропало всякое желание ослаблять Испанскую империю, так как он планировал посадить французского Бурбона, своего внука Филиппа Анжуйского, на испанский трон. С 1665 года королем был Карлос II, довольно жалкое завершение династии Трастамара-Габсбургов, который от рождения отличался слабым здоровьем и не мог иметь детей. Когда 1 ноября 1700 года он умер, обширные территории охватила война, а кризис престолонаследия пытались разрешить французский претендент Филипп Анжуйский и эрцгерцог Карл Габсбург, располагавший поддержкой брата — императора Иосифа, а также Англии и Объединенных провинций. За месяц до смерти Карлос II с практически единодушного согласия государственного совета назвал Филиппа своим преемником, веря в то, что покровительство Людовика XIV обеспечит территориальную целостность испанского королевства. Филипп официально вступил в свои права в апреле 1701 года под именем Филиппа V, короля Испании, однако Объединенные провинции и Англия, не желая мириться с новым франко-испанским альянсом, даже более значительным, чем старый

блок династии Трастамара-Габсбургов, объявили войну Франции в мае 1702 года.

ВОЙНА ЗА ИСПАНСКОЕ НАСЛЕДСТВО (1702-1714)

Испания больше не была хозяином собственной судьбы. Теперь из-за амбиций других стран она стала театром военных действий. Если в последовавшей продолжительной войне Испания потеряла только европейские владения, то это скорее из-за соперничества и обоюдного недоверия противоборствующих сторон, чем из-за собственного участия в сражениях. Война за испанское наследство подошла к своему завершению, когда в конце 1711 года эрцгерцог Карл покинул Барселону, чтобы трон империи занял Иосиф под именем Карла VI. Бывшие сторонники, похоже, отказались от мысли возродить Испанскую империю и заключить династический союз Франции и Испании. До тех пор пока Филипп V не отказался от всех претензий на французский трон, они не соглашались признать его королем Испании и испанских колоний в Америке. Любые изменения на карте Европы были возможны только за счет Испании. Последнюю даже не признали участником мирных переговоров в Раштатте в марте 1714 года (первый договор

был подписан в Утрехте в апреле 1713 года). Испанские Нидерланды и итальянские земли (Неаполь, Сардиния, Милан, Тоскана и Мантуя) отошли императору Карлу VI, Сицилия — герцогу Савойскому, а Англия сохранила Гибралтар и Менорку (отобранные во время войны) и получила плацдарм в Новом Свете — страшное предзнаменование окончания кастильского господства в Атлантике. С весны 1618 года, когда Испания вступила в Тридцатилетнюю войну, чтобы помочь Фердинанду II подавить восстание в Богемии, до Великого усмирения 1714 года страну постоянно вовлекали в войну на всех фронтах. С самого начала главным противником Испанской империи в Европе была Франция, чьему собственному потенциальному росту и безопасности угрожала династия Трастамара-Габсбургов, чьи представители окружали Францию со всех сторон. Постоянная конфронтация с Францией обнажила пределы кастильского империализма. Британские историки, сочувствующие испанской монархии, часто упоминают об ее почти сверхъестественной гибкости и способности использовать скрытые резервы, когда, казалось, все уже потеряно.

Возможно, так и было; тем не менее, когда дело

касалось Франции, испанская монархия неизменно занимала оборонительное положение. В 1545 году будущий император Филипп II писал отцу, насколько трудно собрать в Испании средства; несколько лет ушло на то, чтобы оправиться от неурожая. В свою очередь Франция была единой страной с плодородными землями, которая снова и снова могла позволить себе выделять деньги на военные нужды. К примеру, в 1630-х годах Испания больше всего опасалась вступления Франции в Тридцатилетнюю войну. Только когда Франция оказывалась на грани коллапса из-за религиозных разногласий и гражданских войн, как в 1652 году, Испания могла перехватить инициативу. В 1665 году Филипп IV в завещании признал пределы своей власти и мучительную необходимость сражаться за королевское наследство.

Финансовое истощение

Ослабление испанской армии явилось результатом, во-первых, неспособности поддерживать уровень расходов, который не могли обеспечить даже американские богатства. В наше время мы наблюдаем похожую ситуацию: могущественная нация становится крупнейшим в мире должником ради поддержания военной гегемонии на мировом уровне (40% годового дохода идут на выплату процентов по национальному долгу). Можно предположить, что причиной краха было не столько усиление противников, сколько нежелание меняться, невозможность отказаться от идей, которые изначально привели к мировому господству. Отсюда многочисленные неудачные попытки заново привести в действие заржавевший аппарат империи. Длительный период господства убедил страну в ее извечной правоте. Долгое время испанцы считали, что мир, как говорится, обязан им всем, и так будет вечно.

Власть и богатство тогда, как и сейчас, являлись конечной целью политики. Это равенство, разумеется, осознавали правители и элита. Они считали, что война — единственный способ

обеспечить выживание Испании. В мире, где запасы богатств ограниченны, получить их можно только за счет других. Таким образом, Испания ввязалась в бесконечную борьбу, которую надеялась завершить решающей битвой. За сто лет господства в Европе Испания привыкла содержать регулярную армию, первую в истории, численностью более 85 000 человек, которые участвовали в длительных и дорогостоящих осадах и безрезультатных противостояниях. Кастилия возникла в борьбе с исламом и превратилась в военизированное общество; привычка воевать породила «осадную экономику», замкнутую на себя, дабы защитить территориальное и духовное единство от всех возможных врагов, и тем самым лишающую страну свободы выбора.

Увеличение расходов на оборону и рост числа претендентов на испанское господство в конце концов истощили человеческие и финансовые ресурсы монархии. Успех XVI века взрастил семена провала XVII столетия. Расходуя на поддержание империи все больше доступных средств, Испания исчерпала казну. Американские сокровища финансировали армию и закупки импортных товаров. Испания была самой дорогой страной Европы; чем больше средств тратилось на обо-

рону и импорт, тем выше поднимались цены. Деньги уходили безвозвратно, и страна оказалась в порочном круге взаимозависимости.

Стремясь исправить положение, корона ввела новое налогообложение и начала распродавать должности при дворе короля, дворянские титулы, имения, деревни и города, духовные саны и бенефиции. Продавать титулы рыцаря военных орденов и дворянские титулы начали еще во времена «Католических королей», которые даровали около тысячи идальгий, а Карлос II, создал 328 новых титулов, в результате чего общее число титулов выросло с 60 в 1525 году до 745 в 1700 году. Пытаясь справиться с проблемами ликвидности, корона слабела; массовое отчуждение королевских владений лишило короля власти над землями и вассалами. От 60 до 70% испанской территории вместе с жителями находились под властью духовных и светских принцев. А продавая с молотка свое наследство, корона также распродавала источники будущей прибыли, усиливая зависимость от поддержки пэров.

СОКРАЩЕНИЕ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ: ИЗГНАНИЕ МОРИСКОВ

С 1480 года Кастилия и Валенсия переживали стабильный демографический рост, Каталония

немного от них отставала. Через сто лет этот рост прекратился; «Реласьонес топографикас» («Топографические сведения»), результаты переписи населения, которую провел Филипп II в 1575 году, дают представление о сокращении численности населения страны. Большая эпидемия 1598-1602 годов и предшествовавшие ей голод 1594 года и разорения 1597 года сократили население Центральной Испании, которая уже не могла нагнать темпы рождаемости середины века. Голод и бубонная чума, сопровождаемые такими болезнями, как круп, оспа и дифтерия, бушевали повсюду, с особым неистовством в центральных районах, в Авиле и Сеговии, забирая по полмиллиона жизней, в основном бедняков и нищих. Средиземноморская Испания и вся Андалусия, которые пощадила эпидемия начала века, пережили катастрофу пятьдесят лет спустя (с 1647 по 1652 год). На сей раз бубонная чума вначале объявилась в Валенсии в июне 1647 года, совпав по времени с самым плохим урожаем века, и к октябрю 1648 года унесла 34% горожан. Адский круг смерти, недоедания, голода и чумы замкнулся снова с 1676 по 1689 год и сопровождался скудными урожаями, наводнениями, засухой и даже нашествием саранчи.

В разгар бедствий, охвативших всю Европу, население Кастилии продолжало уплывать в Индии и гибнуть на европейских полях сражений. А Филипп III, несмотря на заблаговременные предупреждения о сокращении населения, в 1609 году решил избавиться от морисков (280 000 человек, в основном крестьян), проживавших в плодородных долинах Хативы, Гандии и Валенсии, где они составляли 26% населения, а также в долине реки Эбро, где их было 15%. Испанское общество выказало неспособность к ассимиляции и не желало терпеть присутствие морисков. За сорок лет до этого Филипп II ясно дал понять, что населению мусульманского происхождения придется отказаться от своей религии, обычаев, одежды и личных украшений, а также, «помимо всего самого нехристианского, от самой большой странности — ежедневно мыться». Общие демографические потери в королевствах полуострова с 1580 по 1680 год оцениваются в полтора миллиона человек; лишь к 1750 году численность населения Испании достигла уровня 1575 года.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЗАСТОЙ

Финансовое истощение и демографический спад сопровождались запретом на изменение социальной и экономической структуры страны.

С начала XVI века стали крепнуть ощущения, что страна движется к краху. Восстание комунерос 1521 года отчасти можно рассматривать как ранний протест против имперских расходов. К концу 1550-х годов уже многие обеспокоились ростом цен, потерей конкурентоспособности, бесполезными инвестициями и нехваткой наличных средств, видя в этом первые признаки замедления экономического развития. В 1600 году самый известный из «арбитриста» (прогнозистов), дон Мартин Гонсалес де Сельориго, работавший в суде Вальядолида, который сам получал неплохой доход от недвижимости после весьма удачного брака, написал отличную книгу о бедах кастильской экономики. После Сельориго и другие отважились на критику, порой весьма проницательную. Аргументы сводились к взаимосвязи военной и экономической мощи, численности населения и производительности. Безошибочно определялись симптомы: избыточные ресурсы, недостаток вложений в производство, чрезмерные расходы казны, рост цен, потеря конкурентоспособности производства, застой в сельском хозяйстве, сокращение численности населения, импорт и иностранные банковские услуги, потеря рынков в Европе и

Америке и т. д. Все доводы тщательно изучались, порой даже, можно сказать, препарировались. Однако предложения не шли далее реставрации прошлого, обычно ассоциируемого с «Католическими королями». Не инновации, а доброе имя и славное прошлое — таков был девиз критиков. Кеведо, один из самых ярых критиков эпохи, видел в возвращении к прошлому единственный путь к спасению: «Позвольте нам поступать так, как мы делали всегда». Очень немногие осмеливались критиковать основы общества, увязывая высокие цены с доходами, мышлением рантье и ленью; особняком стояло циничное замечание Сельориго, что иностранные банкиры и торговцы относятся к кастильцам, будто те — индейцы («Испания покорила Новый Свет, но нажились на этом Нидерланды»).

Ценности и пристрастия аристократии

Даже самая искренняя критика имела мало шансов на успех против аристократических ценностей и империалистических убеждений. Те, кто твердо удерживал социальную и экономическую власть, полагали, что именно эти ценности и убеждения сделали Кастилию великой. Неудивительно, что они не видели оснований что-либо менять. Корона поддерживала предпринимателей конца XV — начала XVI века и поощряла перемены, однако необходимость ведения войн оставляла мало пространства для маневров; на планирование будущего вечно не было времени, так что, когда давление достигало предельной отметки, монархии приходилось прибегать к поддержке знати.

Могущественный союз привилегий, прочно основанный на богатстве и власти, укреплял влияние аристократии на общество, неоспариваемое и неоспоримое; новые социальные группы, которые, возможно, могли бы привнести изменения в социальные и экономические процессы, привлекало и притягивало двойное достижение знати: статус и доходы (honra y provecho). Проис-

хождение и богатство являлись отличительными чертами социального превосходства — владение фамильным гербом (ejecutoria de nobleza) и наследное состояние оправдывали любой поступок, а чины и звания никогда не жаловали тем, кто усердно трудился для улучшения своего материального положения. «Идальго, — писал Фернан Мехия, — человек, знатный от рождения»; герцог Нахера говорил, что мещанин отличается от дворянина своей личной и материальной зависимостью; это значит, что дворянин, даже если он был «простым идальго» (hidalgo a secas), остается таковым благодаря свободе от налогообложения. Отсюда — решительное противодействие аристократов нескольким попыткам короны ввести налог на землю и другую собственность, сдаваемую в аренду, а также установить контроль над налогами, которые дворяне собирали для короны.

ГРАНИЦЫ СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ

Рост численности гражданской и королевской администрации, потребности церковной и военной службы и множество возможностей в финансах и торговле в Старом и Новом Свете породили новый класс, так сказать, класс клерков, каковые, возможно, заселили бы тот огромный

и гармоничный мир всеобщего согласия, о котором писали арбитристы. Банкиры, торговцы, чиновники метрополии и колоний получали деньги, которые шли на достижение социального признания. Новые социальные группы всегда были слишком малочисленными и непримечательными, чтобы угрожать структуре общества. Земельная собственность, власть над вассалами и доходы от ренты являлись отличительными чертами подлинного дворянства. «Богатство, как правило, ведет к благородству», — писал фрай Бенито де Пенья л оса в 1629 году; как аристократу наслаждаться привилегиями дворянства, если у него нет средств на аристократический образ жизни? Дон Торибио в «Пройдохе» Кеведо довольно категорично утверждал, что «no puede ser hijo de algo el que no tiene nada» («не может состоятельный человек быть без средств»); а Санчо Панса в «Дон Кихоте» заключал, что «все люди в мире делятся на имущих и неимущих».

Социальная мобильность существовала в крайне узких рамках, среди 10% населения, проживавшего в основном в северных провинциях, из которых практически каждый претендовал на дворянский титул и обладание богатствами, унаследованными либо приобретенными, лишь

бы не заработанными. Крайне редко мещане, занятые ремеслом, поднимались по социальной лестнице. Великий придворный живописец Диего Сильва де Веласкес (1599-1660) смог привлечь внимание короля и покровителя и добился особого разрешения папы на рыцарский титул, но лишь после длительного и унизительного изучения его родословной. Хуан Кристобаль де Гуардиола, юрист королевского совета, купил у Филиппа II большое имение Ла-Гуардия в Толедо, однако только через сто лет его семья получила титул маркизов. Церковь предлагала более легкий способ социального продвижения; старшие священники обычно совмещали труд в церкви со службой короне. Одним из таких церковников был Хуан Мартинес де Гуйхарро («Кремний»), архиепископ Толедо, который поднялся до столь высокого сана из крестьянства. Именно он в 1547 году представил Устав о чистоте кровей (Estatuto de pureza de sangre) Кастильской епархии. Отсутствие семитской крови признавалось необходимым условием успеха в жизни. Этот священник, вышедший из крестьянства, таким образом требовал (ведь он трудился на благо церкви и, следовательно, страны) справедливой награды, оспаривая рассуждения о непременно-

сти благородного происхождения и наследства.

ДОЛГОВЕЧНОСТЬ ДВОРЯНСТВА

Потомственное дворянство продолжало монополизировать власть и престиж, занимая должности королевских чиновников, наместников, губернаторов, послов, высокопоставленных духовников, высшие офицерские посты в армии и на флоте. Второй ряд управленцев (чиновники гражданского и судебного права, городских советов и муниципалитетов, офицеры армии и флота) составляли выходцы из среднего и мелкого дворянства (а также вторые сыновья потомственных дворян с большими привилегиями). Они были выпускниками, как правило, шести главных университетов, четырех в Саламанке, одного в Вальядолиде и одного в Алькала-де-Энаресе, а также Испанского колледжа в Болонье. Первоначально эти учебные заведения создавались, чтобы принимать студентов скромного достатка, однако с самого начала тем отказывали в пользу богатых студентов с хорошими связями, ввиду длительного срока обучения, от шести до восьми лет, что требовало значительного финансирования.

Финансовое влияние дворян и покупательная способность торговцев, спекулянтов и финансистов зависели, в первую очередь, от

землевладений и власти над людьми — «крупнейшего источника дохода в Средиземноморье», как писал Фернан Бродель. Во-вторых, американская и трансатлантическая торговля также обеспечивала богатство. Последними в списке, но не по значимости, были государственная и частная рента (juros y censos), весьма прибыльная форма вложений и социально приемлемый источник прибыли. Juros (долговые расписки) служили оборотными королевскими облигациями, а именно — займами у короля в обмен на бессрочную или пожизненную годовую ренту, приносившую 10% годовых. Censos представляли собой краткосрочные займы на развитие сельского хозяйства, погашаемые ежегодно до выплаты всей суммы долга с той же процентной ставкой под залог земли заемщика, с правом с 1535 года выкупить ее в любое время. Невозможность возврата долга означала восстановление владельца в собственности. В период, когда сельскохозяйственное производство расширялось и ощущался относительный дефицит денег, спрос на такие кредиты был высок; однако в XVII веке ситуация в сельском хозяйстве ухудшилась, и эти ренты стали обязательными. Земли и дома, которые предлагались в качестве залога,

возвращались арендодателю, таким образом способствуя дальнейшей концентрации крупных имений и постоянному ослаблению прав крестьян на собственность.

В этих обстоятельствах никакое моральное давление или экономические аргументы не могли отвлечь держателей капитала от вложений в juros у censos, которые всегда приносили прибыль и могли быть обращены в земельную собственность. Как могло быть иначе, писал экономист Каха де Леруэла, «ведь каждый видел, что 2000 дукатов приносят 200 дукатов выручки в год и что средства возвращаются через шесть лет, и это казалось хорошим вложением». Сельориго наставлял, что «ради сладости дохода от censos купец оставляет торговлю, ремесленник — свое ремесло, крестьянин — поле, пастух — стадо; а дворянин продает свои земли, чтобы обменять сотню, которую они ему принесли, на пятьсот, который принесет juro». В результате, однако, всеобщая депрессия, которая началась в конце XVI века, и растущая инфляция принялись уничтожать прибыль, а доходы как от производства, так и от аренды стали падать. Исчезла и возможность пережить худшие времена за счет голодающих арендаторов и безземельных кре-

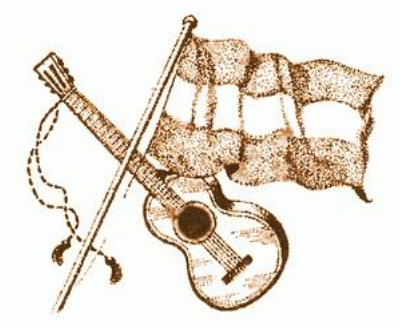
стьян, как произошло в Валенсии, где светские и религиозные власти попытались восполнить потерю прибыли после изгнания морисков в 1609 году повышением, вплоть по 1648 год, аренды на 50%, несмотря на то, что население сократилось вдвое. Фермеры-арендаторы либо покидали деревни, чтобы присоединиться к городским неимущим, либо яростно сопротивлялись или становились бандитами; последнее явление приобрело масштабы эпидемии в XVII столетии.

Рост недовольства в обществе и ослабление закона сблизили корону с традиционной элитой. Гранды-фракционеры время от времени затевали нечто вроде восстаний в миниатюре против королевских чиновников и игнорировали просьбы короны о финансовой и военной поддержке, однако это были лишь единичные случаи. Земельная аристократия, под растущим гнетом долгов, всегда могла положиться на монархов, которые выручали знать дарами и субсидиями, расширяли их полномочия и разрешали погашать долговые обязательства за счет кредиторов. Со своей стороны, изолированные в своих имениях с ограниченным правом наследования и занимающие все более высокие должности, аристократы обустраивались на присвоенных общественных

землях, совершали покупки на выгодных условиях, продавали местные должности и имели процент с государственного дохода. Огромные траты казны в ходе Тридцатилетней войны завели ситуацию в тупик. Сталкиваясь со срочными требованиями предоставить солдат и средства, знать жаловалась на долги и неспособность вести образ жизни, соответствующий ее положению. Так сказать, они обладали крупным основным капиталом с невысокой ликвидностью. Естественно, это был краткосрочный финансовый кризис, вызванный спадом стоимости juros у censos. Аристократы искали поддержки короны, норовя отсидеться за стенами имений, когда по стране прокатывалась эпидемия, или откупиться от участия в войне — скажем, купить должность, освобождающую от службы в армии.

Когда в 1660-х годах ситуация начала улучшаться и уровень ренты вновь начал расти, земля снова стала главным «хранилищем ценностей». Герцог Инфантадо, чей долг в 1637 году составлял 897 731 дукатов, смог умереть спокойно: к 1693 году он полностью погасил свой долг. Возрождение аристократии XVII века — если допустить, что кризис был прежде всего кризисом аристократии — обернулось повторной феодализацией

полуострова, которая продолжалась вплоть до начала XIX века. В ходе ее 60% плодородных земель оказались имуществом, которым нельзя было свободно распоряжаться (secorios), или имуществом, полученным по праву «мертвой руки» (церковные владения), которое сделали неотчуждаемым, с целью закрепить статус первого и второго сословий на случай их собственной непредусмотрительности или экономических потрясений. Весьма четкий свод законов Кастилии, датируемый 1348 годом, увековечил привилегированное положение правящих слоев населения. Им пользовались не только в Кастилии, но и в Бискайе (1754), Астурии (1756) и Каталонии (1760), а впоследствии его повторил «Novisima Recopilacion» («Новейший свод законов») от 16 июля 1805 года.



ГЛАВА 5
Конец колониальной империи

Установление новой династии: Филипп V Бурбон

Союз монархии, землевладельцев и богатых горожан значительно окреп на двадцать второй год войны за испанское наследство. Власть имущие согласились с последней волей короля Карлоса II, который завещал престол французскому претенденту. Аристократы считали, что Бурбон на троне, который вдобавок может рассчитывать на поддержку Людовика XIV, способен защитить Испанию от амбиций других европейских стран. Выступая перед каталонскими кортесами в 1701 году, Филипп V много говорил о свободе и пообещал предоставить городам право прямой торговли с индейцами. Когда война закончилась, он расположил к себе и тех, кто поддерживал астурийского претендента, объявив полное помилование и позволив этим людям вернуться в Каталонию и возвратить свою собственность. Что касается самой войны, она, как ни удивительно, обернулась лишь незначительными разрушениями. Куда сильнее Испания пострадала от природных катаклизмов: с 1708 по 1711 год отмечались неурожаи, шли обильные дожди,

население голодало, чем, возможно, и объясняются политические и военные неудачи 1709-1710 годов, потому-то события 1711 года показались благословением небес — война очевидно завершалась. (Надо сказать, просвещенные политики XVIII века верили, что война оказала положительное воздействие на страну, объединив нацию.)

Когда в 1701 году Филипп прибыл в Мадрид, ему было 17 лет; подобно своему предшественнику из династии Трастамара-Габсбургов Карлосу, Филипп не знал испанского языка и был окружен свитой иностранных советников, французских и итальянских. Между тем ему предстояло стать первым полностью «испанским» монархом, первым правителем политически объединенной Испании. В июне 1707 года король отменил региональные хартии Арагона и Валенсии, а восемь лет спустя — Майорки. Новая конституция, опубликованная 16 января 1716 года (Decretos de nueva planta), отменила автономию Каталонии. Первой жертвой «политической революции» пали региональные парламенты и административные институты различных королевств, кроме Наварры и провинции басков, которые продолжали наслаждаться финансовой и политической автономией благодаря тому, что всегда поддер-

живали претендента из династии Бурбонов.

Власть короны укрепилась после замены региональных советов министерствами и ведомствами; Совет Кастилии считался главным законодательным органом страны. Верховную власть в провинциях возложили на назначаемых королем военного губернатора и судью, а также ввели провинциальные суды общего права с профессиональным судьей во главе. При этом законы провинций почти не тронули.

Кроме того, новых королевских чиновников (интендантов) направили в Валенсию и Арагон (1714), а четыре года спустя и во все другие провинции, вменив им в обязанность следить за выплатами жалования армии и армейскими поставками, расквартированием военных и финансовым обеспечением; с 1718 года обязанности интендантов существенно расширились. В 1749 году Фердинанд VI завершил внедрение интендантской системы на испанском, а его брат по одному из родителей и преемник Карлос III распространил эту систему на испанские колонии.

Основная цель реформ заключалась в объединении разрозненных мини-государств полуострова под общей юрисдикцией, то есть под законодательством Кастилии, чьи законы

«всемирно признаны за их справедливость и практичность». Корона, безусловно, стремилась возложить на восточные провинции часть общегосударственного финансового бремени, ведь тот же Арагон почти не пополнял казну вплоть до 1707 года (зато к 1734 году уже обеспечивал около 14% дохода страны). Кроме того, новая династия осуществила ряд изменений из числа тех, которые правительство Кастилии пыталось реализовать в 1630-х и 1640-х годах. Отказываясь от верности Австрийскому дому, испанский гранд тем самым выказывал личную заинтересованность в процветании родной страны, ведь ранее интересами Испании жертвовали в пользу имперского великолепия династии Габсбургов. Испанская казна становилась богаче благодаря поступлениям из восточных провинций и увеличением притока драгоценных металлов из Америки. От значительной убыли в размере трех миллионов песо — за пять лет в 1656-1660 годах (стоимость сокровищ Америки подсчитывали в песо, который равнялся сорока двум граммам чистого серебра), доход от операций в Новом Свете вырос до рекордного уровня — 40 млн. песо в 1691 году, а средний показатель за пять лет составил 50 млн. песо с 1671 года по конец XVIII столетия, или

свыше 12% государственного дохода к 1791 году.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЭКОНОМИКИ

Гораздо более значительным по своим последствиям, чем отказ от сугубо кастильской Испании, оказалось торговое и сельскохозяйственное возрождение с 1680-х годов северных и восточных прибрежных регионов, где наблюдался стабильный рост. Эти регионы находились на границах империи, их лишали существенной доли доходов, однако они, благодаря своему окраинному положению, счастливо избегли человеческих и финансовых потерь, связанных с бесконечными войнами. Население начало расти в основном с 1660-х годов. В 1680-1686 годах инфляцию принудительно и жестоко остановили, что, по всей вероятности, обернулось рядом потрясений, но восстановило денежный оборот и способствовало в дальнейшем увеличению инвестиций в производство. Повсюду учреждались торговые палаты и компании, которые активизировали экспорт и наращивали объемы торговли с Индиями. В стране сложился центр коммерческой деятельности (Севилья — Кадис — Пуэрто де Санта-Мария — Сан-Лукар де Баррамеда), ориентированный в основном на торговлю с Америкой, однако и такие порты, как Валенсия, Аликанте, Бильбао

и Барселона — Матаро начали стремительно развиваться.

Расширение сфер деятельности и рост благосостояния прибрежных городов обеспечивала не только торговля, но и, что важнее, сельское хозяйство; расширялись пахотные земли, высаживались новые культуры, применялось их чередование. Кукуруза, которую заимствовали у индейцев и посадили на северных землях в начале XVII века, прижилась как нельзя лучше: к началу XIX столетия плантации кукурузы стали обширнее пшеничных полей. Бобовые и репа (и картофель в XIX веке) также стали привычными в северных долинах, а менее плодородную почву отводили под кормовую траву. Каталония, где тоже отмечался уверенный экономический рост, опиралась на сельское хозяйство и виноделие. Виноград и основной продукт его переработки, вино, пользовались устойчивым спросом в Европе и на других континентах, обеспечивая прибыль, которую вкладывали в дальнейшее развитие сельского хозяйства, во внедрение новых культур и в производство (шерсть, хлопок и шелк). Отличительной чертой этого региона, который внес несомненный вклад в процветание страны, являлась договорная система землепользования,

защищавшая интересы мелких хозяйств. А вот Валенсия, в отличие от Каталонии, не смогла воспользоваться открывавшимися на рубеже веков возможностями по причине жесткой поместной системы, которая препятствовала переменам.

Центральные и южные регионы полуострова также демонстрировали признаки улучшений в сельском хозяйстве и демографии в конце XVII века, что сулило неплохие перспективы. Однако, в отличие от восточных провинций, кастильские земледельцы отказывались от пшеницы в пользу высокоурожайных культур и продолжали возделывать свои малоплодородные земли. В целом ассортимент сельскохозяйственной продукции и система землепользования оставались неизменными до 1830-х годов. Век XVIII, таким образом, может считаться периодом, когда экономические интересы сместились от центра к периферии; имперское прошлое двух Кастилии и западной Андалусии уступало менее помпезному и более реалистичному будущему прибрежных регионов севера и востока.

КОЛОНИАЛЬНЫЕ ВОЙНЫ

Состояния все еще приобретались в основном торговлей или вывозились из колоний. Корона полагалась на прибыль от монополии

на торговлю с Индиями, и, чтобы прибыль не только сохранялась, но и росла, приходилось вкладывать немалые средства в поддержание этой монополии. Постепенно отношения между метрополией и колониями ухудшались, так как Испания не могла поставлять товары, которых требовал растущий колониальный рынок. Тем не менее испанский флот препятствовал иностранным купцам вести торговлю с Америкой, оберегая интересы королевской казны.

Филипп V начал лелеять планы по пополнению флота и укреплению обороны колоний сразу после 1714 года. К сожалению, династические интересы в Италии (точнее, амбиции двух итальянских жен короля, Марии-Луизы-Габриэлы Савойской и Елизаветы Фарнезе, которые добивались наследства для своих детей) во многом определяли внешнюю политику Испании в первой половине века. С восстановлением власти Бурбонов в Парме, Пьяченце, Гуасталье и на обеих Сицилиях (Неаполь) и после подавления восстания 1748 года корона наконец смогла сосредоточиться на делах колоний. В развитие трансокеанской торговли и судоходства внес существенный вклад дон Хосе де Патриньо в 1720-1730-х годах; опираясь на его достижения,

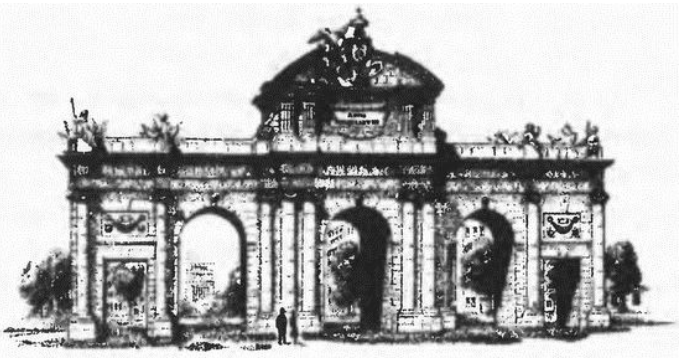
в 1750-х годах было приложено немало усилий, чтобы восстановить караваны-флотас в Новую Испанию (Мексика) и конвои галеонов в Тьерра Фирме (Перу), укрепить монополию Испании на атлантическую торговлю, расширить экспорт и добиться отмены невыгодных торговых соглашений.

Успех оказался довольно ограниченным. Сроки и условия торговли с американскими колониями ухудшились до такой степени, что испанцы постепенно становились торговыми агентами иностранных производителей. Испанская обрабатывающая промышленность более не могла поставлять в колонии необходимые товары, а товары, которые флот все же доставлял с большим трудом, больше не пользовались спросом — их можно было приобрести гораздо дешевле с манильского галеона, который регулярно ходил из Юго-Восточной Азии в Акапулько, у многочисленных контрабандистов, наводнивших прибрежные воды Америки, и с английских «ежегодных судов». Вдобавок англичане получили концессию «500 тонн» и лицензию, выданную компании Южных Морей, на доставку рабов в Америку, что не только обеспечивало им значительные доходы, но и укрепляло контакты между

американскими покупателями и английскими поставщиками. Современные исследования свидетельствуют, что провал попыток восстановить контроль над торговлей в Атлантике объясняется скорее неспособностью Испании удовлетворить коммерческие запросы Новой Испании и Тьерра Фирме, чем враждебностью колоний по отношению к метрополии или уступками, полученными Англией по Утрехтскому договору. Местные торговцы, в свою очередь, избавлялись от экономической зависимости от импорта и очень скоро начали требовать политической автономии.

Испанский флот не сумел вернуть себе морское господство, даже объединившись с французским. Согласно мирному договору 1763 года, который завершил Семилетнюю войну, Испания потеряла Флориду и территории к востоку от реки Миссисипи, а также признала интересы Англии в Центральной Америке (Гондурас), где имелись поселения резчиков сандалового дерева. Не удалось возвратить ни Менорку, ни Гибралтар, а еще пришлось вернуть Португалии, союзнику Англии, единственные территории, захваченные во время войны. Испания лишь отстояла свое право на Гавану и Манилу, которые Англия захватила в 1762 году. Осознание экономической и военной

слабости колоний в конце концов вынудило Испанию принять срочные меры к исправлению ситуации. Более не имея возможности контролировать атлантические торговые маршруты, Испания признала принцип свободной торговли как единственный способ возродить торговый оборот с колониями.



Ворота Пуэрта-де-Алькала в Мадриде

Карлос III

Ему было сорок четыре года, когда он сменил на испанском троне своего брата по одному из родителей Фердинанда VI. Карлос III (1759-1788) прибыл из Неаполя с опытом двадцати пяти лет правления королевством обеих Сицилии. Он привез с собой способных чиновников (Гримальди и Эскилаче) и был щедрым покровителем искусств. За время его правления возвели две королевские резиденции, Ла-Гранха в Сеговии и Королевский дворец в Мадриде, а также музей Прадо и ворота Пуэрта-де-Алькала в лучших традициях европейского неоклассицизма XVIII века. Кроме того, король покровительствовал наукам, основал ряд королевских академий и поощрил учреждение «Экономического общества друзей страны», которое создали в подражание «Баскскому обществу» (1765) и отделения которого по всей стране оказывали поддержку развитию сельского хозяйства и промышленности. Карлос, человек весьма здравомыслящий, с готовностью позволял своим весьма сведущим министрам управлять без излишней опеки; он также вошел в историю как «лучший мэр Мадрида», а его забота

о подданных и столице не забылась по сей день, чему подтверждением недавняя ретроспективная выставка в его честь (1988).

СВОБОДНАЯ ТОРГОВЛЯ

Либерализация торговли, или, скорее, снятие ограничений на товарообмен с колониями, представлялась очевидным решением ввиду невозможности сохранить торговую монополию и ухудшения взаимоотношений с Индиями. Желательность и неизбежность такой политики некоторое время оспаривали, но в 1762 году ее утвердил Бернард У орд. Этого ирландского полиглота Фердинанд VI направил в Европу делиться опытом и знаниями, полученными в путешествиях по миру. «Экономический проект» («Proyecto Economico») Уорда суммировал мнения арбитристов XVII века: свобода торговли и конкуренции внутри страны, протекционизм, финансовая гибкость, а также развитие сельского хозяйства, перерабатывающей промышленности и научных исследований.

Основной проблемой являлась свободная торговля внутри империи, либерализация затянулась на двадцать лет, от предоставления ограниченных льгот Наветренным (Зондским) островам в 1764 году до соглашения о свободной

торговле 1778 года, касавшегося Тьерра Фирме и расширенного на Новую Испанию в 1789 году. Аргументом в пользу этих реформ может служить увеличение экспорта Каталонии в десять раз с 1778 по 1789 год, однако в целом их влияние на производство и предприимчивость испанцев оказалось минимальным. Реформы затеяли слишком поздно: Испания уже не обладала ни производственной, ни торговой мощью, чтобы вернуть американские рынки.

Как уже говорилось выше, испанский флот был не в состоянии помешать другим странам торговать с Америкой. Соглашение 1763 года и переговоры между Британией и Испанией в середине 1760-х годов по поводу многочисленных жалоб купцов подтвердили это со всей очевидностью. Некоторые в Испании считали, что просвещенному монарху следует проявить твердость, однако кризис Ислас-Мальвинас (Фолклендские острова) наглядно показал утопичность подобной позиции. Испанский экспедиционный корпус из Буэнос-Айреса весной 1770 года выбил британцев из Порт-Эгмонта. Миссия вроде бы завершилась успехом, однако реакция Британии и перспектива войны, к которой союзная Франция не была готова, заставили испанцев отступить без до-

статочных гарантий относительно притязаний Испании на эти острова в Южной Атлантике.

ОТНОШЕНИЯ С БРИТАНИЕЙ И ТРИНАДЦАТЬ КОЛОНИЙ

Отношения между двумя странами немного улучшились после 1771 года. Британия в конце концов решила освободить Порт-Эгмонт в мае 1774 года, и хотя не было никаких признаков того, что это лишь первый шаг в разрешении конфликта, Испания восприняла освобождение города как свидетельство доброй воли Лондона. Позднее начались переговоры между Британией и Испанией по поводу островов Вьекес возле Пуэрто-Рико (британцы называли его Краб из-за изобилия на острове этих ракообразных) и Баламбанган (островок к северу от Борнео), а также по поводу споров с Португалией относительно военных операций лета 1776 года в Рио-де-Ла-Плата. Последующие переговоры вернули Испании колонию Сакраменто (потерянную во время Семилетней войны) и семь поместий к востоку от реки Уругвай (договор о границах 24 марта 1778 года). Умиротворенность Лондона объяснялась опасениями относительно судьбы английских колоний в Северной Америке. Премьер-министр лорд Норт признал неизбежное, заявив в палате

общин в январе 1774 года, что в конце концов Англии придется столкнуться с объединенным флотом Франции и Испании. Бурбоны определенно стремились извлечь максимум из конфликта Британии с колониями. Франция решила оказать поддержку Тринадцати колониям в феврале 1778 года, а вот Испания предложила Британии нейтралитет в обмен на ряд территориальных уступок: первым в списке, как обычно, стоял Гибралтар, далее шли Менорка, Флорида, Берег москитов (полуостров Юкатан) и поселения в Гондурасе.

Испанский посол в Лондоне вручил ноту о нейтралитете в тот же самый день, когда был подписан договор о границах с Португалией. Нежелание Британии идти на уступки заставило Испанию начать военные действия в июне 1778 года. Мирный договор 1783 года закрепил достижения внешней политики короля Карлоса: Испания вернула себе Менорку и Западную Флориду, но не Гибралтар, который успешно отразил совместную испано-французскую атаку в 1782 году. Также Испания добилась четкого определения границ британских владений на территории, ныне известной как Белиз, и эвакуации британских поселений с Берега москитов.

В целом последние годы правления Карлоса III казались довольно успешными с точки зрения международных отношений, но не подлежит сомнению, что, поддерживая борьбу Тринадцати колоний за независимость, Испания создавала опасный прецедент для собственных колоний и что право навигации по реке Миссисипи, унаследованное от Британии, открыло Соединенным Штатам дорогу в Мексику.

Пределы реформизма Бурбонов

Восемнадцатое столетие в Испании считается «золотым веком», эпохой возрождения после изнурительной борьбы за наследие Испанской империи, особенно его вторая половина, время правления одного из просвещеннейших королей в истории, Карлоса III. Те, кто придерживается этого мнения, обвиняют в катастрофическом завершении столетия преемника престола Карлоса IV и тлетворное влияние французской революции. Возможно, французские историки, чей вклад в изучение XVIII столетия огромен, склонны чрезмерно восхвалять эпоху, когда Испания, казалось, была зачарована французской рациональностью и французским стилем, однако кажется, что модернизаторские и реформаторские наклонности самого выдающегося среди испанских Бурбонов несколько преувеличены; более того, действия этого короля лишь усугубили невзгоды, которые он стремился преодолеть. Судьбоносные годы, с казни Людовика XVI в 1793 году и до провозглашения независимости испанских колоний в Америке в 1824 году, выявили нежелание власть имущих принимать перемены, вскрыли слабости

реформаторов, а также сопровождались очередным экономическим спадом.

Влияние короны на ситуацию в стране во многом оставалось ограниченным. Вдобавок структура расходов казны, будь то в 1731-м, 1788-1792 годах, 1817-м или 1829-1833 годах не менялась: как и в лучшие годы имперского величия, от 65 до 75% средств казны выделялись на оборону королевства, вследствие чего возможности вложений в новые методы производства были достаточно скудными, а главными получателями свободных средств, когда таковые все же образовывались, выступали королевские фабрики, специализирующиеся на изготовлении предметов роскоши (стекло, керамика, гобелены), при том что их продукция пользовалась спросом лишь у 10% населения страны.

Натуральное хозяйство, которым занимались остальные 90% населения, было не в состоянии стимулировать спрос и создать рынок массового потребления; развитие тормозила и система поставок, медленная и дорогостоящая, несмотря на попытки видоизменить ее к лучшему в конце столетия. Без выхода к морю — только Мадрид начал строительство сети дорог, чтобы обеспечивать потребности столицы и соединить между

собой королевские резиденции, да еще проложили несколько дорог на севере полуострова — внутренний товарооборот упорно не желал возрастать, а транспортные перевозки осуществлялись в основном на спинах мулов и ослов.

ХЛЕБНЫЕ БУНТЫ (1766)

Основные преграды для развития по-прежнему возникали в сельской местности: это и оппозиция привилегированных собственников, и общее отношение к насаждаемым сверху переменам, усугублявшееся ростом стоимости земли и повышением ренты. Первые реформы Карлоса III привели к снижению доходов крестьянства, и среди землевладельцев начались разговоры, что непродуманные меры могут вызвать голод и недовольство. Пятнадцатого июля 1765 года вышел королевский указ об освобождении цен на пшеницу (при дворе считали, что конкуренция сделает зерно дешевле). При этом многие поселения находились на грани голодной смерти после шести лет жестокой засухи; к концу 1765 года едва ли не вся Испания просила правительство срочно вмешаться, так как торговцы припрятывали запасы зерна, уповая на неизбежный рост цен, который достиг своего пика в марте 1766 года. В Мадриде вспыхнул бунт, перепуганный Карлос

III бежал из столицы, и восстание перекинулось на другие области королевства. Эти протесты регулярно повторялись на протяжении XVIII века, все более обнажая неспособность испанской экономической системы прокормить растущее население.

ИЗГНАНИЕ ИЕЗУИТОВ

Ситуацией поспешили воспользоваться, чтобы нажить политический капитал; министры-реформаторы Карлоса III, принимая жесткие меры по подавлению мятежей и восстановлению общественного порядка, что называется, «под шумок» избавились от иезуитов, которые обрели слишком большую силу, подчинив себе университеты и школы. Орден являлся своего рода государством в государстве, ставил преданность Риму выше преданности монарху. Кроме того, церковь яростно сопротивлялась намерению реформаторов отменить ограничения на наследование земель, которыми церковь владела по «праву мертвой руки». В качестве причины изгнания иезуитов из Испании назвали их якобы доказанное участие в восстаниях против королевской власти. По сей день неоспоримых доказательств участия иезуитов в мятежах не обнаружено, так что можно предположить: изгнание, вероятно,

преследовало цель показать пример прочим оппозиционерам (среди которых не наблюдалось единства), а также найти козла отпущения для умиротворения масс.

ПРОСВЕЩЕННЫЕ РЕФОРМАТОРЫ

Тон реформам задавал «просвещенный аристократ» дон Педро Аранда, который возглавлял Совет Кастилии (высший орган управления страны) и был главнокомандующим столичного гарнизона. Аранда и дон Педро Кампоманес, генеральный прокурор Совета Кастилии, прибегли к услугам Пабло де Олавиде, перуанского реформатора, пылавшего энтузиазмом и наделенного разнообразными талантами. С 1766 года и до ареста инквизицией десять лет спустя Олавиде отстаивал необходимость реформ, пытался осуществить их на практике и принимал на себя несущуюся со всех сторон критику. Он занимался всем: государственными субсидиями, созданием запасов зерна на случай голода, сохранением пахотных земель, отступавших под натиском пастбищ, распределением муниципальных и общественных территорий, организацией свободного обращения земель, полученных по наследству без права передачи или продажи, а также земель, полученных по праву мертвой

руки; еще он защищал местное самоуправление от посягательств знати, провел университетскую реформу для повышения качества преподавания и сокращения влияния в учебных заведениях «главных коллегий» (colegiales mayores).

РЕАКЦИЯ СТАРОГО ПОРЯДКА

С 1769 года реформаторский пыл начал угасать. Аранда приказал провести расследование деятельности Олавиде в колониях Сьерра-Морена и без предупреждения отстранил дона Пабло от должности. Суд оправдал Олавиде и восстановил в должности, однако всего через год новый указ ограничил его возможности, а главный оплот реформ в Мадриде, Кампоманес, потерял место генерального суперинтенданта (этот чиновник ведал земельной реформой). В 1774 году инквизиция начала свое расследование деятельности Олавиде, в ноябре 1776 года он был заключен в тюрьму, а в 1778 году изгнан из Испании. Также досталось Гримальди, министру иностранных дел, за вмешательство в политику реформ и за «чрезмерные уступки» другим странам.

Что касается Кампоманеса, в документах, которые тайно подбросили Карлосу III, содержались различные обвинения против генерального прокурора. Тем не менее Кампоманес остался

на своем посту, в 1779 году был избран главой общества овцеводов «Ла Места», а три года спустя возглавил Совет Кастилии. В 1795 году он оценил реформы, которые сам инициировал тридцатью годами ранее, вновь подтвердил свою приверженность принципу свободной торговли: «личный интерес» является «основным условием процветания»; на сей раз он ни словом не обмолвился о структурных изменениях, которые сам поддерживал в прошлом и которые Олавиде пытался осуществить.

Граф Флоридабланка

Государственный секретарь с 1776 года, дон Хосе Мориньо, граф Флоридабланка, сумел распространить дух реформаторства на 1780-е годы. Успехи на международном поприще обеспечили ему должность первого министра короны, что позволяло графу справляться с интригами Педро Аранды и других сановников, возмущенных укреплением позиций мелкого дворянства: обучаясь в государственных университетах и поступая на государственную службу, эти дворяне приобретали положение и власть, то есть привилегии, которые по-прежнему считались достоянием пэров королевства и их отпрысков. В конфликте между привилегиями по праву рождения и привилегиями за службу государству отразилось социальное напряжение первой половины XVII века, борьба между высшим дворянством, а именно арагонской фракцией, окружавшей графа Аранду, старшего офицера страны, и дворянством мелкопоместным, которое добивалось высоких постов и продвижения по службе личным мужеством и упорным трудом. Благодаря реформам Бурбоны, прежде всего

Карлос III, возродили престиж воинской службы, и аристократы вновь потянулись в армию и на флот. В 1771 году король учредил новый военный орден — «для вознаграждения заслуг и свершений»; правда, рыцарями этого ордена могли стать лишь люди благородного происхождения, по крайней мере, по отцу.

В 1787 году граф Флоридабланка основал Государственную хунту (Junta de Estado), полноценный кабинет министров, который собирался по меньшей мере раз в неделю под его собственным председательством. Принципы деятельности кабинета определял «Тайный указ» («Instruccion reservada») от июля 1788 года. Документ начинался словами о защите католической веры, далее следовало подробное изложение программы реформ, осуществленных в просвещенное правление Карлоса III. Впрочем, если Флоридабланка и придерживался достаточно прогрессивных взглядов, события 1789 года за северной границей заставили его и прочих министров вспомнить о традиционных ценностях. Правление Карлоса III завершилось сворачиванием реформ, призванных восстановить страну после депрессии XVII века.

Конец XVII столетия ознаменовался ростом

сельскохозяйственного производства, которое, в свою очередь, стимулировало рост населения. Медленное, но стабильное увеличение числа ртов, которые требовалось кормить, вело к увеличению цен на сельскохозяйственную продукцию и землю, а также к распашке новых земель. Так как в целом производительность оставалась на прежнем уровне (не в последнюю очередь из-за ограничений на свободный оборот земли), рост спроса на продукты сельского хозяйства обернулся усилением эксплуатации арендаторов и работников, что спровоцировало спад и продовольственный кризис в конце XVIII века. Несмотря на смелые попытки отдельных коммун и стремительное развитие Каталонии, Испания XVIII столетия представляла собой страну, закостеневшую в традиционной экономике и традиционном общественном устройстве.

ВОЙНА ПРОТИВ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

События 1789 года в соседней Франции оказались катализатором; Испании пришлось приспосабливаться к переменам. Страна, по крайней мере номинально, все еще владела самым большим числом колоний, на которые притязали два основных претендента на господство в Европе и в других регионах мира — Франция и Брита-

ния. Карлос IV и его сын и наследник Фердинанд VII были марионетками в руках аристократов: первый — покорный и равнодушный, второй — «отталкивающая личность», робкий и двуличный, а королевство и колонии переживали худшие времена за свою долгую историю.

В 1789-1790 годах страх, который внушала аристократии Французская революция, усугублялся недовольством населения по поводу дефицита продуктов питания по всей северной Испании, от Барселоны до Галисии. Граф Флоридабланка усилил охрану границы, а поток беженцев из Франции, в том числе 6000 священников, укреплял контрреволюционные настроения в стране; находились те, кто призывал к крестовому походу против французской «голытьбы».

Эти события поставили Испанию в весьма деликатное положение, а король Карлос IV выказывал нерешительность и нежелание вникать в государственные и личные затруднения. Прибытие ко двору дона Мануэля Годоя заставило короля, супруга которого высоко ценила молодого и привлекательного офицера гвардии из Бадахоса, в том же году отправить в отставку Флоридабланку, заменить того Арандой, а затем позволить Годою принять командование армией и объ-

явить войну Франции после казни Людовика XVI. Желание Карлоса IV восстановить французскую ветвь династии получило поддержку тех, кто распоряжался деньгами, и, в последний раз в испанской истории, личные армии аристократов вывели на поле брани. Война привлекала тех, кто знал, какими военными и военно-морскими возможностями обладает страна. Официально королевская армия в 1791 году состояла из 50 000 солдат и офицеров — и 366 генералов; то есть один генерал приходился на 137 солдат.

С другой стороны, Годой и те, кто верил, что гибель французской монархии сулит гибель Франции, очень скоро выяснили, что молодая французская республика опирается на поддержку народа. К июлю 1795 года французы заняли несколько испанских городов, от Бильбао до Фигейраса, и приближались к Миранда-де-Эбро. Испании пришлось начать мирные переговоры в Базеле, и французы согласились отступить в обмен на испанскую половину острова Санто-Доминго. Годой за эти переговоры получил титул «Принц мира», очевидное оскорбление традиционным монархистам и молодому Фердинанду, который как принц крови единственный имел право на подобное титулование. Директория и

Испания подписали мирный договор, Франция из врага вновь превратилась в друга и союзника, которому требовалась помощь в защите американских колоний.

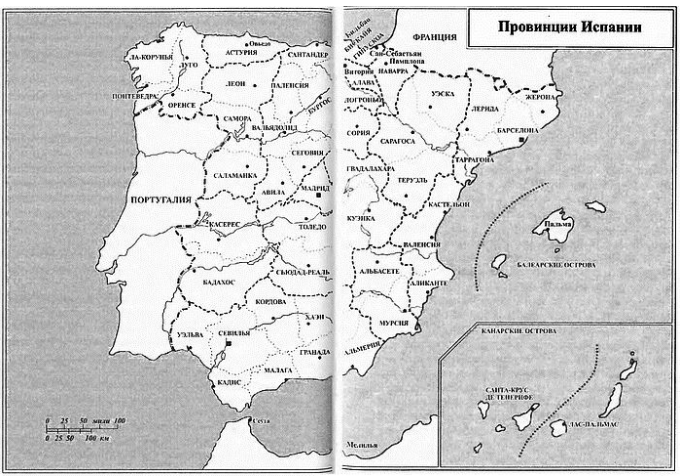
ВОЙНА С БРИТАНИЕЙ

Результатом стали двенадцать лет почти постоянной войны с Британией, потеря Тринидада в 1797 году и два поражения на море, которые лишили Испанию статуса морской и колониальной державы: битва при мысе Сан-Висенте в феврале 1797 года и битва при Трафальгаре в октябре 1805 года. Эта война привела к возобновлению военных действий против западного соседа, Португалии. Годой, после катастрофического начала войны с Британией, решил отыграться на союзнице английского короля. Амьенский мир 1802 года принес Испании часть территории Португалии и Менорку, которую англичане заняли в конце 1798 года; этого оказалось достаточно, чтобы Годоя стали восхвалять как спасителя. Однако возобновление войны на море в 1805 году вернуло Британии военно-морское превосходство. А вот на суше Наполеон Бонапарт одержал блестящую победу под Иеной над прусскими войсками в октябре 1806 года и обратил внимание на Португалию, которая отлично вписывалась в

его знаменитый план континентальной блокады Британии. Через год после Иены Наполеон и Испания согласились объединить французские и испанские силы, чтобы завоевать Португалию, ближайшего союзника Британии на континенте.

Первая фаза операции включала переброску французских войск через Испанию, однако вопреки договоренностям Франция заняла такие испанские города, как Памплона и Барселона, а в марте 1808 года шурин Наполеона маршал Мюрат вступил в испанскую столицу во главе экспедиционного корпуса. Тем временем Годой и испанские Бурбоны, Карлос IV и Фердинанд, пренебрегая ответственностью перед нацией, словно состязались друг с другом в подобострастном подчинении Наполеону. Мюрат отослал их в Байонну, чтобы они разобрались между собой, а Наполеон заставил испанских Бурбонов отказаться от прав на трон и в июле объявил собственного брата Жозефа королем Испании Хосе I. И прежде этого события страна враждебно относилась к французам, а 2 мая 1808 года, когда последний член королевской семьи покинул столицу, чтобы отправиться в Байонну, жители Мадрида восстали против Мюрата и его солдат. Расстрел испанских патриотов комендантскими

взводами на следующий день — драма, которую Франсиско Гойя (1746 — 1828) увековечил в знаменитой картине «Расстрел 2 мая».



Война за независимость против Наполеона

Восстания охватили всю страну и переросли в жестокую пятилетнюю войну за независимость. Наполеону пришлось войти в Испанию во главе 90 000-й армии, однако он вскоре вынужден был поспешить обратно, так как Германия и Россия угрожали его завоеваниям в Северной Европе. На Иберийском полуострове британский экспедиционный корпус под командованием Веллингтона вел бои с французскими оккупационными войсками вплоть до заключительной битвы при Витории в июне 1813 года, а испанцы всех сословий объединялись в партизанские группы (герильеро) и воевали единственным доступным им способом: наносили стремительные удары по тылу и флангам оккупационной армии и вновь исчезали в укрытиях родного ландшафта; они истребляли небольшие подразделения армии Наполеона, срывали поставки продовольствия, нападали на конвои и почтовые кареты и нагнетали страх среди французов.

Широкая поддержка восстания оправдывает мнение, что это была национальная война,

объединившая всех испанцев против врага. И в самом деле, плечом к плечу в этой войне сражались дворяне и простолюдины, а церковь вдохновляла на борьбу и даже сама участвовала в боевых действиях, особенно на севере страны, в Наварре, Галисии и внутренних районах Каталонии. Конечно, среди герильеро большинство составляли простолюдины, которые в конце концов объединились в регулярную армию, а наиболее отличившиеся партизанские командиры стали офицерами и позднее в том же столетии проявили себя поборниками либерализма — либо счастливо разделили с новой политической элитой земли, с которых сняли наследственные ограничения, и прониклись духом землевладельческой аристократии. С другой стороны, родовая знать, городская аристократия, чиновники и даже регулярная армия, приняв поначалу новый порядок, позже примкнули к патриотам; при этом высшее дворянство, по крайней мере, никогда не уходило в партизаны и соглашалось только сражаться в рядах регулярной армии.

Когда Хосе I, Пеле Ботелья, то есть «Бутылка», как его прозвали испанцы за пристрастие к вину, покинул Испанию, около 12 тысяч семей афрансесадос (сторонников французов) в 1813 году

бежали из страны. Эта цифра показывает, что испанцы, в любых подобных ситуациях, пытались выжить и подчинялись обстоятельствам и даже находили выгоду. Те, кто сознавал, что обстоятельства меняются, оказались перед выбором: бежать или остаться, на свой страх и риск — ведь сотрудничество с французами приравнивалось к измене. Гойя, свидетель этих событий, отобразил в своих картинах моральные и политические катастрофы того периода.

Французские войска, в свою очередь, прилагали крайне мало усилий, чтобы заручиться поддержкой местного населения; они вымогали провизию и фураж и разоряли испанское производство. Причем в этом они не были одиноки: британцы и французы уничтожили текстильные фабрики Сеговии и Авилы, первые — производство шерсти, а вторые — изготовление шелка. Солдаты Наполеона набивали заплечные мешки отборными образцами испанских сокровищ. Гойя однажды получил указание Годоя подготовить около пятидесяти испанских картин к переправке во Францию — и выполнил указание, тщательно подобрав второсортные холсты. Хосе I прихватил с собой богатую коллекцию ювелирных украшений и художественных полотен,

которую современники окрестили «багажом короля Жозефа». Маршал Сульт, осаждавший Кадис, прославился и как расхититель испанского искусства; патриоты прозвали его робаквадрос («картинный вор»).

Собрание в Кадисе

Герильеро действовали в сельской местности, а города, которые не были оккупированы французами, заполняли вакуум власти, образовавшийся после захвата страны, создавая городские советы из числа наиболее богатых и влиятельных горожан; эти советы не только организовывали сопротивление Наполеону, но также разрабатывали собственные законы. После изгнания королевской семьи в Байонну олицетворением власти в Испании стали те, кто воевал против врага. Некоторые советы были более радикальны, чем остальные, однако в целом они все внесли вклад в формирование демократического общества, воплощая взгляды самых прогрессивных реформаторов XVIII столетия, а возможность конституционного правления виделась им в отречении короля от престола. Эти советы представляли собой первую попытку Испании создать конституционную монархию.

По предложению Флоридабланки местные советы передали власть Центральной верховной хунте, которая впервые собралась, под председательством графа, в Аранхуэсе 25 сентября 1809

года. Сокрушительное поражение при Оканье заставило хунту перебраться в Севилью, а затем в Кадис, где 24 сентября 1810 года исполнительный совет и совет регентов, которые представляли опустевший трон, созвали чрезвычайное собрание, чтобы принять конституцию страны. Плоды дискуссий были оглашены 19 марта 1812 года в день святого Иосифа — отсюда прозвище «Ла Пепа»[3], которое получила конституция.

Конституция Кадиса являлась программой действий по созданию конституционной монархии. Преамбула касалась национального суверенитета и индивидуальных прав и свобод: в ней провозглашались отмена финансовых привилегий, свобода слова, отмена инквизиции, бесплатное начальное образование для всех и учреждение национальной полиции для защиты прав граждан и гарантии соблюдения конституционных принципов. Документ признавал разделение власти, отдавал законодательную власть «кортесам и королю», а исполнительную — сугубо короне, и утверждал систему выбора депутатов (один на 70 000 жителей) в однопа-

[3] Примечания: 3

Пеп — уменьшительное от имени «Хосеп» или «Хосе», которое является испанским вариантом имени «Иосиф».

латную общенациональную ассамблею путем непрямого голосования, с муниципалитетами и провинциями как основными избирательными округами; голосовать имели право мужчины старше 25 лет.

КОНСТИТУЦИЯ 1812 ГОДА

Главным политическим посылом конституции было признание гражданина как основного носителя прав и обязательств. Индивида следует освободить от любых ограничений, он обладает неотъемлемой личной свободой и правом владения частной собственностью, каковое исключает «право мертвой руки», майорат и феодальные отношения. Таким образом, обретение личной свободы означало полное разрушение прежнего общественного устройства, гибель привилегированного общества, основанного на четырех обособленных друг от друга сословиях, а также подразумевало отмену гильдий и судопроизводства сеньоров и духовенства. Корона больше не ассоциировалась с государством, однако являлась главой исполнительной власти с конкретными полномочиями. Никакой уважающий себя монарх, отмечал герцог Веллингтон, не мог принять подобного ущемления своих прав, и менее всего Фердинанд VII, печально известный своим

двуличием и вероломством и с 1814 года лелеявший крайне завышенное мнение о собственной персоне.

Эта социально-экономическая программа отмечена определенным трагическим величием, в ней ощущается благородство духа тех, кто рисовал грядущее общество в осажденном Кадисе, когда наполеоновские войска находились буквально под стенами города. Однако в ней присутствует и политическая недальновидность, олимпийское пренебрежение положением страны, которое не соответствовало упованиям депутатов. Географический и военный контекст дискуссий может объяснить чрезмерный размах и амбициозность этих политических устремлений. Во-первых, Кадис все еще оставался центром торговли с Америкой, плавильным тиглем, куда стекались купцы и торговые агенты со всего света. Во-вторых, оккупация большей части полуострова французами существенно затрудняла путешествие в Кадис из центра страны; зато представители востока Испании, более либерально настроенные, без труда добирались в город по морю. А американские депутаты были самыми радикальными и открыто рассуждали о независимости колоний. Вдобавок голоса тех депутатов,

кто не смог добраться до Кадиса, передали их коллегам, которые все же сумели оказаться в городе. Также нужно учитывать мнение «властителей дум» — писателей и журналистов, которые красноречиво, призывали депутатов не упустить историческую возможность. Либеральное большинство собрания купалось в словопрениях, разобраться в которых были способны лишь очень и очень немногие.

Нельзя сказать, что парламент Кадиса говорил за всю страну. После триумфа либерализма, который застал церковь и аристократию врасплох, старые сословия объединились для защиты короны и искоренения свободомыслия. Стали раздаваться голоса, что разносчики «французских взглядов» призывают отречься от национального наследия и потому ничем не лучше афрансесадос. «Компания лакеев» («униженных рабов монархии и традиции» — так либералы ответили на насмешки над «Ла Пепа»), ведомая епископом Оренсы, главой совета регентов, оформившаяся на первых выборах парламента в июле 1812 года, постепенно получила поддержку большинства депутатов. К тому времени Веллингтон разбил французов в битве при Лос-Арапилес, недалеко от Саламанки, затем разгромил отступающую

армию Наполеона в июне 1813 года и, совместно с испанскими и португальскими войсками, в конце концов выбил французов из последнего их оплота, Сан-Себастьяна, 31 августа 1813 года.

Консервативное большинство в парламенте лелеяло мечты о восстановлении абсолютистского прошлого, заседания парламента перенесли в Мадрид, подальше от той атмосферы, в которой стало возможно принятие «Ла Пепа». Вспышка желтой лихорадки в Кадисе пришлась как нельзя кстати. Официальное открытие парламента состоялось в освобожденной столице страны 15 января 1814 года.

Фердинанд VII «Желанный»

В декабре 1813 года в Валенкае Наполеон согласился вернуть Фердинанду испанский трон. Лояльные роялисты восприняли это событие как возвращение «добрых старых времен» абсолютизма. С другой стороны, либералы продолжали твердить, что верховный правитель страны не должен назначаться иностранным монархом, что ему следует получать полномочия от национальной ассамблеи и принести клятву верности конституции. Фердинанд, разумеется, отнюдь не стремился в чем-либо клясться. Народ встретил короля с восторгом (отсюда прозвище «Желанный»), аристократы поспешили предложить полную поддержку, роялисты наперебой восхищались монархом, а тот опирался не только на любовь подданных — как известно, преходящую, — но и на силу, которую олицетворяли такие испанские генералы, как Элио и Эгия, а также британский экспедиционный корпус под командованием Веллингтона и Уиттингэма. Уже 4 мая 1814 года, через шесть недель после прибытия в Каталонию из Валенкая, Фердинанд издал свой первый указ в качестве короля Испании,

отменив конституцию 1812 года и восстановив инквизиции.

Следующие двадцать лет, несомненно, были самым темным периодом испанской истории. Подстрекаемый людьми с сомнительной репутацией, коррумпированными политиками и самонадеянными и необразованными военачальниками, король прибегал к репрессиям и террору, чтобы искоренить даже намеки на оппозицию своему позорному правлению. В 1820 году, правда, ему пришлось несколько умерить пыл (по просьбе военных), но это был единичный случай; Фердинанд вскоре восстановил утраченные позиции и даже в 1823 году профинансировал французское вторжение, чтобы вернуть Испанию в рамки деспотического абсолютизма.

ВОЕННЫЕ РАЗРУШЕНИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СПАД

Либералов и конституционалистов с позором изгнали, либо уничтожили в ходе тотальной войны против диссидентов и оппозиции. Испания страдала от экономической рецессии: медленное, но стабильное восстановление конца предыдущего столетия завершилось, выгоды от свободной торговли нивелировались континентальной блокадой, которой Наполеон помышлял задушить

Британию. Легко представить, чем обернулось в итоге решение Годоя присоединиться к Наполеону: флот понес существенные потери, колонии заговорили об отпадении, страна погрузилась в хаос политических неурядиц, повсюду царила разруха, на дорогах бесчинствовали банды и целые армии, грабившие деревни и города.

В отличие от войны за престолонаследие в начале XVIII века война за независимость затронула инфраструктуру: крупные города — Сарагоса, Бадахос и Сан-Себастьян — были фактически уничтожены; промышленные предприятия, известные своими технологическими достижениями, например текстильные фабрики и королевский фарфоровый завод в Буэн-Ретиро, умышленно разорили; дороги изрядно пострадали, а вырубка лесов, пожары, похищение запасов зерна и домашнего скота серьезно истощили сельскохозяйственные ресурсы. В 1820 году новый министр сельского хозяйства в первом либеральном кабинете сообщил парламенту, что производства вина, злаков и оливкового масла в 1818 году на 35% уступало уровню 1799 года.

Независимость американских колоний

Американские колонии, по крайней мере на бумаге, еще оставались под властью короны. Возможно, метрополия смогла бы с ними договориться, согласись она признать их притязания на экономическую и финансовую автономию. Однако Фердинанд VII снова не выказал готовности к компромиссам. Он рассматривал исключительно военное решение проблемы: отправку экспедиционного корпуса на усмирение мятежных подданных. Армия численностью в 10 000 человек, отправленная в колонии в 1814 году, не добилась цели в связи с болезнями солдат, недостатком провизии и средств. А когда в 1820 году в Кадисе новая армия отказалась плыть в Америку, это помогло команданте Риего убедить деспотичного и малодушного короля восстановить конституцию 1812 года и задуматься над предоставлением колониям независимости. Когда в декабре 1824 года наконец произошло судьбоносное событие, современники Фердинанда VII, вероятно, обсуждали приоритеты монархии, неспособной обеспечить возвращение колоний

под власть метрополии, однако готовой финансировать армию численностью 132 000 человек под французским командованием, чтобы вернуть королю абсолютную власть на Иберийском полуострове в апреле 1823 года.

МЕЖДУ КАРЛИЗМОМ И ЛИБЕРАЛИЗМОМ

Последние годы правления Фердинанда VII привели к драматическому повороту в истории Испании. Король всячески стремился сохранить трон за своим семейством и не менее решительно подавлял любую, реальную или мнимую, оппозицию своей власти. Его четвертая жена, неаполитанская принцесса Мария-Кристина, родила ему первенца 10 октября 1830 года. И теперь недавние несгибаемые сторонники оказались помехой отцовским амбициям. Проблема состояла в том, что у короля родилась дочь, принцесса Исабель, а женщины исключались из наследования салическим законом, введенным Филиппом V в 1713 году, упраздненным Карлосом IV и одобренным в 1830 году самим Фердинандом VII. Два года спустя король серьезно заболел, а его брат Карлос заявил, что не примет Исабель как наследницу трона. Королевские советники тоже заявляли, что переход власти по женской линии неприемлем.

Оправившись от болезни, Фердинанд распустил правительство и разогнал «роялистских волонтеров», организацию численностью 120 000 человек (вдвое больше, чем регулярная армия), которую сам учредил как неофициальную гвардию и которая за время его недомогания переметнулась на сторону дона Карлоса, увидев в нем истинного защитника «Бога и страны». В поисках поддержки Фердинанд и его жена не постеснялись созвать умеренных либералов из числа тех, кого изгнали из страны или отстранили от дел в 1823 году. Когда Фердинанд умер 29 сентября 1833 года, его вдова Мария-Кристина приняла власть как регент при своей дочери. Офицеры «роялистских волонтеров» пошли в казармы, поднимая восстание, чтобы посадить на трон Карлоса; поэтому они получили прозвище «карлисты».

ПЕРВАЯ КАРЛИСТСКАЯ ВОЙНА

Войну, которая последовала за этими событиями, называют первой в современной Испании гражданской войной, схваткой двух непримиримых противоположностей — старого и нового, мракобесием прошлого и прогрессом грядущего. Карлизм имел весьма ограниченные географические рамки: его оплотом служила сельская

местность северной горной Испании, от Бискайского залива до Эль-Маэстразго (Кастельон), тот самый регион, где в годы войны за независимость французам досталось крепче всего. Освобождение общественных и муниципальных земель от обременения и вывод их на рынок усугубили конфликт; те северные районы, где землевладельцы, дольщики и издольщики потеряли право пользования землей либо должны были платить более высокую ренту новым собственникам, сделались опорой движения традиционалистов. Поскольку карлисты не смогли создать собственное правительство и не сумели захватить важных городов, кроме Эстрельи в Наварре, которую сделали своей столицей, партизанская война оставалась их единственным способом сопротивления регулярной армии.

Армия, кабинет министров, чиновники на местах и большая часть населения признали Исабель законной наследницей трона, а ее мать — королевой-регентшей, однако тот факт, что война между карлистами и кристинос (сторонниками Исабель) вновь продемонстрировала некомпетентность и слабость государства, созданного Фердинандом VII. Разбросанные и мобильные отряды карлистов, действовавших на чрезвычайно

сложном ландшафте, могли быть разгромлены только большой и хорошо организованной армией. В 1832 году регулярная армия насчитывала 67 317 человек (из них 17 000 — королевская гвардия). Чтобы навербовать, подготовить и содержать армию, способную заставить мятежников признать права Исабель, требовались существенные материальные ресурсы. Повсеместная раздача церковной собственности должна была обеспечить необходимые средства. Династии Бурбонов, восстановленной на троне, пусть и по женской линии, пришлось прибегнуть к помощи военных и добавить их цвета к флагу либерализма.

Испанский либерализм

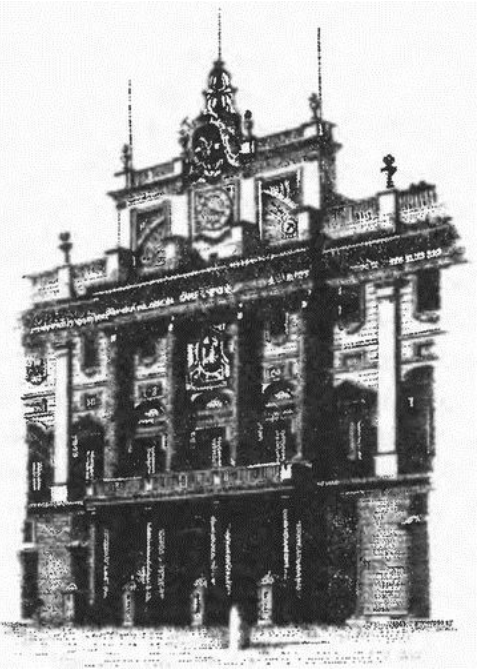
Чем был испанский экономический либерализм, введенный законами 1812 и 1820-1823 годов? В первую очередь он предусматривал отказ от поместной системы хозяйствования, уничтожение частной юрисдикции (прикрепление к земле, обязательная служба местному правителю); а во вторую — внедрение рыночных механизмов, то есть свободного оборота земли, найма и увольнения работников, использование контрактов, освобожденных от пут майората, несвободного наследования и «права мертвой руки». Более того, либеральная аграрная реформа была направлена на раздел общественных и муниципальных земель и передачу их в частную собственность, поскольку в этом случае землепользование оказывалось прибыльным. Как сказал Кампоманес в 1795 году, «личный интерес — основное условие процветания».

Политический либерализм выразился в принятии новой системы управления: монарх и двухпалатный парламент; первый — как глава государства, второй (сенат и конгресс) — главный законодательный орган. Члены сената

назначались монархом, эта система представительства закрепляла традиционалистскую линию кастильского конституционализма (имения-эстаментос). Либеральные радикалы (так называемые прогрессисты) согласились на сенат в надежде в будущем постепенно добиться сокращения парламента до единственной палаты. Однако, за исключением муниципальных выборов 18 декабря 1868 года, общее избирательное право для мужчин в возрасте старше двадцати пяти лет, которое депутаты собрания в Кадисе внесли в свод законов от 1 января 1810 года, до 1890 года оставалось пустой мечтой.

Нижняя палата (конгресс депутатов) формировалась от избирательных округов с численностью населения от 0,15% (1836) до 5,7% (1879) от совокупного населения страны. Это казалось совершенно естественным для «умеренных», таких как Мартинес де ла Роса, маркиз де лас Амарильяс, Доносо Кортес и Кановас дель Кастильо. «Доктринерский либерализм» сосредоточился на праве собственности, особенно земельной, и политическом представительстве. Голосование являлось уделом тех, кто обладал влиянием и соответствующим опытом; лишь «первые люди» деревень, городов и, с 1878 года, промышленные

магнаты могли претендовать на это право.



Королевский дворец в Мадриде

Неспособность королевы-регентши подавить восстание карлистов заставила поторопиться с реализацией либеральной аграрной реформы. Из

Лондона после двенадцати лет ссылки вернули Мендисабаля и поручили ему управление финансами государства и поиск средств для успешной борьбы с карлистами. И Мендисабаль преуспел: он договорился с Лондоном о закупке оружия, а также о предоставлении испанскому двору армейских (12 000 человек) и флотских (одна эскадра) подразделений. Однако государственной казне требовалось нечто более существенное, нежели очередная добавка к национальному долгу. Мендисабаль прибег к проверенному способу — конфискации муниципальных и церковных земель, тем самым завершив длительный процесс, который тянулся с первых лет монархической власти в Кастилии.

ОТМЕНА ЧАСТНОЙ ЮРИСДИКЦИИ

Дворяне-землевладельцы первыми получили выгоду от новых законов. Королевский указ от 26 августа 1837 года, который освобождал земли сеньоров от майората и ограничений в порядке наследования, был принят аристократией с нескрываемой радостью. В 1837 году корона в заботе о королеве-регентше (та вступила в брак с мещанином всего через три месяца после смерти Фердинанда VII) была вынуждена пойти на уступки либералам во имя борьбы с карлистами.

Крупные землевладельцы не выказывали ни малейшего желания поддерживать корону, как это было в правление Фердинанда VII. Возможно, перемена отношения знати объяснялась тем, что закон 1837 года, объявлявший сеньории собственностью государства, освободил тех, кто фактически владел землей, от необходимости приводить титулы в соответствие реальному положению дел.

Различие между территориальными и «ведомственными» сеньориями никогда не определялось четко в законодательстве, а дворянство не выказывало стремления помочь установить категорию своих земельных владений, которые использовались в привычной манере — прибыль поступала от ренты, налогов и сборов. Однако до 1837 года дворяне горячо доказывали, что все их земли относятся к территориальным и потому должны считаться частной собственностью с безграничным правом на владение. Нормативные права и избавление от необходимости доказательств поставили их в неуязвимое положение. Ни одна из сторон этого нового альянса старой землевладельческой аристократии и честолюбивых нуворишей, которые покупали землю и хотели большего, не желала вдаваться в правовые

тонкости, чтобы не спровоцировать конфликт и не создать прецедент. Другие заинтересованные стороны, небольшие города с самоуправлением и фермеры-арендаторы, которые обращались в суд, крайне редко добивались компенсации.

ОТМЕНА ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ УСЛОВИЙ ПРИ НАСЛЕДОВАНИИ ИМУЩЕСТВА ЦЕРКВИ

Становившаяся все вероятнее возможность стремительной атаки на принципы наследования церковных земель получала одобрение практически всех сословий, кроме, разумеется, самой церкви, прелаты которой именовали Мендисабаля как зодчего «великого грабежа» (immense latrocinio). Умеренные политики, которые, будучи в оппозиции, высказывались против конфискации земель церкви, охотно допустили реализацию «прогрессивных законов», придя к власти. Отмена ограничений на наследование церковных земель также означала потерю доходов, например церковных десятин и начатков, которые отныне забирало государству. Ватикан смирился с ситуацией и в 1851 году подписал новый конкордат, который оставлял испанской церкви добровольные пожертвования, плату за неурочные службы и значительные суммы из национального бюджета «на нужды богослужения

и духовенства» (culto y clero).

В целом законы Мендисабаля позволили достичь краткосрочных целей: был частично погашен национальный долг и появились средства на завершение карлистской войны (жалование почти 300 000 солдат), тем самым укрепилось политическое доверие к «прогрессивным» либералам. Но вот долгосрочная цель реформ, однако, была недостижимой. Мендисабаль настаивал на «большой семье мелких землевладельцев», способной стать социальной опорой либерального движения. Эта задача казалась невыполнимой: прежние меры по снятию ограничений на наследование земель в правление Карлоса III, Карлоса IV и Фердинанда VII показали, что ряды мелких собственников на севере Испании сократились с 50% в начале XVIII столетия до 36% в середине XIX века, с соответствующим ростом владений на правах аренды. Социальные волнения в Валенсии в 1803-1804 годах, война «аграваядос» («обиженных») в сельскохозяйственной Каталонии в 1827 году и, несомненно, карлистский бунт 1833 года являлись отчаянными попытками сопротивления модернизации, которая сулила дальнейшие потери.

В 1839 году наконец завершилась изнури-

тельная гражданская война. Двадцать девятого августа генерал кристинос Эспартеро и Марото, главнокомандующий войсками дона Карлоса, подписали в Вергаре договор, который признавала Исабель наследной принцессой Астурии и, что самое важное для будущей роли армии в испанской политике, гарантировал выплаты и карьерные перспективы бывшим офицерам-карлистам. Особый статус Наварры оформили «законом Пасьонада» 1841 года (иначе «Фораль пакт»), который по сей день обеспечивает финансовую и законодательную автономию провинции под властью Дипутасьон Фораль (региональной ассамблеи). Этот договор помог древнему Наваррскому королевству сохранить самобытность, что имело важные экономические и социальные последствия. Муниципалитеты по всей Испании пытались противиться конфискации своих земель, но лишь Наварра удачно воспрепятствовала снятию ограничений на оборот земли. В отличие от других регионов Испании, города и деревни Наварры сохранили общественные земли, которые до сих пор составляют значительную долю местных владений и приносят немалый доход.

ЗАКОН О ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИИ (1855)

Второй стадией либеральной аграрной реформы стали деятельность Мадоса и его программа «всеобщей дезамортизации», обнародованная 1 мая 1855 года и предусматривавшая продажу всех земель, не находившихся в частной собственности. Эта процедура в основном состоялась с 1855 по 1867 год и полностью завершилась к 1876 году. Так как Испания в середине XIX века была преимущественно сельскохозяйственной страной, массовый переход недвижимого имущества из общественного в личное владение обернулся трансформацией страны и создал структуру власти, наследие которой до боли очевидно и по сей день. С конфискацией церковных, муниципальных и общественных земель остались в прошлом все формы воспомоществования, а роль благодетеля целиком перешла к обнищавшему государству. Общественные земли, которые жители деревень поделили за века (районы охоты, пастбища, леса для получения древесного угля, дров и ремонта домов и ферм), в мгновение ока достались неведомо кому.

Что касается социума, цель, которую Мадос, как и Мендисабаль, объявил первостепенной, то есть справедливое перераспределение земель (далекое от разделения земель между крестьяна-

ми при системе коллективного муниципального пользования или долгосрочной аренды), обернулась сокращением числа мелких собственников, неспособных содержать свои владения в период роста рент и цен, превращением их в безземельных крестьян, чьим единственным активом являлся их собственный физический труд. Некоторые, например Альваро Флорес Эстрада, защищали систему залогов, связанную с долгосрочным гарантированным владением на правах аренды, которое, возможно, позволяло растянуть расходы на длительный период; однако при текущем положении дел прибыль доставалась богатым и владельцам ценных бумаг. Они могли платить облигациями, которые котировались ниже номинала. Процедуры оценки были не столь уж и плохи, однако бумажные деньги вместо монеты открывали широкие возможности для спекуляций, причем такого размаха, который в истории Испании больше не отмечался.

Экономическая цель массового перехода земли из общественного пользования в неограниченное индивидуальное заключалась в создании конкуренции, которая обеспечила бы расширение пахотных земель и позволила повысить производительность труда. Мечта оказалась

несбыточной, как и в случае с предполагаемым перераспределением, которому так громко противились те, кто надеялся на нем нажиться. Продали около десяти миллионов гектаров, это 20% общей площади земли в стране и 40% площади пахотных земель. Большие участки, принадлежавшие церкви или короне, которые не удалось пустить в оборот ранее из-за недостатка средств, отдали под запашку частным собственниками, искавшим способы максимально увеличить прибыль от своих инвестиций. Производство сельскохозяйственной продукции (злаков на двух месетах и вин в периферийных регионах) расширялось, особенно в середине века, превосходя по темпам рост населения (с 11,5 млн. человек в начале XIX столетия до 18,6 млн. к концу века), до такой степени, что в третьем квартале века Испания могла сама себя прокормить и экспортировала довольно большие объемы пшеницы.

Рост производства стал, без сомнения, последствием расширения земель под пашни и увеличения спроса. Однако никакого улучшения производительности не наблюдалось: в действительности урожайность злаков на гектар снизилась. Неплодородная земля использова-

лась для получения краткосрочной прибыли, без вложения средств. Кризис конца столетия, когда эффект отмены ограничений на наследование перестал сказываться и испанской пшенице пришлось конкурировать с более дешевой продукцией дальних стран, подчеркнул слабую капитализацию экономики и обнажил реальное состояние производства, которое расширялось лишь за счет высоких протекционистских пошлин. Итогом был рост цен, который еще сильнее снизил стандарты жизни и ослабил положение экспортеров.

Можно сказать, что социальным и экономическим потенциалом роста и стабильности в сельском хозяйстве и в испанской экономике в целом пожертвовали ради сиюминутного пополнения обнищавшей казны, а люди обеспеченные и власть имущие воспользовались ситуацией, чтобы приобрести массово отчуждаемое национальное достояние по выгодной цене. Когда карлизм был побежден, королеве Марии Кристине и ее дочери Изабелле II пришлось посулами, титулами и наградами формировать новый союз короны и знати против низших слоев населения, которые, что не удивительно, вновь начали возмущаться несправедливостью

своего положения. Они были беззащитны против безграничной власти сеньоров, а ныне бедные крестьяне и безземельные рабочие оказались заложниками аграрной системы, которой вечно не хватало средств по причине доступности дешевых рабочих рук.

Пересмотр системы власти

Новый баланс сил, сложившийся в середине XIX столетия (родовая знать, нувориши от промышленности и торговли, чиновники), оказался продолжительным. Он основывался на веках неоспоримой социальной и экономической гегемонии, и разбогатевшие «выскочки» охотно скупали земли и дворянские титулы или заключали взаимовыгодные браки. Землевладельческая аристократия наслаждалась реальной властью и не желала поступаться последней в пользу новой элиты из сфер, не связанных с сельским хозяйством. Закон 1837 года, который избавил землевладельцев от необходимости доказывать титулатуру, стал первым законом либерального кабинета. Вскоре последовал подъем экономики (расширение банковской деятельности, строительство железных дорог и различных рудников и копей), что сулило нуворишам новые богатства и высокий социальный статус. Текст 1822 года, опубликованный каталонским историком Хосепом Фонтаной, показывает со всей откровенностью симбиоз между производителями хлопчатобумажных изделий в промышленной

Каталонии и производителями зерна из Кастилии, Эстремадуры и Андалусии (там применялось богарное земледелие). Когда американские колонии отделились, каталонские производители все больше стали зависеть от рынков полуострова: «Разве не естественно, что мы должны есть кукурузу, выращиваемую нашими братьями, чтобы они могли употреблять наши фрукты и промышленные товары?» И таким образом две главных области экономической активности сомкнулись в объятиях, которые не предусматривали конкуренции и тормозили развитие. Те, очень и очень немногие, кто намеревался продолжать модернизацию страны на основе политических и экономических свобод, умолкли под натиском консерваторов (las fuerzas vivas), которые, глядя на Францию, видели лишь разруху и опустошение. Они прогнозировали схожую участь для Испании, если не будут заложены прочные основы новой государственности.

АРМИЯ

Новый истеблишмент не терял времени и привлек военных к управлению государством. Задача была очевидной и требовала срочных мер: распад Senorios jurisdiccionales оставил большую часть страны без власти, и первая половина XIX

столетия отмечена существенным приростом числа крестьянских волнений, хлебных бунтов и прочих мятежей и выступлений.

Светские и духовные правители, которые вершили правосудие, собирали налоги, ведали назначением на должности на собственной территории с незапамятных времен, не раз оказывались в заложниках у недовольных. Посему возникла насущная необходимость в формировании новой власти в условиях гражданского общества, власти, которой подчинялись бы все подданные королевства. Если учесть те неблагоприятные обстоятельства, которыми сопровождалось рождение новой власти, можно без преувеличения сказать, что предпринятые попытки были весьма примечательными, а результат способна была обеспечить только армия.

Положение армии было весьма благоприятным и ко многому обязывало. Во-первых, высшее дворянство всегда было представлено в верхних эшелонах командования. Герильерос, которые отличились в годы войны с Францией, возможно, представляли собой радикальный элемент, однако какие бы идеологические различия не существовали внутри армии в первые десятилетия XIX века, они легко улаживались — как показало

примирение в Вергара Эспартеро и Марото в 1839 году, открывшее карлистам дорогу в регулярную национальную армию. Военные, или, во всяком случае, высшие чины этого периода (Эспартеро, Марото, О'Доннелл, Нарваэс, Прим, Павия, Мартинес Кампос, Примо де Ривера, Серрано, Топете), выступали арбитрами испанской политической жизни.

Военные имели подавляющее большинство на всех уровнях управления. В 1850 году, к примеру, на службе в армии состояли 153 977 человек, это 88,33% людей, нанятых государством, а расходы на армию равнялись 55% национального бюджета. Для сравнения, на страну было всего 267 судей. Через браки, покупку земли и дворянские титулы люди на вершине военной пирамиды завязывали контакты с финансистами, биржевыми спекулянтами, землевладельцами, юристами и политиками. Из 2450 дворянских титулов в Испании в конце правления Альфонсо XIII в 1931 году около 1400 появились в предшествующие сто лет; безусловно армия в середине XIX века была широко представлена среди тех, кто достиг высокого статуса. Более того, надзор над сельской местностью и реализация новых законов о собственности и огораживании земель

в 1844 году поручили новой военизированной организации, Гуардиа Сивиль (гражданской гвардии), заменившей собой местные дружины и отряды самообороны. После нескольких попыток применить силу в качестве гражданской организации, подотчетной парламенту и правительству, Гуардиа Сивиль оформилась как армейское подразделение, с вербуемым составом, соответствующей подготовкой и перспективами карьерного роста для офицерского состава. Постоянное увеличение ее численности не имело прецедентов в современной истории Испании: с 5501 «воина» в начале до 19 105 человек в 1898 году; она располагала 514 гарнизонами в 1846 году и 2175 в 1897 году. К 1939 году, когда Гуардиа Сивиль стала охранять и границы, она расширила свое «благотворное» влияние до самых отдаленных областей и уголков. Местное образование, существующее за счет гражданского общества и в тесном сотрудничестве с муниципальными властями, Гуардиа Сивиль воплотила в себе худшие черты нового испанского порядка. Типичный городской пейзаж Испании имеет ряд отличительных особенностей: родовой дом (возможно, средневековый замок или укрепленное поместье) местного аристократа-землевладельца,

приходская церковь и дом священника, ратуша — и казармы гражданской гвардии, непременно поблизости от центральной площади.

1868 год: «Славная сентябрьская революция»

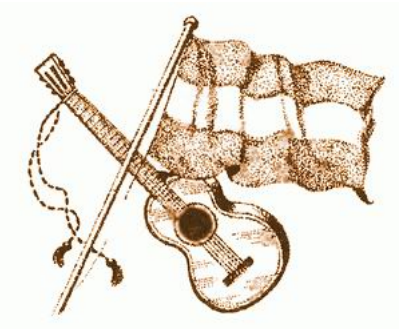
Доминирующее положение военных в политической жизни Испании стало более чем очевидным в богатые событиями годы между свержением Изабеллы II и ее бегством из Мадрида 30 сентября 1868 года и реставрацией Бурбонов в лице сына Изабеллы, Альфонсо, 29 сентября 1874 года. Генералы, которые восстали против «нетерпимого правления» Изабеллы II, включая генерала Франсиско Серрано, бывшего любовника королевы, оказались главными героями «переворота» Сагунто (в Валенсии) 29 сентября, который привел Альфонсо XII на испанский трон прямиком из Сэндхерста, где принц постигал военную науку.

После ухода генералов от имени Альфонсо XII 31 декабря 1874 года дон Антонио Кановас дель Кастильо сформировал гражданское правительство и восстановил парламентскую форму правления с двумя палатами (конгрессом и сенатом), а также внедрил позаимствованную у британцев двухпартийную систему, оформленную конституцией 30 июня 1876 года. Пусть коррумпированная и

ограниченная (имущественный ценз, профессиональная квалификация, чтобы иметь право голоса), система выборов обеспечивала площадку для политических дебатов и предлагала ряд возможностей для расширения политических свобод. В тех обстоятельствах это был несомненный шаг вперед, который обеспечил некоторую стабильность; рост экономики продолжался вплоть до краха 1917 года. Военные вернулись в свои казармы — не считая высших чинов, которые, вместе с пэрами королевства, стали, конечно же, членами сената.

На самом деле сколько-нибудь важных политических событий в Испании с тех пор не происходило без активного участия или безмолвного одобрения старших офицеров армии. Генералы диктовали, как Испании развиваться, а с несогласными у них, как легко догадаться, разговор был коротким. Они называли себя спасителями нации и покровителями либеральных ценностей, социальных и экономических достижений. При этом они показали себя прагматиками по отношению к короне; подобно Изабелле II в 1868 году, ее внук Альфонсо XIII в 1931 году узнал, что офицеры высокого ранга, не важно, насколько приближенные к трону, готовы пожертвовать

монархом ради благополучия страны и единства армии.



ГЛАВА 6
Рост в отсутствие стабильности

Начало индустриализации

Если первые десятилетия XIX века характеризовались экономическим упадком и политическим коллапсом, то середина столетия продемонстрировала серьезные изменения в экономической конъюнктуре. В 1849 году заработала почта Испании, телеграфную линию проложили из Мадрида в Ирун год спустя, а затем расширили до Кадиса. Электрический телеграф появился в 1852 году. Через несколько лет (1855-1856) услугами почты и телеграфа уже пользовалось население, отмена ограничений на наследование собственности осталась позади, стали прокладывать железные дороги в соответствии с законом о железных дорогах от 3 июня 1855 года, а средства на их строительство обеспечил закон о банках и финансах от 28 января 1856 года.

Коммуникации воспринимались как первый этап индустриализации. Экономическое отставание Испании объясняли недостатком иностранного капитала, иностранной техники и иностранного опыта. И прежде всего этот дефицит сказывался в транспортной системе страны, которую и начали модернизировать.

Первая ветка железной дороги открылась 28 октября 1848 года, между Барселоной и Матаро, ее протяженность составляла 29 километров. К 1865 году было построено 5478 км путей, к 1901 году эта цифра возросла вдвое, а к 1931 году достигла 17 071 км. При этом чрезмерное внимание к железной дороге негативно сказывалось на других отраслях экономики. Первая фаза модернизации завершилась в 1865 году финансовым кризисом, спровоцированным низкой доходностью по причине слабого спроса на железнодорожные услуги. Возможно, следовало прокладывать пути вдоль существующих транспортных потоков или повышать качество услуг, но этого сделано не было. Что касается обычных дорог, те сильно пострадали за последние десятилетия, и со времен Карлоса III никаких попыток улучшить их состояние или строить новые не предпринималось. В 1880 году в стране насчитывалось 19 500 км дорог; 8000 км добавились в следующие 10 лет, а к 1931 году общая протяженность испанских дорог составила 56 885 км (Испания стала пятой в Европе по числу транспортных средств). Создание местных автобусных линий завершилось к 1918 году, при этом строительство автомобильных дорог в первые десятилетия XX века не сопровождалось,

вопреки логике, развитием железнодорожной сети, и потому в транспортной системе регулярно возникали узкие места, будь то перевозка грузов или пассажиров, а модернизация системы оказалась невозможной по причине отсутствия внятной государственной политики.

ЖЕЛЕЗНЫЕ ДОРОГИ И РАЗРАБОТКА ПОЛЕЗНЫХ ИСКОПАЕМЫХ

Железные дороги являлись локомотивом испанской экономики. В них вкладывали огромные средства, в ущерб инвестициям, например, в обрабатывающую или в тяжелую промышленность. На пике бума железнодорожного строительства иностранные вложения составляли в эту отрасль свыше 60% от совокупных инвестиций. Столь грандиозная капитализация была обусловлена, вероятно, высокой прибыльностью самого строительства, а не использования уже построенного. Иностранный капитал, который и сделал строительство возможным, был по преимуществу французским и бельгийским. Так начала складываться испанская модель индустриализации: перспективами экономического развития жертвовали ради краткосрочных прибылей иностранного, спекулятивного и торгового капитала.

Схема дорог и выбранная ширина колеи также указывали на недальновидность испанских властей. Горный ландшафт полуострова требовал колеи шире, чем в других странах Европы, чтобы по рельсам могли двигаться более тяжелые и мощные локомотивы. Не в последнюю очередь учитывались и соображения национальной безопасности: Испания пережила немало нашествий, и «обособленная» железная дорога могла изолировать страну от потенциальных интервенций, как военных, так и товарных; иными словами, ширина колеи диктовалась скорее политической, чем экономической целесообразностью. Как спицы колеса, ветки расходились лучами от центра (Мадрида) к периферии, а дороги между регионами оставили на неопределенное будущее. Даже сегодня промышленные центры севера продолжают страдать от этого близорукого решения.

Националистические воззрения не оказали сколько-нибудь существенного влияния на развитие испанской промышленности. Как и в случае с железнодорожным строительством, к которому активно привлекали иностранных и местных инвесторов, государство в погоне за доходами казны сделало широко доступной поч-

ву, из которой со времен римского владычества добывались минеральные ресурсы. Влияние горнодобычи на ландшафт страны было очевидным (в отличие от влияния на экономическое развитие). Закон о разработке полезных ископаемых 1868 года сделал Испанию общемировым «подвалом», где добывали медь, свинец, железо, ртуть и цинк. За 20 фунтов можно было открыть рудник. Британские компании оптом скупали эти ресурсы, и флагманом выступал рудник Рио-Тинто, купленный в 1873 году, а 15 лет спустя считавшийся одним из богатейших рудников Европы; с 1897 по 1911 год он приносил британским и испанским инвесторам в среднем ежегодно 70% от вложений. Медный колчедан добывали и выпаривали в котлах на свежем воздухе по последней технологии, а железной дорогой доставляли на британские суда, стоявшие в порту Уэльвы. Испания взамен получала лишь несколько тысяч новых рабочих мест для голодных и разоренных южан, которых привлекала работа на рудниках, несмотря на низкий уровень заработной платы (меньше не платили нигде) и высокий уровень загрязнения. Именно загрязнение атмосферы явилось причиной того, что труженики рудников время от времени, особенно в 1888 и 1920

годах, устраивали забастовки, перераставшие в широкомасштабные столкновения. Равнодушие властей, которые ограничивались лишь репрессиями, возмущало даже губернатора этого региона; он, в частности, поведал парламенту о массовых убийствах в ходе мирной демонстрации перед мэрией района Минас-де-Рио-Тинто в 1888 году.

Увеличение численности населения, диверсификация сельскохозяйственного производства, технологический прорыв, накопление капитала и финансовая и торговая гибкость — все это способствовало индустриализации и модернизации производительных сил Испании. Если опираться сугубо на количественные показатели, экономический рост не замедлялся до 1930-х годов. Однако этот процесс не отличался стабильностью. Сто лет, разделяющие смерть Фердинанда VII в 1833 году и поспешное бегство Альфонсо XIII в 1931 году, отмечены чередой экономических, социальных и политических кризисов, причем все три обыкновенно совпадали по времени. Испания определенно отличается от других европейских стран, с которыми ее сравнивают; у нее весьма бурное прошлое. С 1833 года, к примеру, можно указать следующие переломные даты: 1833-1843,

1847-1848, 1866-1876, 1885, 1898, 1909, 1917, 1923, 1931 год и катастрофу 1936 года.

Экономический рост и неравномерное развитие

Новая модель использования природных ресурсов земли не приносила доходов подавляющему большинству населения, не могла даже восполнить демографические провалы прошлого. Вдобавок не было и намека на союз старого и нового ради единства исторических регионов Испании. «Бесхребетность» Иберийского полуострова оказалась глубоко укоренившейся социально-экономической реальностью, с которой приходилось мириться современному государству. Преследуя исключительно собственную выгоду, «контролеры» из центра не желали стимулировать центростремительные движения в регионах, равно как и укрепление контактов между отдельными регионами.

Главная проблема заключалась в бесплодности многочисленных попыток создать национальный рынок, который обеспечил бы развитие экономики. Поскольку Испания была преимущественно аграрной страной, именно промахи в сельском хозяйстве мешали прогрессу. (И по сей день традиционное сельское хозяйство продол-

жает сохранять неравномерные темпы развития.) Самым важным среди трех базовых испанских культур — пшеница, оливки и виноград — были зерновые, посадки которых занимали более 50% пахотных земель, включая почти всю доступную территорию обеих Кастилии, Эстремадуры и Андалусии. До 1931 года стоимость злаков в денежном выражении и производство зерновых вдвое превышало остальное сельскохозяйственное производство, и в пять раз — добычу угля, железа и стали вместе взятых.

ЗЕРНОВЫЕ, ВИНОГРАДНИКИ И ОЛИВКОВЫЕ РОЩИ

Внедрение капиталистических методов в сельское хозяйство ничего не изменило ни в нормах землевладения, ни в системе землепользования. Средняя урожайность с гектара на протяжении первых трех десятилетий XX века оставалась неизменной, вдвое ниже, чем во Франции или Германии; а провинция Альмерия производила всего четверть от среднего уровня по стране. Слабости богарного земледелия при выращивании зерновых слегка компенсировались иностранными агротехниками и транспортной революцией. Поезда доставляли на полуостров высокоурожайную американскую пшеницу; влияние железной

дороги на испанское сельское хозяйство можно оценить на примере Барселоны — в 1884 году 60% всего импорта зерновых доставляли поезда, вероятно, из внутренних районов страны, однако к 1886 году лишь 11% импорта поступало по железной дороге, а 89% прибывало морем. Официально объявили о повышении налогов на импорт; иного способа не было, как заявил премьер-министр Кановас дель Кастильо, «несмотря на всю говорильню, которая не способна облегчить страдания людей или увеличить урожайность почвы».

Примитивный цикл производства — засухи, низкие урожаи, высокие цены, заставляющие распахивать неплодородные земли, перепроизводство и падение цен, ведущее к отказу от обработки почвы — являлся типичным для сельского хозяйства Испании, а государство вмешивалось, лишь когда доведенные до отчаяния крестьяне поднимали бунт, и посылало в мятежные деревни армию и гражданскую гвардию.

Другие составляющие «средиземноморской триады» не столь сильно зависели от капризов природы или колебаний международного рынка, а также не оказывали заметного влияния на ситуацию в стране в целом. Тем не менее при

некоторых обстоятельствах они тоже становились катализаторами недовольства. Виноград, наиболее ценная для крестьян товарная культура, продолжал захватывать пахотные земли под злаки, производство вина достигло пика в ту пору, когда производство пшеницы кардинально сократилось по причине дешевого импорта. Испания увеличила экспорт вина и бренди в десять раз и фактически монополизировала мировые рынки с 1882 по 1892 год. Франция первой пострадала от эпидемии филлоксеры в 1870-х годах, а затем эта напасть пересекла Восточные Пиренеи и нанесла колоссальный урон каталонским виноградникам, которые не могли оправиться вплоть до 1915 года. Каталонские арендаторы, чьи сроки владения землями были связаны с продолжительностью жизни виноградников, оказались перед угрозой разорения, поскольку виноград, импортируемый из Америки, чтобы восполнить потери от филлоксеры, имел значительно более короткий жизненный цикл. Конфликт с землевладельцами по поводу сроков аренды сделался неотъемлемым признаком каталонской политики и прорывался бурными протестами в начале 1890-х годов, в 1918-м и в 1930-х годах.

Производство оливкового масла также расши-

рялось с середины XIX века в главных производительных районах — Теруэле, Лериде, Таррагоне, Кордове и Хаэне. Эта классическая культура хорошо подходила для богарного земледелия, однако урожаи оливок значительно различались год от года. Один из сильных спадов производства (1931) случился в пору возникновения Второй испанской республики. Влияние неурожая на общественные настроения провинций наподобие Хаэна, где эта культура была почти единственной, может объяснить остроту социальных конфликтов.

В начале XX века предпринимались настойчивые попытки избавиться от чрезмерной зависимости от основных культур. С 1840-х годов, когда в Британию начали экспортировать апельсины, и по 1930-е годы цитрусовые выращивали в провинциях испанского Леванта, в основном в Кастельоне, Валенсии, Аликанте и Мурсии, и вместе с вином они постепенно стали главными экспортными товарами Испании. После потери Кубы, Пуэрто-Рико и Филиппинских островов в 1898 году власти расширили на полуострове плантации сахарной свеклы, что видоизменило окрестности Севильи, Гранады и Сарагосы. Эти новые культуры, вместе с вином и оливко-

вым маслом, приносили Испании иностранную валюту, необходимую для оплаты импортного продовольствия и других товаров. Также они обеспечивали подобие процветания отдельным регионам, однако одновременно обостряли социальные и региональные противоречия между плодородными, густо заселенными и орошаемыми районами Леванта (Валенсия, Мурсия и Матаро) и пустынными пересохшими плоскогорьями в глубине страны.

ТЯЖЕЛАЯ И ОБРАБАТЫВАЮЩАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Региональные отличия становились более заметными по мере того, как осуществлялась индустриализация, которая не учитывала необходимость связей между различными отраслями. В большинстве случаев размещение предприятий определялось исключительно конъюнктурой. Для истории западной промышленности запада не характерно, что производство стали разместили в местах добычи железной руды (Бискайя), а не там, где имелись угольные шахты (Астурия). Астурийский уголь отличали дороговизна добычи и низкое качество, а также сложность транспортировки. Как ни удивительно, при прокладке обычных и железных дорог почему-то не при-

нимали в расчет взаимозависимость отраслей производства: в частности, астурийский уголь доставляли в другие районы страны морем.

Что касается бискайской сталелитейной промышленности, она находилась в тени британской промышленной империи и являлась периферийным поставщиком дешевой железной руды для британских заводов. Производство руды выросло в семь раз с 1875 по 1900 год, однако всего одна десятая добытого перерабатывалась в стране. Британцы получали прибыль от разницы в стоимости дешевого сырья и дорогих экспортных товаров, а также от обеспечения транспортных перевозок в обоих направлениях. При этом доходы от добычи руды позволили сколотить состояния ряду баскских семей, которые открыли местные заводы и в конце 1880-х годов получили кредитование от испанской банковской системы. После 1900 года, когда британский импорт начал сокращаться, промышленники и банкиры Бильбао перевели средства от добычи и переработки железной руды, равно как и капитал от операций в колониях, в производство для внутреннего рынка. Подобно прочим экономическим механизмам в Испании, протекционизм стал способом защитить эти рынки. Фактически промышленный

экспорт страны басков не сокращался вплоть до 1930-х годов.

В отличие от Астурии и Бискайи индустриализация Каталонии началась гораздо раньше, в конце XVII века, и шла спокойно и ровно. К концу XVIII столетия развитие сельского хозяйства, завершившееся перераспределение земель, международная конкуренция и колониальные рынки обеспечили значительную степень взаимодействия различных секторов экономики. «Великое расширение» торговли конца XVIII века тесно связано с колониальными рынками. Потеря последних владений за границей в 1898 году подчеркнула степень зависимости Испании от этих рынков. Каталония также полагалась на импорт сырья, энергетических ресурсов и финансовых услуг. Паровой двигатель получил в регионе широкое применение, электричество с 1890 года производилось в объемах, превышающих потребности, гидростанциями на пиренейских реках. Дефицит основных ресурсов привязал Каталонию к импорту, который был дорогим и требовал гарантии поставок, и заставил развивать собственное производство хлопковых и шерстяных тканей, пробки, мебели, строительных материалов, бумаги и печатной продукции,

лифтов и трамваев, чтобы поспеть за демографическим ростом (наряду с Бильбао и Мадридом Барселона была самым быстро развивающимся городом Испании). Держа в уме, что «низкий уровень потребления в стране в целом и резкая разница в оплате труда населения» являются определяющим фактором индустриализации «по-испански», каталонские промышленники прилагали определенные усилия, чтобы стимулировать развитие кастильского сельского хозяйства и животноводства, а также транспорта. Несмотря на усилия лидера каталонцев Камбьо, Барселона не располагала ни железнодорожной веткой, ни обычными дорогами, которые связали бы ее с промышленным Севером. Две железнодорожные компании, работавшие на севере Испании, на 60% принадлежали Франции, пассажирам приходилось делать пересадку в Сарагосе, и там же перегружали грузы, поскольку линию Мадрид — Сарагоса — Аликанте обслуживала компании MZA, а ветка от Виго до Барселоны принадлежала компании «Норте де Эспанья».

ПРОТЕКЦИОНИЗМ

Очевидно, что доминантой раннекапиталистической Испании был протекционизм, а именно: высокие пошлины на импорт, чтобы противо-

стоять иностранным товарам и сохранить монополию на внутреннем рынке. Протекционизм есть, по сути, самооборона, а в случае Испании он сочетался с либерализмом по отношению к иностранному капиталу и промышленным товарам из-за границы, порой противореча здравому смыслу. В то время свободная торговля являлась идеалом либеральных политиков. Однако практические соображения по поводу того, почему свободную торговлю следует ограничивать, нередко брали верх над либеральными ценностями. В 1869 году, к примеру, министр финансов дон Лауреано Фигерола попытался ввести закон о постепенном сокращении налогов на импорт в знаменитом «параграфе 5», однако под давлением каталонских промышленников премьер-министр Прим убедил Фигеролу увеличить пошлину на 35%. Одной из первых мер вернувшегося к власти в 1876 году Кановаса дель Кастильо стала отмена пресловутого параграфа.

С тех пор пошлины росли все быстрее, отвечая местным интересам, так как те сильно страдали от частных банкротств. В этом отношении, по крайней мере, отмечалось поразительное единодушие: за повышение налогов высказывались и старая землевладельческая аристократия, и

буржуазия, и иностранный капитал, и астурийские рудники, и баскские индустриалисты, и каталонская легкая промышленность. Когда же начал сказываться закон сокращения прибыли, экономический истеблишмент даже увеличил свои доходы за счет рабочего большинства. Тут их возможности были поистине неограниченными, так как продолжающийся демографический рост, избыток трудовых ресурсов и пролетаризация низших слоев общества не позволяли рабочим требовать адекватных размеров заработной платы.

Демографические изменения, географическая и трудовая мобильность

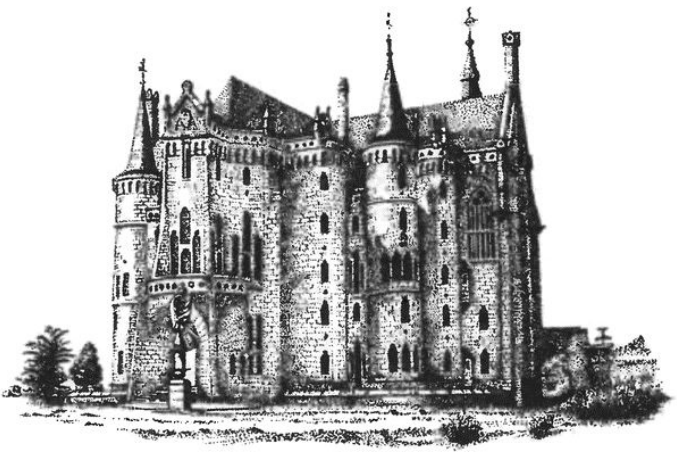
По западноевропейским стандартам рост численности населения Испании был весьма скромным. В 1800 году в стране насчитывалось 11 млн. человек; первая треть XIX века ознаменовалась гражданскими войнами, голодом и эпидемиями, включая холеру и желтую лихорадку. В середине века отмечался довольно быстрый рост, замедлившийся к последней четверти столетия, когда гражданская и колониальная войны, голод, болезни и эмиграция снова сократили население страны. На юге люди умирали от голода (1880-1882); вспышка холеры в 1885 году забрала более 100 000 жизней; отметим еще голод и разруху 1904-1906 и 1917-1921 годов, а «испанка» 1918 года увеличила и без того высокий порог смертности до 33 человек на каждую тысячу. Вдобавок с 1886 по 1913 год 1,5 млн. испанцев предпочли добровольно отправиться в Латинскую Америку.

Новый век принес значительные перемены, прежде всего в качестве жизни и географическом распределении. С 1900 по 1930 год население выросло с 18,6 до 23,5 млн. человек, темп роста

вырос почти вдвое по сравнению с предшествующими сорока годами. Несмотря на то что прирост рождаемости довольно заметно снизился, с 36 младенцев на тысячу человек в конце XIX века до 29 в 1920-х годах, продолжительность жизни возросла, что подтвердило правоту страны, отказавшейся от сезонных ритмов традиционного аграрного общества и принявшей «современные» демографические условия, по крайней мере, в более процветающих районах.

Традиционное перемещение из сельских районов в городские центры также стало позитивным явлением, причиной и следствием социальной и экономической модернизации страны. В 1900 году в Испании имелось всего шесть городов с населением более 100 000 человек (Мадрид, Барселона, Севилья, Валенсия, Малага и Мурсия), а к 1931 году появились еще пять (Сарагоса, Бильбао, Гранада, Кордова и Картахена). Мадрид и Барселона сильно обогнали остальных: более полумиллиона в 1900 году и 750 000 человек в 1931 году. Когда в 1910-х годах заокеанские земли перестали радушно принимать переселенцев из «старой Испании», люди, бежавшие от сельской нищеты, и те, кто возвращался из последних колониальных анклавов, хлынули в промышленные

районы севера и востока, в Барселону, Мадрид и Бильбао. При этом в 1930-х годах в городах с населением менее 10 000 человек проживали 57% населения страны.



Дворец епископа в Асторге (Леон), построенный Гауди

Профессиональная мобильность в различных отраслях обернулась удвоением темпов массового бегства из деревни. До 1910 года в сельском хозяйстве трудились две трети активного населения, причем ситуация практически не менялась

с 1880-х годов, однако к 1930 году сельские работники составляли 45,5% работающего населения; а в Каталонии бегство из деревень было еще более явным. В целом по стране люди бежали из деревни в промышленность и в сектор услуг примерно в равных пропорциях. Пролетариат прирастал не так уж стремительно. В 1845 году французский экономист Бланки писал, что Испания представляет собой страну, которая движется от сердца к краям, оставляя за спиной, посреди пустыни, крупный город (Мадрид), столицу потребителей и чиновников. В начале XX века Мадрид мог похвастаться тем, что расстался с излишком неквалифицированной рабочей силы из сельской местности, подвизавшейся в строительстве; строители составляли большинство рабочих Мадрида. Только Каталония и провинция басков, да еще Астурия, в меньшей степени, располагали настоящим пролетариатом.

Демографическая ситуация в Испании изменялась куда быстрее, чем происходило экономическое развитие. Региональные различия в накоплении богатств становились все более очевидными. Бегство от нищеты сельской местности к обнадеживающим перспективам горнодобывающих и промышленных городов завершалось

грубым опровержением наивных мечтаний. Между тем города, эти центры притяжения для обедневшей и неквалифицированной массы оторванных от родного дома крестьян, множились и множились по всей стране, а вот условия жизни в них не соответствовали ожиданиям. Перенаселенность и антисанитария способствовали распространению болезней; грамотность оставалась на низком уровне. Характеризуя грамотность и культурную жизнь начала века (и нисколько не отрицая тот факт, что это было время второго рождения культуры после долгой спячки прошлых веков), Туньон де Лара подчеркивал, что более половины населения Испании не умело читать и писать, а число государственных средних школ едва ли увеличилось с 1900 по 1920 год. Урбанизация и индустриализация, при всей своей несбалансированности, обернулись тем, что значительная часть мужчин и женщин начала осознавать свой потенциал и участвовать в борьбе за улучшение условий труда и справедливое распределение доходов.

ПЕРЕМЕЩЕНИЯ РАБОЧЕГО КЛАССА

До 1868 года миграции, как правило, наблюдались в сельском хозяйстве, с его зависимостью от природных условий: с монотонной регулярно-

стью, особенно на юге, крестьяне, арендаторы и безземельные работники оказывались жертвами голода и болезней. В периоды политических кризисов крестьян сгоняли с их земель. Возвращение земель (reparto) стало основным лозунгом этих обездоленных: они требовали вернуть землю, которая, по их мнению, была присвоена незаконным или обманным путем.

С ростом городов начали складываться рабочие коллективы, живших вместе в сходных обстоятельствах и прибегавшие к более воинственным формам протеста. Что довольно типично, первоначально рабочие выражали несогласие с новыми условиями труда поджогом станков и спонтанными забастовками, а в конце концов стали создавать отряды самообороны. Барселона оказалась первой свидетельницей выступлений рабочих в середине XIX века; что касается политической окраски рабочего движения, на первых порах испанский пролетариат во многом придерживался идей французских утопистов, наподобие Фурье и Жюль Геда. Позднее итальянец Джузеппе Фанелли привез в Испанию анархические идеи Бакунина. Воспользовавшись правом на свободу объединений, которое подарила стране «Славная революция» 1868 года, работники текстильных

фабрик Барселоны организовали региональное отделение Первого Интернационала и создали федеральный исполнительный совет. В Мадриде группа «федералистов» учредила комитеты совместной деятельности.

Эта общность целей не продлилась долго. Репрессии во Франции после разгрома Коммуны вынудили зятя Маркса, Поля Лафарга, бежать в Испанию, где он примкнул к мадридскому рабочему кружку, среди членов которого был Пабло Иглесиас, и сумел опровергнуть идеи Бакунина. В результате из этого кружка выросла новая федерация, делегатом от которой Лафарг прибыл на собрание Первого Интернационала в Гааге. Впрочем, большинство федералистов во главе с Фаргой Пеллисером поддерживали бакунинский анархо-синдикализм, и лишь группа из Мадрида оставалась верной Марксу и авторитарному социализму. При этом кружки объединяли крайне малое число рабочих, по большей части ремесленников и мастеров. До сельского хозяйства им не было дела, и равно как и до шахтеров и пролетариата Страны басков и Астурии. Учитывая колоссальную разницу в экономическом развитии регионов и обособленность этих кружков от основной массы населения, ничуть не удивитель-

но, что «первоинтернационалисты» уступали во влиянии каталонским текстильщикам. Тем не менее эти идеологические разногласия сыграли значительную роль в формировании испанского рабочего движения.

Восстановление власти государства в 1874 году привело к разгону «первоинтернационалистов» и переходу кружка в подполье. На юге последующие тридцать пять лет среди сельского населения распространялись идеи анархистов. Неграмотный и обездоленный пролетариат Андалусии и Кастилии оказался идеальной средой для «апостолов» анархо-синдикализма, которые призывали к сопротивлению угнетателям, что вылилось в знаменитое восстание 1883 года. К тому времени андалусийское отделение Региональной федерации рабочих Испании, созданной в Барселоне в 1881 году, численно превзошло каталонцев.

Трагическая неделя

Каталонская деревня выражала протест по-своему. Винный кризис 1890-х годов привел к хорошо организованным выступлениям rabassaires (виноградарей, арендующих землю). Они действовали решительно, как и крестьяне Юга, однако куда больше преуспели в борьбе за право распоряжаться доходами виноградников, а потому не слишком прислушивались к левой пропаганде. Они вошли в историю XX столетия как привилегированное объединение «почти владельцев», которые сыграли ведущую роль в движении каталанизма после 1909 года.

Каталонские промышленные центры, с другой стороны, оставались верными бакунинскому анархизму, но все чаще прибегали к методу «пропаганды делом». С покушения анархиста Палласа на генерала Мартинеса Кампоса в 1892 году началась череда жестоких расправ, на которые власти отвечали не менее жестоко, что и привело к страшным событиям Трагической недели в Барселоне в июле 1909 года. Трагическая неделя началась с всеобщей забастовки против призыва резервистов на воинскую службу для участия в

войне в Марокко. (Воинская служба с давних пор являлась яблоком раздора: богатые и влиятельные от нее откупались, а неимущие вынуждены были служить, как в Испании, так и за границей, в ужасных условиях.) Возбуждение переросло в вооруженный конфликт, пламя которого охватило и другие каталонские города, причем все произошло почти спонтанно, у восстания не было ни вожаков, ни четких целей, и все свелось к нагромождению баррикад, сожжению церквей и созданию рабочих революционных комитетов. Одним из уроков, которые каталонские рабочие вынесли из неудачного выступления, стала необходимость укреплять организацию.

ПРОФСОЮЗЫ

Началом новой организационной стадии испанского анархизма явилось создание в 1911 году Национальной конфедерации рабочих (Confederation National del Trabajo), которая объединила подавляющее большинство пролетарских движений Каталонии, а также сельскохозяйственные общества восточных провинций. В 1919 году к НКР присоединилась андалусийская Национальная сельскохозяйственная федерация. По своей численности НКР господствовала в испанском рабочем движении до 1936 года.

Тем временем авторитарный социализм, навеянный идеями Маркса, креп усилиями Пабло Иглесиаса, сына прачки, который в гильдии печатников Мадрида организовал в 1888 году первую социалистическую партию и первый социалистический профсоюз, Всеобщий союз рабочих (ВПР). До 1909 года, несмотря на закон о свободе объединений 1887 года, который разрешил создание профсоюзов, социалистическое движение представляло собой лишь гильдию печатников во главе с Иглесиасом, которые пытались «улучшить условия труда» для членов своей организации. Помимо Мадрида, только Бискайя и Астурия и, в меньшей степени, Каталония хоть как-то отреагировали на появление организации Иглесиаса, который заслужил репутацию человека честного и искренне сочувствующего рабочим.

Одновременно с движением анархистов социалистическая партия и рабочий профсоюз изменили свою политику после Трагической недели, озаботились установлением контактов с другими рабочими и политическими организациями. Эта тактика принесла им место в парламенте на всеобщих выборах 1910 года. Численность партии и профсоюза стремительно росла, пополняли

их в основном рабочие из столицы, Бискайи и Астурии. Политика сотрудничества с республиканцами также способствовала движению в сторону парламентского социализма, особенно с появлением таких интеллектуалов, как профессор Хулиан Бестейро, и умеренных, вроде «политического реалиста» Индалесио Прието.

В целом многообразие реакций на экономические вызовы начала века можно свести к различиям в нормах землевладения, в условиях урбанизации и индустриализации, в темпах роста, усугубленных импортом социалистических и анархических идей из-за рубежа; кроме того, к характерам отдельных людей и к тому, каким образом воспринимали недовольство рабочих работодатели, землевладельцы и государство. Испания заключала в себе великое разнообразие регионов и людей, которые постоянно прибегали к жестокой конфронтации как к единственному приемлемому способу разрешения противоречий. Структурные, социальные и экономические изменения первых десятилетий XX века едва ли способствовали улаживанию этих проблем. Вдобавок нацию потрясла потеря в 1898 году последних заграничных владений — Кубы, Пуэрто-Рико и Филиппин — в позорной войне с

Соединенными Штатами Америки.

Долгий кризис (1917)

Первая мировая война оказалась хорошим стимулом для испанской промышленности, которая снабжала товарами обе соперничающие стороны. Рост объемов экспорта привел к повышению розничных цен на местном рынке, а доходы малообеспеченных свела на нет усиливающаяся инфляция. Затем случился внезапный крах экспорта вкупе с накоплением товарных запасов — в связи с немецкой блокадой Северной Атлантики с 1 февраля 1917 года; сиюминутный успех обернулся рецессией и общим недовольством. Прибыль, полученную от экспортных операций, благополучно растратили (вместо того чтобы инвестировать), и с началом рецессии испанские компании поспешили к государству за субсидиями. Однако государство само находилось, так сказать, не в лучшей форме: с 1912 года Испания вела войну с Марокко, которая легла бременем на казну, а попытка ввести «налог на доходы от нейтралитета» завершилась провалом вследствие хорошо организованной кампании, которую возглавлял Камбьо. Страна с изумлением осознала, что стабильность реставрации

— мнимая. В отличие от Трагической недели 1909 года, когда армия подавляла мятеж, 1 июня 1917 года армейские подразделения фактически взбунтовались против государства.

Политическая формула Кановаса дель Кастильо, основа конституции 30 июня 1876 года, выработала свой ресурс, ведь она опиралась на двух «китов» — развитие и стабильность. На местах все выглядело так, будто страна вот-вот изберет новую политику, способную обеспечить единство нации и всеобщее участие в восстановлении экономики. В начале лета 1917 года, в разгар экономического спада, Испания узнала о русской революции и о вступлении США в войну; вдобавок разгорелся теоретический спор относительно того, какой европейской модели Испании нужно следовать, чтобы догнать другие европейские страны. Рабочие кружки, военные хунты, политические движения и промышленная и торговая буржуазия заигрывали друг с другом под лозунгом сопротивления олигархам. Каталонская промышленная и торговая элита винила во всех бедах страны землевладельческую и финансовую группировку из центра и препятствовала попыткам ввести «налог на доходы от нейтралитета», утверждая, что это атака

Кастилии на каталонские свободы.

АРМИЯ СПЕШИТ НА ПОМОЩЬ: КОНСЕРВАТИВНЫЙ КАТАЛОНИЗМ

Перспективы коалиции сил были весьма туманными. Если подобное желание и вправду имело место, всеобщая забастовка 13 августа исключила армию из числа потенциальных союзников; военных примкнули к своим «историческим» партнерам, короне и правительству. Вожаков забастовки арестовали, а солдаты за какие-то десять дней подавили все очаги недовольства. Каталонские парламентарии, которые заседали в ратуше Барселоны с 5 июля, когда были распущены кортесы, не теряли времени и объявили, что никак не связаны с рабочими.

Главная потеря кризиса 1917 года — утрата принципа смены власти, когда либералы и консерваторы чередовались у кормила, наследуя друг другу. Альянс землевладельцев и торговой буржуазии периода реставрации призван был учесть новые экономические интересы и восстановить социальный и экономический статус армии. Среди армейских чинов наибольшее недовольство выражали офицеры среднего ранга, полковники и майоры, чей доход сильно постра-

дал от инфляции; однако, как они заявляли в свою защиту, реальной причиной была уязвленная гордость — ведь армия проиграла колониальную войну не в последнюю очередь из-за отсутствия поддержки государства. Так как власть очевидно пренебрегала их интересами, они решили взять ее в свои руки. Когда всеобщая забастовка завершилась, армия, на основании полномочий ее верховного главнокомандующего Альфонсо XIII, начала фактически управлять страной.

Каталонские парламентарии, промышленная и торговая буржуазия Барселоны и Региональная лига Прата были одинаково напуганы возможностью революции, так что всех их можно было легко привлечь на свою сторону, пообещав те или иные значимые должности. Камбьо, лидер каталанистов в Мадриде, настаивал на политической реформе и согласился подписать «секретный пакт», по которому (согласно Джеральду Бренану) Кастилия становилась экономическим данником Каталонии, тогда как Каталония оставалась политическим данником Кастилии. Этот пакт был воспринят как провал Лиги и питал республиканский радикализм, который утвердился в политике Каталонии в 1930-х годах. В последующие пять лет центральному правительству

приходилось учитывать не только позицию армии, но и мнение Каталонии, пока политический истеблишмент пытался возродить хотя бы видимость монархически-парламентского правления.

Армия и каталонская буржуазия с ее экономическими интересами и политическими устремлениями нашли общий язык, однако это не означало, что порядок удалось навести по всей стране. Лидеры старого режима (Маура, Романорес, Камбьо), даже при поддержке короны и армии, не могли сформировать жизнеспособное правительство. Тем временем реформисты и радикальные республиканцы, социалисты и рабочие кружки отказывались подчиняться альянсу консервативных интересов и политиков-реставраторов, пренебрегающему конституцией. Воинственность рабочих нарастала, ведь условия жизни ухудшались, а заработная плата сокращалась из-за послевоенной рецессии, охватившей все районы страны. Рабочие объединялись в профсоюзы, особенно их привлекала Национальная конфедерация труда, которая к 1919 году имела 700 000 членов, более чем втрое превосходя численностью второй по значимости профсоюз, ряды которого также возросли втрое. Именно

тогда социализм начал завоевывать сторонников среди сельскохозяйственных рабочих юга, которые прежде хранили верность анархо-синдикализму.

«МУТНЫЕ ГОДЫ» (1917-1923) И АФРИКАНСКИЕ БЕДЫ

Годы после 1917-го — один из наиболее конфликтных периодов в истории Испании. Этот конфликт охватил всю страну, и сравнить его можно разве что с гражданской войной 1930-х годов. Политическая власть в Мадриде ослабла из-за череды кризисов. В Андалусии крестьяне восстали против крупных землевладельцев и захватывали их земли; это так называемое «большевистское трехлетие» (1918-1921). В Барселоне в 1919 году забастовка работников «Канадьенсе» (канадской электрической компании в Каталонии) ознаменовала четыре года политического террора с 700 жертв, среди которых были премьер-министр Дато и Сальвадор Сега, умеренный профсоюзный лидер, пытавшийся утихомирить наиболее жестоких каталонских анархистов. Улицы Барселоны стали театром военных действий между профсоюзами и отрядами федерации работодателей, между бастующими и штрейкбрехерами.

Даже армия не могла восстановить закон и порядок, поскольку вела чрезвычайно дорогостоящую и непопулярную войну против племен рифов. Испания приняла протекторат над Марокко от Британии в 1912 году, чтобы помешать Франции захватить все побережье. С самого начала общественное мнение было против этого «колониального авантюризма», который истощал казну и отбирал жизни испанских солдат, что гибли во имя личных интересов ряда политиков и амбиций высших военных чинов. В самый разгар внутренних столкновений, всего через 23 года после уничтожения испанского флота в тщетной попытке спасти империю, пришла весть о военной катастрофе, которая потрясла нацию. Двадцать первого июля 1921 года генерал Сильвестре, его штаб и около 14 000 солдат погибли при Аннуале во время панического бегства от уступавших им численностью мавританских племен под командованием Абд аль-Кри-ма. Почти 7000 солдат ожидала та же участь, когда мавританцы окружили крепость Монте-Арруит. Город Мелилья единственный удалось спасти от разрушения. Легко представить, насколько элита страны погрязла во взаимных обвинениях, перекладывая друг на друга ответственность за

крах армии и Испании в целом.

Дон Мигель Примо де Ривера: «железный врач»

Общественное мнение требовало тщательного расследования обстоятельств катастрофы, угрожавшей погубить не только армию, но и саму корону; отовсюду сыпались обвинения в коррупции, дурном управлении и фаворитизме. Тринадцатого сентября генерал-капитан Каталонии дон Мигель Примо де Ривера, при полной поддержке каталонской буржуазии и с согласия Альфонсо XIII, объявил себя главой «военного директората», готового спасти страну от «махинаций продажных политиков». Мнимая стабильность реставрации рухнула, как карточный домик, и никто не осмелился подать голоса в его защиту. Символично, что дон Мигель засвидетельствовал гибель системы, которую помог ввести в декабре 1874 года его дядя дон Фернандо, капитан-генерал Новой Кастилии.

Страна, включая старую политическую элиту, вероятно, вздохнула с облегчением, ибо сложно было вообразить, что дела могут пойти хуже, чем в прежние годы (1902-1923, тридцать три кабинета). От Примо де Риверы ждали авторитарного

руководства, необходимого для восстановления порядка и возврата Испании на путь прогресса. Желание видеть во главе государства сильную личность, «железного врача», который искоренит политическую фракционность и экономическую корысть, витало в воздухе с времени сокрушительной катастрофы 1898 года. Дон Мигель был смел и независим в суждениях, отличался прямотой и рыцарским духом, что располагало к нему людей. Даже его ночные похождения многим пришлись по душе, люди поговаривали, что и сами не прочь поразвлечься, будь у них власть и положение их кумира.

Первые годы его правления были вполне успешными. Экономический подъем 1920-х годов принес относительное процветание и промышленный рост, который помог восстановить финансовое положение государства и даже провести кое-какие общественные работы. При участии иностранного капитала основывались крупные компании, напоминая о прежних десятилетиях монополизма и иностранного господства в ведущих отраслях производства — производстве электроэнергии, городском строительстве и добыче полезных ископаемых. Социальный климат также сильно улучшился.

Несмотря на рекордный рост численности населения и рекордные темпы миграции из сельской местности, условия проживания рабочих становились лучше. Примо де Ривера восстановил ряд социальных законов последних лет реставрации, чтобы уговорить профсоюз социалистов заключить «общественный договор», преследуя в то же время по всей строгости закона анархо-синдикалистов. Лидер социалистического профсоюза Ларго Кабальеро сотрудничал с диктатором при учреждении обязательного арбитражного совета и паритетных комитетов.

Сотрудничество социалистов с «государством интервентов» Примо де Риверы стало возможным, когда наиболее воинственно настроенные члены движения в 1922 году откололись, чтобы организовать коммунистическую партию, которая опиралась на промышленный Север и Левант. Профсоюз социалистов также рассорился с Национальной федерацией рабочих (1920). Сотрудничество Ларго Кабальеро с властью привело к обвинениям в предательстве со стороны НФР и сделало невозможным какое-либо сотрудничество двух основных профсоюзов в будущем. Что неудивительно, поскольку НФР считала, что социалистический профсоюз недостойными ме-

тодами пытается расширить свое влияние среди рабочих. В любом случае, «социальная хирургия» дона Мигеля, как и большинство его несмелых и непродуманных политических и экономических реформ, носила локальный характер: социальное законодательство не распространялось на сельскую местность, а гораздо более важные проблемы полностью упустили из вида.

Бесполезность и претенциозность «силового решения» проблем власти начали проявляться в 1926 году. Без значительных структурных изменений в государственной политике, без реорганизации бюджета общественные работы, которым увлекся Примо де Ривера, вызвали брожение в народе, глубоко погрязшем в долгах. Никакие регулирующие органы в основных отраслях промышленности не могли разрешить противоречие между целями и средствами. Политика замещения импорта и национализация бензозаправок в 1927 году отпугнули иностранный капитал, который начал покидать страну. Жесточайшая девальвация песеты способствовала инфляции и привела к безработице и общему ухудшению стандартов жизни. Число забастовок и демонстраций вновь начало расти. В 1929 году социалистический профсоюз отказался сотруд-

ничать с властями.

Непрофессионализм дона Мигеля, его хаотичная личная жизнь и властные и деспотичные манеры не добавляли ему популярности, а старые друзья постепенно отворачивались. Политические лидеры периода реставрации начали возмущаться своим изгнанием из политики. Каталонские консерваторы, которые помогли Примо де Ривере прийти к власти, сильно разочаровались, когда диктатор распустил в 1924 году Манкомунитат (автономное правительство) и запретил использовать каталонский флаг, говорить на каталанском языке и танцевать сардану. Он также восстановил против себя интеллектуалов и университетские общественные организации. Последней каплей стало то, что «железный врач», слишком самонадеянный после победы в войне с Марокко над Абд-аль-Кримом в Алюсемасе в 1926 году, решил реформировать артиллерийские подразделения и осмелился покуситься на «гармонию военной семьи». 26 января 1930 года, не посоветовавшись с королем, он обратился за поддержкой напрямую к генералам, но получил холодный и равнодушный ответ. 30 января он подал королю прошение об отставке, и Альфонсо XIII с радостью согласился, поскольку опасался,

что ветер недовольства эксцентричным и высокомерным диктатором заодно сдует и монархию. Дон Мигель уехал в Париж, где и умер несколько месяцев спустя, как говорят, от горя. Парадоры, гостиницы в исторических зданиях, разбросанные в живописнейших местах по всей Испании — наследие Примо де Риверы. До настоящего времени старшее поколение вспоминает его с ностальгией как единственного правителя, который заставил поезда в Испании ходить по расписанию.

ТРЕТЬЯ НЕУДАЧА БУРБОНОВ

После двух безуспешных попыток генерала Дамасо Беренгера и адмирала Хуана Баптисты Аснара восстановить статус-кво, каким тот был до правления Примо де Риверы, Альфонсо XIII пришлось освободить трон после городских выборов 14 апреля 1931 года. Он взошел на трон в 1902 году и во время долгого правления приобрел репутацию самодура, питающего склонность к абсолютизму и к участию в рискованных деловых предприятиях. Так как конфликты и противоречия в стране усиливались, монарх не чувствовал себя в безопасности. В недавней работе утверждается, что переворот Примо де Риверы 1923 года, возможно, организовали, чтобы уберечь армию и корону от расследования катастрофы

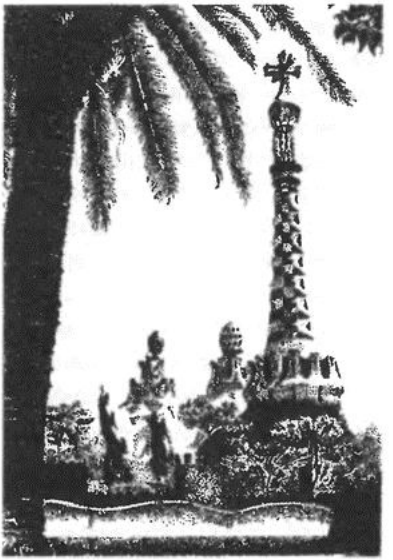
в Марокко. В отличие от своего отца Альфонсо XII, который был ревностным защитником армейских привилегий, Альфонсо XIII не слишком ценил армию, предпочитая той политическую элиту (которая, как известно, опора ненадежная). Принятие отставки Примо де Риверы и открытое пренебрежение мнением парламентариев и конституционных политиков стоили монарху их поддержки. К 1931 году, кроме горстки людей — несколько известных политиков и высших чинов армии, — никто не поддерживал короля, который откровенно не уважал конституцию и не щадил чувств военных.

Второй республиканский эксперимент в Испании

Бегство короля вечером 14 апреля 1931 года, когда стали известны первые результаты выборов, подтвердило худшие опасения. Оказываясь в затруднительном положении, Бурбоны демонстрировали готовность спасаться бегством, защищая собственную жизнь, и бросали свои владения на произвол судьбы. Как и в 1868 году, ведущие силы страны сочли возможным пожертвовать монархом, чтобы утихомирить республиканцев и убрать возбужденные толпы с городских улиц. Отказ военных вмешаться в ситуацию в значительной степени объясняет, как появилась на свет Вторая испанская республика. Современный британский исследователь Г. У. Бакли назвал это ход «отрицательным решением». Однако «отказ» истеблишмента был сродни политическому локауту, в традициях классической Персии, когда за смертью правителя следовали несколько дней полной анархии, чтобы подданные увидели спасителя в новом обладателе власти. Между тем «безвластие» требовало хоть каких-то мер по восстановлению порядка. Дон Мигель Маура,

перекинувшийся в республиканца сын ведущего консервативного политика первой четверти века, создал Временное республиканское правительство, пока Альфонсо XIII добирался до Картахены, чтобы отплыть в Лондон.

Так Испания начала второй республиканский эксперимент, который оказался ничуть не лучше первого, с его суматохой и насилием, который провели вослед «Славной революции» 1868 года. Чтобы доказать свою жизнеспособность, новая республика, la nica bonita («прекрасное дитя»), должна была создать абсолютно новую структуру власти. Пусть король бежал, однако институт монархии гораздо больше конкретной личности, это была основа экономической и политической структуры общества. Очень быстро «жизненные силы» нации оправились от первоначального смятения, перегруппировались и заняли свои «естественные» места в обществе. Нация рассчитывала на итоговое возвращение короны, как происходило в 1814 и 1875 годах. По словам главы Временного правительства дона Нисето Алькала Саморы, «идеальная республика есть монархия без короля».



Парк Гюэль, творение Гауди в Барселоне

Реакционные силы цеплялись за любой повод, чтобы выразить недовольство или возмутиться; даже полное бездействие Временного правительства не могло предотвратить столкновений со старым режимом. Чтобы провести хотя бы наиболее насущные реформы, новой политической элите пришлось поколебать фундамент испанского общества и столкнуться с теми, кто был

готов действовать на опережение против любых попыток «отрицать прошлое». Как отмечал один видный республиканец, новое правительство могло утешаться тем фактом, что пришло к власти не в результате очередного militarada (военного переворота). Однако слишком рано взывать к общественному согласию, пока в стране не сформированы новые органы управления.

В тот самый день, когда страна радовалась, исполненная надежд и ожиданий по поводу la nica bonita, произошло событие, которое обнажило всю сомнительность союза, пусть даже временного, антимонархических сил. Компанис поднял республиканский триколор на балконе мэрии Барселоны, а Масия, лидер ликующих левых (la esquerra), объявил Каталонию автономным государством в составе Иберийской федерации. Восемнадцатого апреля сразу три министра бросились в столицу Каталонии, чтобы заставить Масию отменить объявление автономии и заставить его принять условия, принятые республиканским комитетом в Сан-Себастьяне 17 августа 1930 года — то есть вынести предложение об автономии на референдум, а затем добиться ратификации решения национальным парламентом.

ЦЕРКОВЬ, АГРАРНАЯ РЕФОРМА, МЕСТНАЯ АВТОНОМИЯ И ОБРАЗОВАНИЕ

Шумиха по поводу региональных амбиций еще не улеглась (точнее, эти проблемы предпочли замолчать, чтобы не разрушать республиканскую коалицию), когда на повестке дня оказался старый и по-прежнему больной вопрос, настоящее испытание для неопытных политиков левого крыла и центра, вызов, заставивший задуматься о новых целях и средствах их достижения. Временное правительство внезапно узрело перед собой, образно выражаясь, стяг традиций и веры и услышало боевой клич: «Бог, страна и король!» Отношения с церковью не могли быть простыми, особенно в контексте довольно опрометчивых посулов, обещавших народу свободу вероисповедания и светское образование. Первого мая 1931 года кардинал Сегура, архиепископ Толедо и примас Испании, недвусмысленно высказался относительно Второй республики, фактически озвучив позицию церкви. Дон Фернандо де лос Риос, социалистический министр юстиции, счел выступление кардинала объявлением войны.

Десятого мая клуб монархистов в Мадриде провел собрание, на котором присутствовали многие представители прежней элиты; они не

стеснялись в выражениях, характеризуя новую власть, и в открытую говорили о необходимости вернуть на трон Альфонсо XIII. Народ откликнулся протестами, которые переросли в массовые беспорядки, по всему полуострову поджигали соборы и церкви, в убеждении, что «традиционалистская скверна» исходит именно оттуда; говорили, что эти поджоги спровоцировали сами традиционалисты, чтобы напугать клириков. Отношения церкви и государства ухудшились сильнее прежнего с обнародованием планов по изъятию из школ святых образов, исключению религии из образовательного процесса, «обезцерковливанию» кладбищ, узакониванию разводов, запрещению таких празднований, как пасхальный карнавал в Севилье, отмене субсидий монашеским орденам и изгнанию иезуитов (очередному) из Испании. Жаркое лето 1931 года достигло точки кипения 8 октября, когда парламент продолжил дебаты по умалению роли церкви в республиканской Испании. Неделя после этой дискуссии показала, до какой степени разгорелись страсти. Церковный вопрос оказался проверкой эффективности нового режима: на кону стояло влияние на общество, прежде всего на молодежь. Католики требовали не больше и

не меньше чем полного восстановления религиозного государства. Новый парламент принялся толковать конституцию, пытаясь угодить всем, а вот коалиционное правительство не выдержало напряжения.

Ранним утром 14 октября, сразу после завершения парламентских дебатов по вопросам религии, Алькала Самора, глава правительства, и Маура, министр внутренних дел, заявили о своем уходе; аграрии и блок депутатов от Страны басков и Наварры объявили о временном неучастии в работе парламента; радикалы Леру, которые воздержались при обсуждении религиозных вопросов, предпочли отстраниться от неловкого альянса с социалистами и республиканцами Асаньи. Вторая крупнейшая фракция парламента (89 мест против 117 у социалистов из общих 470), радикалы, отказалась продолжать сотрудничество с Асаньей в формировании правительства на том основании, что они не могут смириться с деятельностью социалистов. Асанья был опытным политиком и выдающимся литератором, имел сильное влияние в кругах интеллектуалов и профессионалов, однако его собственная парламентская группа (Accion Respublicana) смогла собрать всего 27 голосов. Поддержка ведущих

интеллектуалов страны, организованная при помощи «Объединения во имя республики», которое в кортесах представляли Хосе Ортега-и-Гассет и Мигель де Унамуно, также слабела на глазах. Надежды на демократическое возрождение Испании разбивались суматохой парламентских дискуссий.

Всеобщие выборы 28 июля 1931 года обеспечили республиканцам более уверенную победу, чем городское голосование 14 апреля, однако выход радикалов из парламентской коалиции в декабре кардинально ослабил левых, и о принятии сколько-нибудь прогрессивных законов уже не приходилось помышлять.

Следующей, по всем меркам, наиболее значимой проблемой, не столько сиюминутного, сколько, так сказать, глобального значения, представлялась модернизация сельского хозяйства и наведение хотя бы подобия порядка в сельской местности. За предыдущие сотни лет не произошло никаких существенных улучшений ни в типах выращиваемых культур и систем возделывания почвы, ни в условиях землевладения и землепользования. Благодаря этой косной структуре сельскохозяйственная Испания продолжала страдать то от недорода, то от перепроизводства.

Засуха 1930 года уничтожила урожай оливок, оставив провинции наподобие Хаэна в полной нищете. Неожиданно высокий урожай злаков в 1932-м, а также урожай 1934 года, с другой стороны, обрушили цены на пшеницу, фактически разорив мелких собственников, пайщиков и арендаторов Старой Кастилии.

Мировая рецессия вслед за финансовым кризисом на Уоллстрит в 1929 году усугубила положение. Традиционные покупатели испанских продуктов из Леванта (Британия и Франция) ввели квоты на импорт и протекционистские тарифы. Безработица росла, особенно на юге, прежде всего среди молодежи, из-за высокой рождаемости и ограничений внутренней миграции.

Ситуация в 1931-1932 годах для аграрной реформы была менее благоприятной, чем когда-либо, даже с учетом заинтересованности тех, кто претендовал на искреннее желание наконец сделать сельское хозяйство Испании конкурентоспособным. Технических проблем хватало: требовалось охватить реформой все многообразие природных и социальных условий в различных регионах страны. Комментаторы рассуждали о невозможности единого закона для всей страны и выражали озабоченность по поводу однобокости

намеченной реформы, которая, такое создавалось впечатление, затрагивала преимущественно южные латифундии (Андалусия, Эстремадура, Ла-Манча, Саламанка и Толедо). Там ситуация и вправду находилась на грани катастрофы — миллион безземельных крестьян жил впроголодь, — однако это было вовсе не уникальное явление. Как бы то ни было, даже программа-минимум не получила одобрения парламента, еще на стадии рассмотрения в комитетах.

Тот баланс парламентских фракций, о котором говорилось выше, оказался подорван небольшой, но весьма активной группой депутатов-аграриев, утверждавших, и не без оснований, что те, кто на словах ратует за справедливость и модернизацию сельской местности, на самом деле не спешат поддерживать законопроект. На этом негативном фоне, изобилующем юридическими и политическими осложнениями, и начались решающие дебаты в середине марта 1932 года.

Как будто этого не было достаточно, чтобы воспрепятствовать проведению аграрной реформы, парламенту пришлось обсуждать декларацию об автономии Каталонии, в соответствии с третьей статьей конституции, которая называла Испанию «единым государством, имеющим го-

родские и региональные автономии». В отличие от аграрной реформы, которую поддерживали в обществе, пусть и недостаточно активно, автономию гневно клеймили не только большинство депутатов, но и ведущие интеллектуалы страны (например, Унамуно и Ортега-и-Гассет, которые вернулись в парламент как члены социалистической партии). Конфликт из-за двух этих законопроектов стал серьезным препятствием на пути к общественному согласию.

Парламентские дискуссии заняли все лето 1932 года. Если бы не восстание генерала Санхурхо 10 августа, эти два законопроекта, принципиально важных для правительства, могли бы никогда не воплотиться в жизнь. Неудавшийся переворот заставил правительство действовать. Премьер-министр Асанья воспользовался мятежом как поводом осуществить реформы; 9 сентября оба законопроекта были приняты, а Асанья признался, что действия генерала Санхурхо позволили приступить к проведению аграрной реформы. Около 90 000 гектаров земли конфисковали у землевладельцев-аристократов, участвовавших в перевороте. В этом смысле реформа оказалась лишь наказанием для двадцати семи грандов, поддержавших Санхурхо.

В сфере образования республиканской администрации удалось добиться значительных изменений. Бюджетные расходы на образование удвоились в 1931-1932 годах. Число учителей росло на 5000 человек за год, их жалование существенно повысилось. Вообще культурные и образовательные достижения этого периода превзошли все ожидания. Число детей, посещающих школу, к примеру, выросло с 40% в 1931 году до 55% в 1932 году; школы появились в самых бедных и отдаленных уголках страны. Федерико Гарсия Лорка (1898-1936), поэт и драматург, популяризировал испанский классический театр по всему полуострову с группой бродячих актеров «Ла Баррака».

Однако намеченная цель — всеобщая грамотность и вытеснение церкви из сферы образования — оказалась недостижимой. Стране требовалось около 30 000 новых школ, но построено было в 1931-1933 годах всего 6000. Юг Испании вновь оказался на периферии реформ; его населению, лишенному всяких духовных и физических стимулов, приходилось выживать в нечеловеческих условиях. На юге уровень неграмотности составлял 44% от общего населения. Двадцать лет спустя, в 1950 году, в Хаэне насчитывалось 36,9%

неграмотных, а самый низкий уровень по Эстремадуре и Ла-Манче отмечался в Толедо — 25,4%.

1933—1934 годы: на переломе

Люди, которые уповали на перемены, постепенно все больше разочаровывались, и разочарование прорывалось демонстрациями, забастовками и захватом земель. Со своей стороны, имущие классы, пусть их богатство и привилегии серьезно не пострадали, из страха перед народными возмущениями отказывались предоставлять земли для обработки, прерывали ирригационные работы, оплаченные налогоплательщиками, отвергали сотрудничество с правительством и преследовали рабочих, состоявших в профсоюзах. Напряжение в обществе, вкупе с ухудшающейся экономической ситуацией, рекордным уровнем безработицы и событиями за рубежом (Великая депрессия и подъем фашизма) сделали 1933 год самым противоречивым за весь республиканский период. Число забастовок вдвое превысило уровень 1932 года, многие из них переросли в анархо-синдикалистские восстания, особенно в наиболее пострадавших отраслях экономики — сельском хозяйстве, горнодобывающей промышленности и строительстве. Кровопролитные столкновения между рабочими и гражданской

гвардией стали обычным явлением. Правительство, обеспокоенное соблюдением законов и наведением порядка, фактически оказалось заложником тех, чьи голоса привели его к власти, и не имело ни минуты покоя, чтобы оценить обстановку. Оно лишь реагировало на события и с самого начала управляло на основании чрезвычайных полномочий, тем самым провоцируя конфронтацию. К лету 1933 года доверие к правительству со стороны рабочих организаций чрезвычайно ослабело.

Одно из множества жестоких столкновений между рабочими и полицией завершилось расстрелом в Касас-Вьехасе (Кадис) 12 января 1932 года. Локальный всплеск недовольства в Андалусии обернулся бойней и гибелью двадцати одного крестьянина. В этом «акте государственного терроризма» обвинили Асанью; в конце концов, именно собственные воинские подразделения республики, созданные в пику гражданской гвардии для поддержания закона и порядка, похоже, изрядно превысили свои полномочия. Если в первые месяцы республики анархо-синдикалисты поддерживали правительственную коалицию, теперь они перешли в открытую оппозицию. Анархистов возглавляла Иберийская федерация,

которая ратовала за чистоту рядов движения и революционную борьбу; ее опорой были Барселона и Сарагоса, а также она имела влияние в Леванте, Малаге и в нижнем течении Гвадалкивира.

Обширные территории южной Испании создавали профсоюзы, в которых видели подходящий инструмент для того, чтобы добиться социальной справедливости и перераспределения земель. Национальная федерация работников земли, созданная в 1931 году, имела полмиллиона членов к июлю 1933 года; она присоединилась к социалистическому профсоюзу, и ее сторонники составили почти половину нового образования. Наплыв безземельных и разочарованных происходящим крестьян с юга привел к радикализации как профсоюза, так и социалистической партии. Двадцать третьего июля лидер социалистического профсоюза Ларго Кабальеро, выступая перед активистами молодежного социалистического движения, заявил, что его надежды на реформы оказались иллюзиями и рассыпались в пыль из-за усугубления социальных конфликтов: социалистических целей нельзя достичь в рамках буржуазной демократии.

ИСПАНСКАЯ КОНФЕДЕРАЦИЯ ПО ПРАВАМ АВТОНОМИЙ (СЕДА)

Конфедерация СЕДА возникла в пору нарастания воинственности рабочих организаций. Эти организации с их требованиями стали отражением разочарования в правительстве, которое продолжало обещать «небеса в алмазах»; а конфедерация стала ответом на угрозу «социалистической» республике. Главными движущими силами ее выступали католики и землевладельцы. Выше неоднократно упоминалось, что традиционное сельское хозяйство Испании развивалось от кризиса к кризису; начало 1930-х годов также совпало с очередным кризисным периодом. Весной 1931 года Временное правительство, с социалистами Ларго Кабальеро как министром труда и Фернандо де лос Риосом как министром юстиции, опубликовало ряд декретов, которые впервые в испанской истории защищали не богатых и могущественных, а бедных и угнетенных. Эти декреты провозглашали значительные улучшения условий труда и повышение заработной платы сельскохозяйственных работников. Однако из этого следовал рост стоимости рабочей силы в период снижения цен, особенно в 1932 году, когда собрали рекордный урожай зерновых — сразу после существенных закупок за рубежом. В этом промахе обвинили тогдашнего министра сель-

ского хозяйства Марселино Доминго.

Идея новой «избирательной организации социальной защиты» пришла в голову священнику Анхелю Эррере. Ввиду разногласий среди монархических групп важно было создать ядро сопротивления, способное бороться за победу на выборах. Призыв Эрреры собрал многочисленных сторонников. Аграрные, карлистские, монархические, рабочие и католические организации встали на защиту церкви и социально-экономического статус-кво. Хосе Мария Хиль Роблес, молодой юрист, потомок карлистов из Саламанки и протеже Эрреры, был лидером организации с момента ее возникновения в апреле 1931 года. Ватикан объявил о своей поддержке движения. В марте 1933 года СЕДА, на своем первом общенациональном конгрессе, признала руководящую роль римской церкви во всех политических и религиозных вопросах.

Всеобщие выборы 19 ноября 1933 года привели к власти новую коалицию, от центристов до крайне правых. Коалиция опиралась на Радикальную партию, лидер которой Алехандро Леру 18 декабря объявил правительство почти исключительно радикальным. Однако численность по избирательным спискам была обманчивой:

победе радикалы во многом были обязаны предвыборными соглашениями с СЕДА, которая являлась крупнейшей парламентской фракцией. В предыдущие два года радикалы успешно шантажировали социал-республиканскую коалицию. Теперь они сами оказались в том же положении, а СЕДА выступала кукловодом. Радикалам в правительстве приходилось проводить экстремально реакционную политику, чтобы сохранить брак по расчету с СЕДА, однако, поступая таким образом, они отпугнули значительную долю собственных сторонников.

В свою очередь, несмотря на заявление, в первой же парламентской речи, что СЕДА занялась политикой не для того, чтобы защищать конкретную форму правления, а чтобы следить за «содержанием» любой формы государственного устройства, Хиль Роблес очевидно более всего интересовался собственной карьерой. За два года, пока ветер реакции сметал те скромные достижения, которых добилось предыдущие правительства, Хиль Роблес загнал оппозицию в угол, играя в кошки-мышки с Леру. Результатом стали одиннадцать перетасовок кабинета за два года. СЕДА то входила в коалицию, то выходила из нее — например, отказалась поддержать

требование отставки кабинета и президента Алькалы Саморы, который медлил одобрить амнистию участников заговора августа 1932 года, равно как и в случаях решения о смертной казни семнадцати астурийских горняков и попытки провести мягкую налоговую реформу (в стране, где богачей старались не трогать).

Тем временем законодательство лишилось хотя бы намеков на прогрессивные перемены. В декабре 1933 года крестьян Эстремадуры изгнали из имений, которые они заняли годом ранее; закон о городских границах, гарантировавший приоритет местного населения перед приезжими в сфере занятости, был отменен в мае 1934 года. (Вискон де Эса писал, что 150 000 семей южной Испании не имели в ту пору самого необходимого для жизни.) Автономию Каталонии урезали новым законом о предоставлении виноградарям возможности выкупать земли, находящиеся в аренде, после нескольких лет возделывания. Автономию басков, которую одобрило почти подавляющее большинство в Бискайе и Гипускоа, снова отложили — до проведения плебисцита в несогласной провинции Алава. А министр внутренних дел Саласар Алонсо, действуя с «превентивной брутальностью» (выражение

Пола Престона), вытеснял социалистов и членов профсоюзов из городских советов и местных организаций. Всеобщая забастовка, которую начала Национальная федерация работников земли в июне 1934 года, была жестоко подавлена, а саму федерацию распустили. Любое сходство с «социальным католицизмом», которое присутствовало в ранних программах СЕДА, благополучно отринули. Слова министра сельского хозяйства СЕДА Хименеса Фернандеса, который обронил намек на создание слоя имущего крестьянства в духе социальных программ церкви, вызвали комментарий депутата-агрария: мол, если бы римские клирики попытались забрать его земли, он бы стал еретиком. «Сложно писать спокойно о катастрофическом дефиците ответственности, который правящие классы демонстрировали в критический период», — отметил британский журналист в статье, напечатанной в Мадриде.

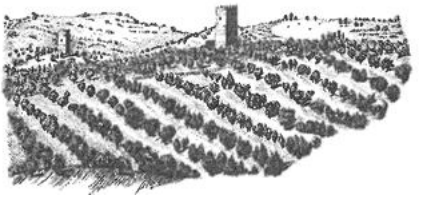
ВОССТАНИЕ В АСТУРИИ

К октябрю 1934 года рабочий класс оказался доведенным до крайнего отчаяния. При этом рабочие опасались худшего, если СЕДА действительно сформирует свое правительство. Эта вероятность вызвала волну протестов по всей стране. Всеобщая забастовка, начатая социали-

стическим профсоюзом и социалистической партией, очень быстро завершилась; Каталония тем временем пыталась расширить свою автономию в качестве независимого государства в составе Иберийской федерации; а в Астурии горняки подняли оружие против властей. Ситуация в Астурии была достаточно серьезной, чтобы последовало решение о переброске армейских подразделений из Марокко в Хихон, а во главе этого отряда поставили весьма компетентного и преданного молодого офицера, дона Франсиско Франко. Расправа с мятежниками подтвердила опасения рабочих. Военный министр Хиль Роблес безжалостно искоренял любые признаки смуты. Даже Асанья, который никаким образом не участвовал в протестах, подвергся гонениям и преследованию в стремлении уничтожить остатки оппозиции.

Бунт в Астурии, возможно, был явлением локальным, однако он продемонстрировал, что власть не в состоянии утвердиться без помощи армии — и тем самым предвозвестил 1936 год и трехлетие гражданской войны, которую затеяла реакционная Испания, намереваясь повернуть время вспять. Рабочие организации и левые республиканцы под давлением обстоятельств за-

ключили предвыборный альянс. Асанья, который благодаря кампании властей по его очернению приобрел значительный политический вес, первым осознал, что глупо идти в сельскую местность по отдельности, и с ноября 1933 года принялся усердно добиваться объединения демократических сил во имя победы на предстоящих выборах.



ГЛАВА 7
Гражданская война и ее последствия

Всеобщие выборы 16 января 1936 года и Народный фронт

Широкий предвыборный альянс, сколоченный Асаньей, принес победу на выборах левым. Социалисты снова образовали в кортесах большинство, занимая при этом чуть меньше четверти мест в парламенте; с каталонскими левыми, республиканцами и республиканским союзом они составили абсолютное большинство с Асаньей во главе. Девятнадцатого января было сформировано республиканское правительство (исполком социалистической партии заранее объявил, что социалисты в кабинет не войдут). Увы, без социалистов никакая коалиция не могла удержаться у власти надолго.

В оппозиции доминировали крайне правые (СЕДА), вторые по числу мест в парламенте, но без поддержки радикалов. На самом деле одной из любопытных особенностей этих выборов было полное отсутствие «середины», если считать таковой позицию партии радикалов, пусть ее бессменный лидер, прожженный хитрец Леру, вернулся в кортесы. Растущая поляризация политических сил страны, наряду с системой

выборов, которая во многом благоволила коалиции, расширила идеологическую пропасть в законодательном органе. Симпатии избирателей делились примерно поровну: из 72% голосовавших (значительно больше, чем в 1933 году) 67% отдали свои голоса двум альянсам, крайне правым и умеренным левым, причем разница в результата блоков составила всего 1%. До сих пор ведутся споры о важности последних всеобщих выборов перед гражданской войной и о влиянии системы выборов на политический коллапс Испании, однако историю не перепишешь: как говорится, кости были брошены, страна стремительно катилась к насилию и хаосу.

Политические амбиции и личная вражда играли значительную роль в испанской политике. Институционализация политического процесса только начиналась: в стране еще не было официально оформленных политических партий, которые являлись бы полноправными участниками системы управления. А вот парламентская демократия получила смертельное ранение; и левые, и правые, чему имеется достаточно свидетельств, во многом полагались на «экстра-парламентскую» деятельность, рассчитывая добиться таким образом политического преиму-

щества. Уличные столкновения перерастали в войну банд, напоминая трагические события начала века. Пика противостояние достигло в июле. Желая отомстить за гибель одного из своих товарищей, 13 июля группа офицеров полиции убила нового лидера оппозиции дона Хосе Кальво Сотело. Его смерть стала детонатором. Группа молодых армейских офицеров, которая в течение некоторого времени замышляла переворот и признала своим главой генерала Санхурхо (тот укрылся в Португалии после провала своего заговора 1932 года), решила воспользоваться шоком, охватившим страну после убийства Кальво Сотело. Сигналом к началу мятежа стало выступление подразделений в Марокко 17 июля, оттуда пламя восстания распространилось по всей стране.

ОБЫЧНОЕ РЕШЕНИЕ: НАЗАД В ОКОПЫ

Восстание офицеров под командованием генерала Санхурхо, старшего по возрасту военного командира, произошло в лучших традициях испанской армии. Намереваясь повторить успешный переворот Примо де Риверы 1923 года, мятежники рассчитывали если не на поддержку, то хотя бы на понимание военных гарнизонов и сил правопорядка, поскольку выступили ради «гармонии в военной семье». Как «хранители сути»

Испании, военные спасали страну от морального и территориального распада, к которому ее вели «антииспанские, безнравственные агенты международного коммунизма и масонства». Главной целью мятежников являлось восстановление закона и порядка, вследствие чего они объявили о верности короне.

Большей частью богатств страны, равно как и зарубежных контрактов, владели монархисты, которые не замедлили финансово поддержать восстание. Простой народ, во всяком случае на раннем этапе, представляли в «движении националистов» карлисты, в основном из Наварры и Алавы. Помимо колониальной армии в Африке и контингента карлистов (70 000 добровольцев за всю войну), территориально состав противоборствующих сил Испании во многом отражал региональные различия: традиционное сельское хозяйство против садоводства и промышленности; центр и юг против северной и восточной периферии; сельская глубинка против городов; богатые против бедных и центристы против регионалистов. Некоторое время назад казалось, что все эти конфликты остались в прошлом, однако сложившиеся обстоятельства показали, что противоречия лишь замаскировались и продолжали

нарастать. Глядя из настоящего в прошлое, нельзя не проникнуться ощущением неизбежности катастрофы; тогда как в восприятии современников события казались цепочкой случайностей, отягощенных непродуманными решениями правительства. А затем все сложилось так, как сложилось...

К сентябрю 1936 года географическое распределение противников фактически совпало с электоральными предпочтениями и растущей поляризацией политических институтов Второй республики. Тем не менее, как ни удивительно, Сарагоса и Севилья, к примеру, были на стороне мятежников с самого начала, а вот Гипускоа и Бискайя — на стороне лоялистов; они отказались примкнуть к каталонским революционерам и до своей капитуляции перед «движением националистов» летом 1937 года жили относительно спокойно, придерживаясь консервативных и ультра-католических взглядов, во многом схожих с теми, за которые ратовали генералы и полковники.

Не только регионы и крупные города искали собственных путей в этом хаосе; даже семьи разделялись по политическим пристрастиям или оказывались по разные стороны очередного

территориального раздела. В отличие от войн с другими странами, которые сплачивали страну перед лицом внешнего врага, внутренние конфликты оборачивались затяжной войной на износ, обе стороны навязывали населению собственное представление о наилучшем государственном устройстве и безжалостно уничтожали страну, за которую на словах сражались.

От «пронунсиаменто» к гражданской войне

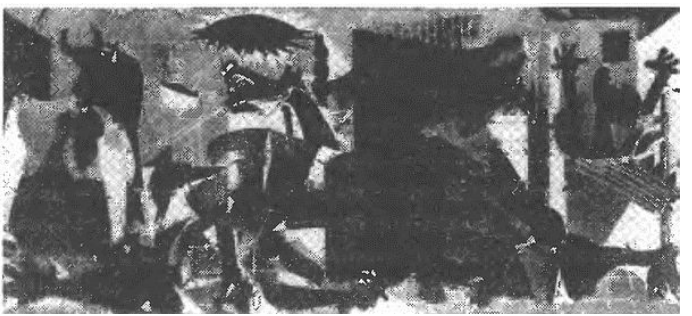
В первые два месяца конфликта противники накапливали силы, опираясь на те самые социальные и территориальные различия, которые привели Иберийский полуостров к столь плачевному состоянию. Лоялисты пытались, насколько это было возможно, восстановить авторитет государства и организовать оборону, а мятежники тем временем двинулись на центр власти, на Мадрид. Однако вначале им пришлось переправить марокканскую армию через Гибралтарский пролив. Эта операция стала возможной благодаря соглашению с Италией и Германией, которые предоставили транспортные самолеты, а также по причине слабости республиканского флота, неспособного эффективно патрулировать воды Средиземного моря. Дальность плавания кораблей и их огневая мощь оставляли желать лучшего, а запрет на дозаправку в Гибралтаре и Танжере сделал республиканский флот попросту беспомощным.

Битва за Мадрид осенью-зимой 1936 года была первым масштабным столкновением сил прави-

тельства и мятежников. Пять месяцев жестоких боев послужили примером изнурительной войны на износ, которая ожидала Испанию. Бои велись за каждый квартал. Жители Мадрида сражались решительно и храбро и утешались мыслью, что соратники из-за рубежа спешат на помощь, пусть Великобритания и Франция, от которых демократическое правительство тщетно ожидало поставок оружия и снаряжения по низким ценам, предпочитали остаться в стороне и не замечать открытой поддержки мятежников, оказываемой Италией и Германией. Единственной страной, выступившей в защиту испанской республики, был Советский Союз: первые советские танки вступили в бой на окраинах Мадрида 24 октября, а советские истребители появились в небе неделю спустя.

Международный коммунизм (Коминтерн) также оказывал республике поддержку, как моральную, так и, если позволено употребить это слово, материальную, вербуя многочисленных бойцов «за свободу и демократию». Международная выставка в Париже в 1937 году с участием испанских художников стала политической площадкой для выражения солидарности с Испанией. Пабло Пикассо выставил свое знаменитое

обвинение расправы над мирным населением крохотного городка Герника, который стал олицетворением баскского национализма. Жоан Миро, Сальвадор Дали и скульптор Хулио Гонсалес также выставили свои работы. Не менее горячо республику поддержал прошедший в Валенсии в июле 1937 года Второй международный конгресс писателей против войны.



«Герника». Пабло Пикассо. Музей Прадо, Мадрид

Четырнадцатого октября 1936 года первые иностранные добровольцы прибыли в Альбасете, чтобы пройти подготовку и направиться в Мадрид, где они оказались за день до того, как мятежники начали атаку на столицу. В целом

около 35 000 добровольцев (из них 10 000 французов и около 2000 британцев), воевали в составе интернациональных бригад с 8 ноября 1936 года по 15 ноября 1938 года; последняя дата — день военного парада в Барселоне в их честь, когда Долорес Ибаррури (Пассионария) заявила в прощальной речи: «Вы вправе гордиться собой. Мы никогда вас не забудем». Значительные потери среди добровольцев доказали их мужество и преданность республике, а их вклад в «битву идей» за пределами Испании попросту неизмерим. Ни один другой конфликт XX века не завладел в такой степени вниманием писателей, поэтов и кинематографистов, произведения которых свидетельствуют о доблести и благородстве этих людей, которые в «Битве у Эль-Харама» (6-27 февраля 1937 года) жертвовали своими жизнями, пускай понапрасну, ради свободы и социальной справедливости.

Впрочем, в широкомасштабной гражданской войне, когда силы противников составляли не менее полумиллиона человек с каждой стороны, личное мужество и самопожертвование значили куда меньше, чем финансовые ресурсы и технические средства, военные технологии и общность цели. По всем этим показателям существенный

перевес был в пользу мятежников. Инициатива постоянно находилась в их руках, тогда как республиканцы лишь отвечали, подсчитывая убытки и отдавая позицию за позицией, и надеялись, вопреки реальности, на мирное урегулирование — или на вспышку насилия по всей Европе.

МЯТЕЖНИКИ

К концу августа 1936 года граница между двумя Испаниями проходила на запад от Малаги широким полукругом вокруг Мадрида на восток, к Сарагосе и Пиренеям, и на северо-запад (Галисия). Между Наваррой и Галисией находились Астурия и провинция басков. Власть мятежников охватывала треть территории и менее трети населения страны, однако им удалось закрепиться в основных зерновых регионах Испании. Военное превосходство мятежников основывалось на африканской армии (около 25 000 марокканцев и легионеров). В захваченных областях провели всеобщую мобилизацию, мужчин призывного возраста из среднего и верхнего классов зачислили в качестве сержантского состава, чтобы создать привычную цепочку командования. Кроме того, к январю 1937 года в рядах мятежников насчитывалось 22 000 итальянцев, 20 000

португальцев, 6500 немцев и несколько тысяч добровольцев из других стран.

Сила и решительность мятежников не вызывали сомнений, а их командиры всецело опирались на националистическое движение. Первого октября 1936 года по предложению главы военно-воздушных сил генерала Кинделана общее командование передали генералу Франко, которому подчинялись наиболее боеспособные армейские подразделения. Он был профессиональным солдатом с безупречной репутацией и всегда и везде проявлял себя защитником закона и порядка и непоколебимым приверженцем традиционных ценностей. Вдобавок он не оказывал предпочтения никакой идеологии, что делало его идеальным арбитром над многочисленными политическими группировками.

Продовольствие и оборудование поступали в значительных объемах, их закупали в кредит. Португалия помогала мятежникам поставками оружия, Германия и Италия признали режим Франко законным 18 ноября 1936 года, через десять дней после начала осады Мадрида. Однако не только эти страны поддерживали мятежников. Агенты и дипломатические представители «националистов» могли приобретать в кредит в

«зоне фунта стерлингов и доллара» оборудование и вооружение, которые республиканское правительство добывало с большими затруднениями и только за наличные.

Один лидера одна партия

Оказавшись во главе вооруженных сил, Франко не терял времени и принялся утверждать свою власть над политическими группировками внутри движения националистов. Видные сторонники короля Альфонсо и большинство мятежных офицеров придерживались мнения, что восстановление королевской власти необходимо отложить до окончания войны, что сейчас не до политических компромиссов. При этом мятеж получил полную поддержку церкви, которая призвала к «крестовому походу» против язычников, неверных, безбожной республики «евреев, масонов и коммунистов», нечестивого союза врагов «подлинной, вечной Испании». Лоялистская позиция баскской и каталонской духовной иерархии не имели значения, пусть даже эти регионы некогда сыграли основную роль в изгнании мавров и реконкисте Иберийского полуострова. Тактический прагматизм позволял военным без труда поглощать воинствующие политические движения. Карлисты и фалангисты имели собственные политические устремления, однако их шансы выдвинуться были крайне слабыми.

Восемнадцатого апреля 1937 года Франко объявил об основании единого гражданского фронта, призванного объединить все «здоровые» политические силы «вечной Испании» — FET y de las JONS (Falange Espanola Tradicionalista y de las Juntas Ofensivas National Sindicalistas[4]). Буква «Т» (означавшая традиционализм Наварры) стояла в аббревиатуре особняком, ведь прочие символизировали дух «крестовых походов» католической, консервативной, сельскохозяйственной Старой Кастилии (при этом имперскую Испанию пытались возродить при помощью колонии — Марокко). Архитектор этого альянса Серрано Суньер, шурин Франко (el cucadisimo) позволил себе заявить позднее, что «опорой власти, ее истинным оплотом была и остается армия». На первый взгляд идеология движения националистов имела много общего с программой фалангистов Хосе Антонио 1934 года. Эта идеология во многом совпадала с фашизмом Муссолини и синдикалистскими теориями, адаптируя, так сказать, недавние призывы Хавьера Прадеры, автора «Нового государства», к корпоративной структуре, основанной на природных, «органи-

[4] Примечания: 4

Испанская традиционалистская фаланга и союзы национально-синдикалистского наступления (исп.).

ческих» социальных силах нации. Термин «национал-синдикализм» обозначал политическое движение, намеренное создать упорядоченную систему отношений в обществе.

РЕСПУБЛИКАНСКАЯ ИСПАНИЯ В БОРЬБЕ ЗА ВЫЖИВАНИЕ

Мятежники объединялись в союзы и заключали альянсы, социальные, экономические и политические, под авторитарным контролем профессиональной армии, а республиканская Испания сохраняла те экономические и региональные противоречия, которые веками препятствовали социальной сплоченности и политическому единству страны. Республика была одновременно аграрной и промышленной, и ее социальные мечты, проистекавшие из несбалансированного развития в предыдущем столетии, усугублялись очередным всплеском регионализма.

Разноголосица в командовании и проблемы с ресурсами создавали непреодолимые препятствия для возможности скоординированных действий по подавлению мятежа. Стратегию и тактику республиканской армии, писал английский историк Майкл Элперт, формировали постоянный дефицит оружия и снаряжения

и разрушительные конфликты между национальными подразделениями и интербригадами. Однако, несмотря на интриги и подковерную борьбу политических фракций, а также на региональную разобщенность, республиканской Испании удалось объединить свои вооруженные силы, пусть ради этого пришлось пожертвовать достижениями первого года войны. Эта жертва ради окончательной победы и ее необходимость до сих пор являются предметом жарких споров. Каковы бы ни были личные амбиции республиканских лидеров, за какое бы идеальное общество они, в своем представлении, ни сражались, республика продолжала воевать, не задумываясь о капитуляции, при изолированной, хоть и обширной, помощи Советского Союза.

Интересы западных держав не совпадали с интересами республиканской Испании. Более того, западные демократии «фактически помогали Франко, с тем же успехом они могли поставлять ему оружие» (Джил Эдварде). К примеру, британская политика умиротворения Муссолини ради спокойствия в Средиземном море побудила дуче активно поддерживать мятежников. На самом деле большинство европейских держав только, что называется, грели руки на испанском конфликте,

и лишь Италия предоставляла человеческие и военные ресурсы, щедро и не выставляя условий, а когда конфликт завершился, подошла к вопросу о возмещении долга весьма взвешенно и с пониманием.

ЭПИЛОГ

К лету 1938 года «националисты» достигли Средиземного моря и Пиренеев между Хакой и Андоррой, отделив Барселону от Валенсии и отрезав ее от гидростанций севера, поставлявших Каталонии электроэнергию. Республиканские силы с трудом удержали линию обороны, однако финальная атака была всего лишь вопросом времени. Премьер-министр Негрин продолжал международные переговоры, уповая на общеевропейскую войну в связи с захватом нацистами Чехословакии. Капитуляция Великобритании перед Гитлером в Мюнхене 29 сентября 1938 года привела к отказу СССР от помощи республиканской Испании и возобновлению немецких поставок режиму Франко для решительной атаки на Каталонию. Больше не в силах сопротивляться, республиканцы отошли к французской границе. Барселона пала 25 января 1939 года, и война завершилась.

Великобритания и Франция поспешили вос-

пользоваться ситуацией. Угроза войны в Европе заставила политиков этих держав осознать стратегическую важность Иберийского полуострова, благо тот находился отныне в «правильных» руках. Они приложили немало усилий, чтобы удержать Франко от более тесного сотрудничества со странами Оси, и, не дожидаясь падения Мадрида, признали националистов законным правительством Испании 27 февраля 1939 года.

Конфликт медленно затухал, приближаясь к горькому концу. Противоборствующие стороны являлись частями целого, былой Испании, и это добавляло случившемуся трагичности. Республиканское правительство в Барселоне с конца 1937 года стало причиной бесконечных трений между централистскими силами и каталонским стремлением к независимости. Асанья и Негрин воспринимали Каталонию как государство в государстве, предпочитающее выжидать в борьбе против общего врага, а сами каталонцы считали, что центральное правительство постоянно ищет способы уничтожить их автономию и свободы. Мадрид же в последние месяцы до капитуляции 28 марта 1939 года стал свидетелем военного переворота против коммунистов с целью облегчить мирные переговоры с Франко.

Испанская гражданская война была прежде всего войной классовой, в которой победили правые, потому что на их стороне были общность принципов и четкость цели; они стремились восстановить свои позиции и единство нации. Защитники демократии и справедливого гражданского общества потерпели поражение, так как их цели были многообразны и изменчивы. Местные особенности, широко разнящиеся модели социального устройства и региональные расхождения подрывали военную экономику и ослабляли дух народа. Раздробленная Испания не могла решить свои проблемы иначе, нежели войной. И тяжелее всего пришлось республиканцам с их многочисленными социальными и политическими фракциями; республика унаследовала все споры и разногласия предыдущего века, а вдобавок оказалась фактически в международной изоляции, поскольку остальной мир не проявил заинтересованности вторым республиканским экспериментом по установлению в Испании либеральной демократии.

Новая Испания: «Испания единая, большая и свободная»

После празднования Дня победы 1 апреля 1939 года новые хозяева Испании занялись наведением порядка на захваченных территориях. Они не мирились даже с намеками на инакомыслие. Полное восстановление социального порядка и политической власти считалось программой-минимум нового режима. Вся Испания подчинилась абсолютной власти нового главы государства. Нацию объявили «органической целостностью» без каких-либо исключений в виде местной самобытности. Тех индивидов, группы или регионы, которые любым образом сотрудничали с «красными» (республиканцами), безжалостно преследовали, чтобы искоренить саму память о недавнем противостоянии. Кто не пал на войне (поэта Лорку расстреляли в родной Гранаде в первые дни войны) или не смог укрыться в относительной безопасности за рубежом (поэт Антонио Мачадо умер от душевного и физического истощения 22 февраля 1939 года в маленьком французском городке недалеко от границы, вскоре после бегства через Пиренеи), тех казнили,

часто самосудом, бросали в трудовые лагеря и, что было хуже всего, полностью лишали гражданских прав, изгоняя из общественной жизни.

Среди первых мер нового режима оказался пересмотр учебников и реформа среднего, высшего и начального образования, а также безжалостная чистка учебных заведений в поисках сторонников и помощников республиканцев. Шесть тысяч учителей школ были расстреляны, около 7000 очутились в тюремных камерах. Интеллектуальной и профессиональной элите страны приходилось бежать из Испании: добровольное изгнание выглядело все же предпочтительнее смерти или тюрьмы.

Массовые казни объявили способом вернуться к «естественному порядку» вещей, навсегда истребив «марксистов, евреев и масонов», которые сговорились уничтожить «вечную Испанию». Репрессии обсуждались в прессе. Газета фалангистов с символическим названием «Redencion» («Освобождение») призывала разоблачать предателей и рассуждала о раскаянии через боль. Тюрьмы недостаточно, чтобы смыть политические грехи. Фильм Базилио Патиньо «Canciones para despues de una Guerra» («Песни после войны») точно передает моральное опустошение

и безвкусные развлечения этих лет, далекие от интеллектуального блеска и дерзких начинаний довоенных десятилетий.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА

Религиозным орденам доверили воспитание той части молодежи, которая была достаточно обеспеченной, чтобы пользоваться преимуществами частного образования. Духовникам содействовали фалангистские и карлистские молодежные организации, а обязательная военная служба завершала процесс ассимиляции человека в тоталитарном обществе. Семью, которая крепила узы брака между государством и церковью, передали в полную власть последней. Развод объявили вне закона (23 сентября 1939 года), венчание стало обязательным (10 марта 1941 года). Испанский катехизис («Новая Рипальда») перечислял современные грехи с точки зрения церкви: «материализм, дарвинизм, атеизм, пантеизм, деизм, рационализм, протестантизм, социализм, коммунизм, синдикализм, либерализм, модернизм и масонство». Чтобы избежать этих грехов (редакция 1944 года), запрещалось «читать газеты без предварительного одобрения духовного лица».

Карлисты Наварры и Алавы и фалангисты остальной Испании были пешками, фактической прислугой новой военно-политической элиты, ревностными проводниками официальной государственной доктрины. Основой национал-синдикалистского режима стали вертикальные профсоюзы (синдикаты), работникам и работодателям вменялось в обязанность улаживать разногласия в духе понимания и сотрудничества. Рабочие выиграли от внедрения норм социального законодательства первых десятилетий века, а работодателей утешили признанием частной инициативы и собственности как источников процветания страны. Административные структуры новой версии корпоративного государства обеспечивали работой и должностями новое поколение служащих. Синдикат (один в каждой отрасли производства) был наиболее удобным средством контроля коллективных договоров и разрешения производственных и трудовых споров.

Дон Франсиско Франко Баамонде, каудильо Испании

Идеологической особенностью нового режима было, бесспорно, преобладающее стремление к порядку, приоритет частной собственности и приверженность католицизму. Тем не менее именно генералиссимус Франко получил всю власть в стране с одобрения двух опор общества — армии и церкви, стал воплощением нации, причем возвысился над прочими благодаря победе над язычниками и атеистами, «к вящей славе Божией». Кроме того, «победитель крестового похода» повторно осуществил реконкисту, вернув метрополию законной власти.

Марокканцы, сыгравшие важную роль на первом этапе войны, возможно, чувствовали себя несколько униженными из-за этого преклонения перед испанским прошлым. Некоторых из них, конечно же, вознаградили за лояльность: так, великий визирь Тетуана (столицы марокканского протектората) стал 19 июля 1936 года первым кавалером ордена Святого Фердинанда, высочайшего знака воинского отличия, носящего имя великого крестоносца Фердинанда III Ка-

стильского. При этом победители на самом деле не слишком интересовались историей; прошлое переделывали, чтобы оно соответствовало новым временам.

Один из ранних британских биографов Франко приписывал секрет продолжительного правления генералиссимуса «осторожному, почти по-медицински отмеренному смешению политических ингредиентов в [его] лагере, так что никто не оставался без внимания и никто не мог чрезмерно возвыситься». Но не осторожность, а целеустремленность и решительность в осуществлении планов принесли Франко славу в марокканских войнах 1912-1927 годов. В 1927 году он получил генеральский чин, став одним из самых молодых генералов в Европе в возрасте 33 лет. Хладнокровие, которое он продемонстрировал в гражданской войне, пригодилось и в мирное время в отношениях с карлистами и фалангистами. «Декрет единства» 18 апреля 1937 года объединил общество под властью Франко, и до самой смерти каудильо жестоко расправлялся с оппозицией.

В длительной и, без сомнения, мучительной борьбе за сохранение власти Франко уничтожил или отверг большинство бывших друзей,

однако завел новых и набрал сторонников по «личному призыву». Доминирующую роль Фаланги в первые восемь лет его правления можно толковать как свидетельство необходимости контролировать крупную организацию людей, лично преданных каудильо. Численность Фаланги возросла с 75 000 человек летом 1936 года до миллиона к концу войны, а военизированная полиция фалангистов, реорганизованная в июле 1940 года, действовала до 12 декабря 1944 года. Пресса и пропаганда также оказались под контролем партии в 1941 году, лишь 27 июля 1945 года их передали в ведение министерства образования. Франко одолел могущественную коалицию, которая требовала восстановления монархии Бурбонов, и язвительно заметил много лет спустя, что Испанией легко управлять; эти слова нужно воспринимать как искреннюю оценку его собственной пригодности к управлению этой страной и этим народом.

РАННЯЯ ОППОЗИЦИЯ

В марте 1942 года автократическому правлению Франко был брошен первый действительно серьезный вызов, от ближайшего окружения генералиссимуса, новой социально-экономической элиты и военной верхушки, причем в

момент очередного международного обострения. Большинство военачальников, аристократы-землевладельцы и профессиональное сословие — традиционная, консервативная, католическая Испания — ожидали возвращения к прежнему образу жизни, то есть к монархии, и восшествия на престол дона Хуана де Бурбона, графа Барселонского (его отец Альфонсо XIII умер в 1941 году). Они даже организовали тайный комитет по реставрации монархии. Для Франко положение усугублялось тем, что среди заговорщиков были весьма могущественные люди, в том числе военачальники, как и он сам, а в Европе баланс сил сместился не в пользу гитлеровской Германии после вступления в войну США.

Восьмого ноября 1942 года началась англо-американская операция в Северной Африке. Несколько дней спустя дон Хуан выпустил свой первый антифранкистский манифест из Лозанны. Хотя Франко получил личные гарантии президента Рузвельта и британского министра иностранных дел Идена, что высадка войск ни в коем случае не означает вмешательство в испанскую политику, он сознавал, что монархисты уповают на поддержку союзников при восстановлении монархии. Ситуация склады-

валась патовая. Пятого июня 1939 года Франко сообщил Национальному совету, что надвигающаяся в Европе война потребует от Испании «осмотрительности». Первоначально страна придерживалась нейтралитета, однако когда немецкие войска достигли Пиренеев в июне 1940 года и, похоже, не собирались останавливаться, Франко официально объявил о поддержке стран Оси. Новый министр иностранных дел Серрано Суньер, лидер Фаланги, который был известен как сторонник Германии, обнародовал это решение 17 октября 1940 года. Через два года была образована Национальная ассамблея, а в сентябре 1942 года Хордана вернулся к руководству министерством иностранных дел и к политике нейтралитета; Испания начала предоставлять базы для англо-американских операций в Северной Африке и для воздушных и морских рейдов из Гибралтара. Серрано Суньер, шурин Франко, который был ярым сторонником Гитлера, постепенно ушел из политики. За две недели до высадки в Нормандии, 25 мая 1944 года, Уинстон Черчилль заявил в палате общин, что Испания оказала союзникам немало услуг в ту пору, когда «способность испанских властей нанести урон Великобритании была максимальной». Тех, кто

рассчитывал на поддержку Британии при реставрации монархии, Черчилль предупредил, что внутренние политические проблемы — дело самой Испании.

Именно политика благосклонного нейтралитета позволила Франко подавить монархическую оппозицию, одновременно поддерживая обширную переписку с доном Хуаном, которого генералиссимус старался удерживать на расстоянии невнятными обещаниями. В январе 1944 года претендент на трон заявил, что ни в коем случае не согласится на реставрацию путем «общенационального восстания». Постепенно Франко разогнал оппозицию (одних подкупил, других уволил со службы или заключил в тюрьму) и к концу 1944 года, похоже, заново утвердил свою власть. Однако самое трудное испытание в перетягивании каната с монархической традицией было впереди. Радостные ожидания победы над гитлеровской Германией сочетались у всех оппонентов нового режима, как внутри, так и за пределами Испании, с упованиями на освобождение от железной хватки Франко.

Перемена образа

Осенью 1944-го и весной 1945 года офицеры-монархисты, консерваторы, умеренные республиканцы и социалисты в изгнании объединились под знаменем реставрации монархии для возвращения к нормальной жизни под покровительством Великобритании и США. Испанские коммунисты и левые республиканцы во Франции, активно участвовавшие в движении Сопротивления, пересекли Пиренеи через Валь-д'Аран в сентябре 1944 года. Атака «в лоб» провалилась, однако значительные силы продолжали сражаться против Франко в партизанской войне по всему северу, в Эстремадуре и Андалусии вплоть до 1951 года. Девятнадцатого марта 1945 года дон Хуан подтвердил свое наследственное право на возвращение в Испанию для примирения всех испанцев. Даже церковь уже не столь однозначно поддерживала Франко: по крайней мере, архиепископ Толедо, кардинал Пла-и-Дениэл призвал к более широкому политическому пространству, а представитель Святого Престола в Вашингтоне монсеньор Чиконьяни провел тайные переговоры с лидерами социалистов Индалесио Прието и

Луисом Аракистайном.

На девятую годовщину «славного восстания» (18 июля 1945 года) Франко постарался оградить себя от критики, удалив наиболее одиозных фалангистов и назначив новое правительство (уже третье по счету), более представительное для западных демократий, на самом деле «вполне в духе военного диктата, традиционного для испанцев» и сходное с христианско-демократическими фракциями в Германии, Франции и Италии. Билль о правах испанцев (Fuero de los espacoles) содержал упоминания о неотъемлемых правах человека, при этом роль церкви в обществе всячески подчеркивалась. После 1945 года отмечался рост клерикализма: Евхаристические конгрессы, собрания «возрожденцев», воскресные проповеди для распространения веры. Люди, которым поручили изменить образ власти, являлись в основном членами мирской католической ассоциации, основанной иезуитом Анхелем Эррерой (путеводной звездой СЕДА) в начале века (иначе НКАП, Национальная католическая ассоциация проповедников). Такие личности, как Альберто Мартин Артахо и его преемник Кастиэлья в министерстве иностранных дел, Хосе Ибаньес Мартин и его преемник Хоакин Руис Хименес в

министерстве образования получили важные должности в образовании, пропаганде и цензуре. Эти перемены, впрочем, нисколько не ослабили нетерпимость общественного мнения Европы но отношению к одному из последних западных диктаторов. После празднования победы над Гитлером, короткого «медового месяца» Востока и Запада и учреждения ООН в Потсдаме 2 августа 1945 года мировые лидеры инициировали новую волну антифранкистских настроений. Франция начала кампанию закрытием границ 1 марта 1946 года. Двенадцатого декабря Генеральная ассамблея ООН приняла резолюцию, призывающую всех членов организации отозвать свои посольства из Мадрида. Испанию также исключили из всех организаций, созданных для восстановления Западной Европы. Учитывая тот вклад, который страны, ныне требовавшие головы Франко, внесли в его победу, официальный антифранкизм можно рассматривать как явный пример двуличия. Возможно, именно это обеспечило Франко поддержку, поскольку гонения на генералиссимуса стали восприниматься как гонения на Испанию в целом (резолюция ООН не предусматривала экономических санкций и не признавала республиканское правительство

в изгнании). Великобритания и США воздерживались от объявлений о реставрации монархии Бурбонов, на которую оппозиция в большинстве своем уповала как на средство достижения всеобщего примирения.

Со своей стороны, Франко быстро воспользовался ситуацией и еще больше ослабил хватку. Двадцать шестого июля 1947 года под восторженные крики народа он формально объявил Испанию королевством. Референдум понадобился, чтобы утвердить пожизненное правление Франко, особенно когда в августе 1948 года дон Хуан де Бурбон добился согласия Франко признать его сына и наследника Хуана Карлоса, получившего образование в Испании, своим наследником. Новое законодательство закрепило это событие и вновь постулировало традиционные и консервативные ценности. Страны, мнением которых Франко дорожил, начали постепенно примиряться с генералиссимусом. В конце концов, его не зря называли «оплотом Запада», он никогда не заигрывал с коммунизмом. Стратегическое положение Испании в Западном Средиземноморье было слишком очевидным для военных чинов и дипломатов США. Французская граница снова открылась в марте 1948 года,

многочисленные визиты американских морских офицеров позволили подписать 26 сентября 1953 года соглашение о военном и экономическом сотрудничестве. В том же году Испания подписала важный договор с Ватиканом, тем самым Франко показал, что уважает веру населения; в ноябре 1955 года ООН аннулировала свою резолюцию 1946 года.

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ

Власть Франко в стране окончательно установилась к началу 1950-х годов. Показателем его положения как арбитра политических сил Испании были способы, которыми он обеспечивал верность армии на протяжении всех лет правления. Новое поколение старших офицеров составляли его последователи и те, кто поднялся по карьерной лестнице благодаря генералиссимусу. Государство щедро наделяло их возможностями: к примеру, треть министров с 1938 по 1969 год были из числа военных. Также хватало должностей и синекур для отставников и офицеров среднего и младшего комсостава. В 1946 году расходы на вооруженные силы и службу безопасности составляли 50% государственного бюджета. В крайне бюрократизированной и «оседлой» армии малая потребность в боевых

офицерах оставляла достаточно свободы для иных, более прибыльных занятий. Молодым офицерам и профессиональным солдатам, которые подпали под сокращение после модернизации армии, военные соглашения с США сулили современное вооружение и центры переподготовки. Социальная ответственность государства, обычно ассоциирующаяся с современным обществом, пребывала в небрежении. Что касается экономики, франкистское государство ограничилось лишь полным и всеобщим восстановлением прав на собственность. В контексте внутренней борьбы за власть, европейского конфликта, последующего карантина, наложенного на режим Франко, и катастрофических урожаев с 1946 по 1948 год последствия не оставили правительству пространства для маневров. Делая хорошую мину при плохой игре, экономические советники Франко утверждали, что в стране действует система экономической самодостаточности, которая в реальности напоминала смирительную рубашку осадной экономики, возвращала Испанию в прошлое и способствовала эффективному подавлению политического инакомыслия.

ГОЛОДНЫЕ ГОДЫ

Отрезанная от внешнего мира в первое деся-

тилетие власти Франко, франкистская Испания пережила «голодные годы». Недостатка в примерах нет, особенно к югу от Мадрида; этот голод не имел себе равных в истории Испании. Длительное время безземельным крестьянам не позволяли даже перебираться в крупные и средние города. Наоборот, в те годы городское население устремилось в деревню в надежде, по крайней мере, добыть основные средства к существованию. Один из главных экономистов режима писал в 1941 году, что доход на душу населения упал до уровня XIX века. Несмотря на карточную систему (1939-1951) даже основных товаров, например хлеба, попросту не хватало на всех. В 1940-х годах половина работоспособного населения Испании трудилась в сельском хозяйстве, аграрное производство давало четверть от общего объема производства и две трети от общего экспорта.

В разгар широкомасштабной сельскохозяйственной депрессии крупные землевладельцы центральной и южной Испании продолжали процветать, получая прибыль от прямого возделывания земли, а также от нищенской заработной платы работников, субсидий на производство и черного рынка. Коррупция способствовала до-

ходам от финансовых интервенций государства и позволила получить приоритетный доступ к удобрениям и сельскохозяйственным механизмам в период массового бегства из деревни с конца 1950-х годов. Эти землевладельцы изображали из себя зажиточных фермеров, которые отринули ярлык «паразитирующего класса», живущего за счет перезакладывания земель. Структурные изменения 1950-х годов сулили немалый доход, особенно производителям пшеницы, вина и риса, поскольку те могли полагаться на высокие закупочные цены и скромное вмешательство государства в их дела.

Масса безземельных крестьян расширялась за счет мелких собственников, арендаторов и пайщиков, которым приходилось продавать или освобождать свои участки в пользу тех, кто имел исключительный доступ к капиталу или предъявлял права на прямую культивацию собственных земель.

И пресловутое «восстание националистов» не стало здесь помехой. Ирригации и технической модернизации уделялось лишь необходимое внимание; отчуждение и перераспределение крупных имений, заселение необработанных земель и концентрация двадцати двух миллионов

полей площадью менее двух гектаров на бедных сухих почвах все еще оставались типичными проблемами испанского сельского хозяйства. К 1970 году безземельные рабочие и мелкие и средние крестьяне, всего около трех миллионов человек, покинули сельскую местность. Массовое переселение из деревни обернулось человеческими потерями, которые значительно превышали число жертв за годы гражданской войны и репрессий.

Индустриальный пейзаж Испании Франко также не внушал оптимизма. Производство, потребление и инвестиции упали до довоенного уровня, происходившее сильно напоминало темные времена правления Фердинанда VII. Такие страны, как Италия, Греция и Югославия удвоили объемы своего производства за пять лет после войны. Даже самые неразвитые в промышленном отношении государства начали довольно быстро восстанавливаться. Да, они получали помощь США, однако Испания не сталкивалась с военной разрухой в деревнях и городах. Пусть республиканские ополчения поджигали церкви, но заводы они не трогали; самые серьезные бои имели место на открытых пространствах вдоль нижнего течения Эбро. Транспорт и животно-

водство почти не пострадали. Победители же утверждали, что восстановление завершилось к 1945 году. Увы, сельскохозяйственная депрессия в преимущественно аграрном обществе не смогла обеспечить спрос, способный стимулировать промышленный рост. Отнюдь не совпадение, что первые признаки промышленного оживления появились в 1951 году, после лучшего урожая за десятилетие. А урожай 1945 года был худшим за последние сто лет.

ОСАДНАЯ ЭКОНОМИКА

Непродуманное сочетание интервенций и традиционализма под маской самодостаточной экономики вело страну к очередному коллапсу. Это был «экономический патернализм», по сути своей ничем не отличавшийся от прежней политики: опять замещение импорта, опять протекционистские тарифы. Излишняя регламентация, нацеленная исключительно на защиту социальных и экономических структур, и отсутствие человеческих и экономических ресурсов в экономике провоцировали неопределенность и страх, которые губили инициативу и лишали трудящихся стимулов. Пресловутая самодостаточность зажала испанскую экономику, словно тисками, хватку которых можно было ослабить

только либерализацией торговли и выходом на международные рынки.

Экономическая политика медленного роста (точнее, его отсутствия) в краткосрочной перспективе соответствовала закрытому обществу. Режим Франко намеренно замедлял развитие страны. Неэффективную административную структуру, унаследованную от XIX века, сократили и ослабили в пользу частных интересов. Во всех сферах, где государство должно играть лидирующую роль, его вмешательство сокращалось, с учетом как людских, так и материальных ресурсов. По-видимому, парадоксальную природу режима Франко можно характеризовать как уникальное сочетание идеологической обособленности и экономической анархии. В процентном соотношении доход государства резко упал — с 18,61% в 1935 году до 11,12% в 1955 году. Более того, в начале 1970-х годов 55-60% дохода все еще приносили прямые налоги на товары и услуги, тогда как налог на прибыль, в том числе на доходы от собственности, составлял всего 33%. С 1945 по 1953 год зарплата рабочих в городе составляла около 50% от довоенного уровня. В момент откровенности сам Франко признавался: «крестовые походы» были «единственной

войной, во время которой богатые становились богаче прежнего».

Но социальная организации, отчаянно стремившаяся обратить время вспять, не могла при этом помешать внутренним и внешним силам толкать страну к промышленному росту и экономическому развитию вопреки оковам прошлого.

В темные годы франкизма Испания словно перепрыгнула в прошлое, не желая двигаться к будущему. Зато с 1951 по 1973 год в стране произошла трансформация, на которую у других западноевропейских стран ушел целый век. Скорость и глубина перемен еще более примечательны, если сравнивать их с послевоенным периодом репрессий, международной изоляции и нищеты подавляющего большинства испанцев. Даже среди верхушки франкистской олигархии появились сторонники перемен. Мануэль Арбуруа, министр торговли в четвертом правительстве Франко (1951), начал свой срок полномочий серией мер, подразумевавших наведение порядка в управлении государственным сектором, освобождение экономики от наиболее неприятных форм государственного вмешательства, открытие рынков и стимулирование свободного предпринимательства. Тот же ветер перемен подул в министерстве

сельского хозяйства при поддержке энергичного и предприимчивого агронома Рафаэля Кавестани; он принес испанской деревне избавление от государственных интервенций, позволил сельскохозяйственным ценам упасть относительно промышленных и стимулировал модернизацию через капитальные инвестиции.

ПОМОЩЬ США

Прирост капитала на фоне нищенской заработной платы и замороженных цен на сельхозпродукцию вызвал накопление средств в банках и привлек инвестиции в промышленность. Франко стремился любой ценой достичь соглашения с США и потому вынужденно, возможно ради собственного выживания, согласился на либерализацию экономики. Помимо военного соглашения, договор 1953 года обеспечил Испании финансовую и экономическую помощь США; кроме того, американцы порекомендовали принять меры к интеграции в международную рыночную экономику — добиться финансовой стабильности, ослабить контроль за бизнесом и ограничить государственные расходы.

Экономическая и финансовая помощь Испании гарантировалась в обмен на размещение нескольких американских военных баз на ис-

панской земле и предшествовала кредитам от иностранных банков, которые обеспечили массовый приток в страну американских долларов. Помощь США, вне сомнения, — один из главных источников экономического развития Испании. Каталонский экономист Жоан Сарда Дексеус писал о помощи из-за Атлантики, что для испанской экономики она была как вода в пустыне. Постепенно власти отменили карточную систему и закупили крайне необходимые хлопок, соевое масло, корма для животных и удобрения. За очень короткий срок помощь США обеспечила стабилизацию цен (1954), промышленность начала расширять производство. В среднесрочной перспективе, однако, приток иностранного капитала, который вливался в туго затянутую в корсет экономику, отправил и без того высокую инфляцию по спирали, которая привела с 1955 по 1959 год к возрастанию дефицита торгового баланса в пять раз по сравнению с соответствующим средним годовым показателем за 1945-1949 годы и прекращению выплат по иностранным долгам.

На грани банкротства

Это был очень серьезный финансовый и экономический кризис, однако не удивительно, что он наступил после внутриполитического конфликта и на фоне роста недовольства промышленных рабочих и студентов текущей моделью экономического и политического развития. Помимо новых договоров с США и Римом в 1953 году, Испания два года спустя стала полноправным членом ООН. Однако радость от вхождения в главную международную организацию планеты вскоре развеяли стужа начала 1956 года и последующие ураганы и сильное наводнение в Леванте в 1957 году. Промышленные рабочие, воспрявшие к жизни после страха и нищенских зарплат 1940-х годов, радениями католических рабочих организаций получили весомую поддержку в лице студентов. Первая полноценная забастовка (работников общественного транспорта) случилась в марте 1951 года в Барселоне; затем последовали забастовка на верфях Эускальдуна в Бильбао в декабре 1953 года и масштабная акция весной 1956 года в Каталонии, Астурии и Памплоне.

В 1954 году правительство попыталось разре-

шить проблему перепроизводства в некоторых отраслях (например, в легкой промышленности) через увеличение покупательной способности населения, то есть повышение зарплат. Эти меры не могли не спровоцировать еще одного витка инфляции, сокращения реальных зарплат рабочих и нарастания недовольства. Некоторые из требований рабочих удовлетворили: 24 апреля 1958 года были введены свободные коллективные договоры — государство согласилось выступать посредником между работодателями и рабочими при «обязательном компромиссе». Режим как будто потерял инициативу в экономике, однако это никоим образом не означало потерю политической власти.

Генерал Франко

OPUS DEI: НОВЫЙ СТИЛЬ УПРАВЛЕНИЯ

В своей характерной манере Франко собрал новый кабинет, которому предстояло справиться с накопившимися проблемами. Эти люди были членами привыкшего скрываться от известности католического мирского ордена Opus Dei («Дело Божие»). Их вхождение во власть началось с назначения министра образования Ибаньеса Мартина в CSIC, единственный научный совет Испании, который предоставлял стипендии

молодым ученым, позволявшие продолжить обучение дома или за границей. К концу 1950-х годов «Дело Божие» насчитывало среди своих членов влиятельных деловых лидеров и профессоров университетов, которым поставили задачу «сочетать католическую традицию с технологиями управления и консервативным неолиберализмом американских бизнес-школ». Книга «Camino» («Путь»), карманный справочник способов преуспеть в бизнесе и политике, особо выделяла дисциплину и лидерские качества и рекомендовала скромность как метод достижения целей. На деле, свободная структура этой организации привлекала к ней большое число людей, вне зависимости от жизненного багажа и степени приверженности. Однако вполне очевидно, что, получив возможность оказывать влияние на общественную жизнь, представители Opus Dei прежде всего обращали в свою веру элиту общества и многообещающих студентов университетов.

Эти люди на протяжении многих лет руководили переменами в стране. Будучи профессорами университетов, специалистами по финансам и бизнесменами, они, безусловно, обладали необходимыми знаниями и умениями, чтобы заложить

основы для стабильного роста и материального процветания. Более того, они привнесли в правительство лишенную политических пристрастий озабоченность экономическими проблемами, которую режим предъявлял в качестве свидетельств собственной эволюции. Однако технократам требовалось очень сильное лекарство, чтобы исцелить экономику. Начали они с того, что взялись за обуздание инфляции и за короткий срок пообещали добиться профицита по-прежнему дефицитного торгового баланса. Испания прежде всего должна была стать кредитоспособной. В среднесрочной перспективе целью их деятельности являлись создание фундамента для непрерывного и сбалансированного роста и интеграция в международные рынки. Будучи практиками традиционных неокапиталистических методик и твердо веруя в эффективность частной инициативы и рыночное управление ресурсами, они предложили план оздоровления (наверняка одобренный иностранными наставниками), который сочетал финансовые и монетарные инструменты, подразумевал строгий аскетизм и, по мнению международных наблюдателей (МВФ и ЕБРР), увенчался успехом.

ПЛАН СТАБИЛИЗАЦИИ (1957-1959)

Первым хирургическим инструментом, примененным к испанской экономике, стал стабилизационный план 1959 года, без сомнения самая амбициозная операция на экономическом фронте. Первым шагом стала отмена дискриминационного многообразия валютного курса, установленного в 1939 году; введение курса в 42 песеты за доллар США в апреле 1957 года (60 песет в 1959 году) явилось сигналом о снятии ограничений на внешнюю торговлю и стимулирования иностранных инвестиций. Девальвация песеты, которая должна была сделать экспорт более конкурентоспособным и препятствовать импорту, предшествовала ряду других дефляционных мер, которые резко сократили расходы государства и обеспечили порядок в сфере управления финансами, а также увеличили доходы казны. Если судить по принятию Испании в международные банковские организации, к концу 1958 года операция благополучно осуществлялась. «Большой план», как было заведено в годы правления Франко, предложили нации на празднике, на сей раз в 28-ю годовщину «великого национального восстания».

Финансовые и валютные цели стабилизационного плана были достигнуты почти незамедли-

тельно. Пора было оценить перспективы страны, что привело комиссию Всемирного банка в Испанию в июне 1961 года. В феврале следующего года Испания подала первую заявку на вступление в Европейское экономическое сообщество (с мизерными шансами на успех). Третьего августа эксперты Всемирного банка представили свой отчет испанскому правительству. Положительный характер рекомендаций несомненно удовлетворил испанские власти, которые предприняли усилия для публикации отчета уже два месяца спустя. Требования политической и экономической модернизации все еще звучали, как от оппозиционных групп внутри элиты (христианских демократов и монархистов), так и со стороны эмигрантов и республиканцев, которые собрались в Мюнхене на конгресс. Отчет Всемирного банка планировалось положить в основу сразу четырех четырехлетних планов развития, разработанных специально созданным министерством планирования. Первый специальный уполномоченный по экономическому развитию сообщил в 1969 году (первый год второго плана), что доход на душу населения в размере 1000 долларов США заглушит навсегда голоса оппозиционеров и снизит социальное напря-

жение. Подразумевалось, что нации придется пожертвовать личной свободой и политической активностью во имя сбалансированного экономического роста и улучшения стандартов жизни.

Действительно новая Испания: явный рост и социальные трансформации

Средний национальный доход вырос втрое за десять лет; все экономические индикаторы зарегистрировали темп, который превзошел темпы развития остальных капиталистических стран, кроме Японии, Греции и Южной Кореи. Следует признать, что эти международные сравнения весьма обманчивы: Испания поднималась из глубокой ямы. Жестокая дефляционная программа, замаскированная планом по стабилизации, на самом деле снизила реальный уровень доходов на душу населения, однако с 1962 года тот уже постоянно рос: с 1961 по 1974 год среднегодовой прирост национального дохода составлял 7%. Темпы роста и сроки действительно производили впечатление, особенно на фоне едва ли 1% годового прироста с 1860 по 1950 год. Лидировали химическая промышленность, производство стали, верфи, автомобильная промышленность и производство электрооборудования. Вряд ли стоит упоминать, что производство телевизоров, автомобилей и холодильников опережало все прочие; недаром запланированный рост

основывался на утолении товарного голода потребителей.

Сельское хозяйство, с другой стороны, продолжало плестись позади, как в отношении производства, так и производительности. Однако к 1978 году Испания стала ведущим мировым производителем оливкового масла и третьим крупнейшим производителем вина и цитрусовых, а число тракторов в сельской местности выросло в пять раз с 1961 по 1974 год, тогда как использование удобрений удвоилось. Улучшения в производительности, механизации, диверсификации каналов сбыта и технологий управления стали заметны в 1970-х и 1980-х годах, когда изменения в модели потребления и чрезмерное производство традиционных культур в Европе в очередной раз создали проблемы, с которыми кастильские месеты и животноводство на северо-западе, по причине скудости ресурсов, справиться не могли. За исключением садоводства в долине Эбро, Леванте и Нижней Андалусии (даже там цитрусам и ранним фруктам и винограду приходилось противостоять очень сильной конкуренции из Северной Африки и других средиземноморских регионов), сельское хозяйство оставалось убыточным сектором испанской эко-

номики, которая импортирует дорогие корма для животных из США, а также мясную и молочную продукцию, чтобы удовлетворить растущий спрос и обеспечить диету с высоким содержанием белка. Положение сельского хозяйства не могло не вызвать протестов: при этом выступления фермеров в 1976 году, к примеру, будучи полностью оправданными, согласно ежегодному отчету Банка Бильбао, не привлекли внимания правительства, так как фермеры обеспечивали всего 9% валового национального продукта, тогда как в начале 1930-х годов — 30%.

Хронологически сельское хозяйство первым начало вкладывать капитал в промышленность. Эти внутренние инвестиции были весьма ограничены как размерами, так и масштабом; внешние источники, с первых американских займов, приносили куда более значительные средства. Более того, развитие туризма и трудовые миграции обеспечивали дополнительные средства, гарантируя платежеспособность Испании. С угрозы дефолта в 1957 году испанский бюджет оставался в соответствии с золотовалютными резервами (стоимостью 6,5 млрд. долларов в 1973 году).

ВНУТРЕННИЕ МИГРАЦИИ

Наиболее поразительной чертой этих лет было

массовое переселение людей на процветающую периферию и в промышленный треугольник северо-востока. Мадрид, Барселона, Валенсия, Бильбао и Сарагоса стали основными приемниками потока мигрантов, который раскалывался в пригородах; люди селились вначале в трущобных поселках (chabolas), затем в многоэтажках. С 1950 по 1976 год число тех, кто жил за счет земли, в процентах от общего количества работоспособного населения, упало почти с 50% до 21%; значительная часть пошла в сферу обслуживания, которая расширилась за соответствующий период с 25% до 40%. Другими словами, 12% испанского населения (около 3 млн. от 35 млн. в 1975 году) мигрировали, в основном с юго-запада, а провинции Бадахос и Хаэн обеспечили более 25% от общего числа.

Беженцы от бедности с «границы отсталости» (Оренса, Самора, Саламанка, Касерес, Бадахос и Уэльва, вдоль границы с Португалией) намного превысили спрос на рабочие руки. К счастью, они могли ехать дальше, за границу, в Америку, Францию, Германию и Швейцарию. В 1950-х годах началась первая стадия трансатлантической миграции (около 40 000 человек в год); однако в 1960-х и начале 1970-х годов именно промыш-

ленные страны Европы приняли два миллиона испанских рабочих, которые надеялись однажды вернуться домой с достаточными средствами, чтобы построить дома и даже завести небольшое дело. Возможно, люди больше не умирали от голода, по крайней мере, в Западной Европе, однако им приходилось подчиняться экономическому диктату. За исключением совсем пожилых и очень молодых людей, целые деревни опустели.

Массовое переселение из сельской местности также означало общую трансформацию стиля жизни и трудовой деятельности. За два десятилетия, с 1951 по 1971 год, Испания изменилась гораздо больше, чем за предыдущие сто лет. Городское население выросло вдвое в сравнении с темпами общего демографического роста. В 1960 году 38% населения жило в 8 самых густонаселенных провинциях Испании; в 1980 году таких стало 50%. Массовое скопление населения на побережье Средиземного моря, в ущерб остальным регионам, — отличный пример нестабильного роста и отсутствия координации с другими отраслями экономической деятельности. 2,5 млн. туристов посетили Испанию в 1955 году, а к 1973 году эта цифра увеличилась до 34,5 млн. Затем два года число туристов составляло 30

млн., потом снова выросло до максимума — 43 млн, в 1984 году, намного превысив численность местного населения. Прибыль от этого источника удвоилась с 1979 по 1985 год, превзойдя доходы от средств трудовых мигрантов и капитальные вложения из-за рубежа, вместе взятые.

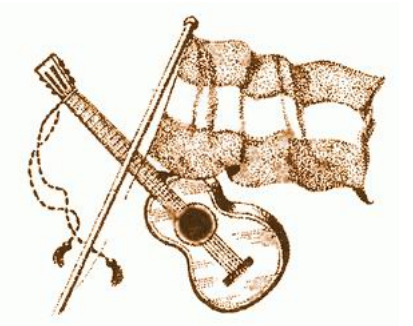
БЫСТРЫЕ ПЕРЕМЕНЫ

Путь Испании к индустриализации и модернизации вымощен телами «заложников удачи». Учитывая политические особенности режима, казалось маловероятным, что однажды удастся организовать эффективный контроль над этим массовым и неорганизованным перемещением человеческих и экономических ресурсов; государство могло освоить лишь незначительную часть этих ресурсов. Доходы государства между тем росли. В 1974 году его доля национального богатства равнялась всего 13%, тогда как в других европейских странах она составляла от 35 до 40%. Очевидно, что правящая элита не была готова к обложению налогами самих себя или своих сторонников. Государство не могло, таким образом, существенно увеличить доходы и осуществлять долгосрочные вложения в инфраструктуру страны; доходы поступали преимущественно от низших слоев общества через косвенное на-

логообложение — в 1974 году, к примеру, такое налогообложение обеспечивало 60% национального бюджета. Иными словами, государство испытывало недостаток в ресурсах, чтобы играть положительную роль в экономическом развитии страны, не говоря уже о перераспределении доходов.

Во все более конкурентоспособной и высокотехнологичной Европе Испания в конце долгого и непрерывного периода количественного роста еще тратила на образование и научные и технические исследования гораздо меньше средств, чем ее торговые партнеры. Высокий уровень зависимости, который и сделал возможным рост, упорно не снижался. Совсем наоборот. Восемнадцатого января 1979 года газета «Эль Пайс» опубликовала коллаж: карта Испании с такими названиями, как «Форд», «Дзанусси», «Рон-Пулен» и «Сименс». Ниже была подпись: «Десятая в мире промышленная держава». Всемирный банк предвидел, что такова будет цена, которую придется заплатить за развитие и модернизацию. Но высокая стоимость будущего Испании как социально и экономически сбалансированной, независимой и суверенной страны не учитывались «пророками роста», которые играли важную

роль в развитии Испании не столько тем, что сделали, сколько тем, что перестали делать после самодостаточности первых лет режима Франко. Критики же импортной модели роста с самого начала утверждали, что страна будет развиваться, несмотря на политическую модель.



ГЛАВА 8
Современная Испания

Конец франкизма

Когда стало ясно, что государству не удается обеспечить упорядоченный и стабильный рост и оно не намерено расширять границы политической активности населения, глубоко укоренившееся и продолжавшее тлеть социальное и региональное напряжение снова проявило себя, в результате чего последнее десятилетие правления Франко ознаменовалось вереницей промышленных локаутов, забастовок, демонстраций и уличных беспорядков. В том, что касалось власти, правительство Франко не демонстрировало ни малейшего желания ослабить свои идеологические «тиски». Все выступления рабочих и даже трудовые споры считались политическими и потому являлись преступлением против государства, следовательно, сурово карались по статье 222 уголовного кодекса. Режим действовал жестко и бескомпромиссно (военное положение, чрезвычайное положение, полицейские рейды, приводившие к гибели людей), жестокость и насилие нарастали.

Помимо трудовых споров и промышленных конфликтов центру то и дело приходилось подав-

лять сепаратистские настроения в провинциях. Культурные и политические репрессии в Каталонии не заставили каталонцев пожертвовать самобытностью и стремлением к административной автономии. За годы роста Барселона стала самым крупным издательским центром Испании, что имело важные последствия для всего испаноязычного мира. Каталонская церковь продолжала поощрять культурное развитие и сделалась постепенно средоточием интересов Каталонии. С 1966 года и провинция басков начала добиваться автономии наподобие той, какую обрела на краткий срок в годы Второй мировой войны. С этой провинцией обошлись еще суровее, чем с каталонцами; Франко назвал их «территориями изменников». ЭТА, баскское сепаратистское движение (Euzkadi ta Askatasuna — Страна и свобода басков) стало оказывать вооруженное сопротивление диктату Франко, пользуясь широкой поддержкой как в Стране басков, так и в других регионах Испании. В 1970 году знаменитый процесс «Бургос против ЭТА» вызвал осуждение многих стран мира, и правительству пришлось в очередной раз ввести чрезвычайное положение в Гипускоа на полгода. Даже католическая церковь отреклась от режима Франко и

добивалась отделения церкви от государства.

УХУДШЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ

Мировая экономическая ситуация также не помогала. С 1972 года произошло повышение цен на основные потребительские товары, а рост цен на нефть с октября 1973 года и рецессия на международном финансовом рынке оказали значительное влияние на испанскую экономику. Слабая промышленная основа, ограничения недавнего прошлого и высокий уровень зависимости от энергетических ресурсов из-за рубежа делали Испанию особенно уязвимой. Мировая рецессия поразила те самые секторы промышленности, в которых Испания достигла наибольших успехов. Инфляция увеличилась с 17% в 1974 году до 26% в 1977 году; безработица существенно выросла за счет возвращения домой трудовых мигрантов, которых депрессия превратила в нежеланных гостей за рубежом. От стремительного, казавшегося беспредельным роста и очевидного процветания Испания вновь скатилась к ситуации, когда ежегодный прирост ВНП составлял от силы 1%. При этом сомнения в политическом будущем страны по темпам роста опережали инфляцию. Учитывая обстоятельства, представлялось очевидным, что

никакой кабинет не сумеет исправить положение в экономической сфере. Министры финансов менялись как перчатки в 1973-1977 годах, были приняты восемь программ спасения, но все они провалились.

Пока Франко был жив, все зависело от самого диктатора и его окружения. Несмотря на социальные и экономические перемены, которые преобразили страну, базовые структуры государства оставались неизменными. Впрочем, и авторитарный режим иногда поддавался давлению: в 1966 году новый закон о печати определил государство как «органическую демократию», а в 1969 году, надеясь привлечь монархистов, Франко официально объявил Хуана Карлоса преемником главы государства и будущим королем Испании. В итоге Хуан Карлос стал «помазанником Франко», удостоенным сомнительной чести править в соответствии с воззрениями победителей в гражданской войне. Обычно крайне осмотрительный, дон Хуан Карлос публично поблагодарил диктатора. Ныне его поведение выглядит как осторожное прощупывание почвы для перехода от диктатуры к демократии; однако в ту пору мнимое раболепие перед генералиссимусом принесло ему прозвище дон Франкарлос.

Адмирал Карреро Бланко

Своим реальным преемником, а не «монархической вывеской», Франко видел адмирала Карреро Бланко, премьер-министра страны; однако 20 декабря 1973 года того эффектно взорвали в центре Мадрида. Уверенность Франко в будущем («все подписано, скреплено печатью и доставлено») оказалась изрядно подмоченной. Возможно, мимо диктатора не прошла и судьба Каэтано, наследника Салазара в соседней Португалии, который был свергнут «революцией гвоздик» 24 апреля 1974 года. В Испании осталось уже не так много былых соратников Франко по оружию, чтобы генералиссимус мог уповать на неизменность политического курса. Вдобавок эти немногие остававшиеся в живых соратники бойко интриговали и строили заговоры, тем самым усугубляя кризис финальной стадии франкизма. Двенадцатого февраля 1974 года преемник Карреро Бланко Карл ос Ариас Наварро, первый гражданский премьер-министр за 36 лет правления Франко, сделал примирительный жест, протянув оливковую ветвь миллионам испанцев, которые требовали либерализации, региональ-

ных полномочий, амнистии для политических заключенных и исправления ухудшающейся экономической ситуации. Государство не могло больше опираться на заметно поредевшую и утратившую пыл Фалангу, однако у него хватило сил весной и летом того же года, чтобы действиями опровергнуть красивые слова Ариаса Наварро и вновь утвердить диктат Франко.

Слабость диктатуры стала очевидной в феврале, когда Ариас Наварро попытался «дисциплинировать» монсеньора Аньовероса, архиепископа Бильбао, который в проповеди заговорил о желательности культурной и языковой самобытности басков, что привело в бешенство правых. Премьер-министр не добился своего, вынужден был извиниться перед архиепископом, и это событие ускорило разрыв церкви с режимом. Власть между тем казнила каталонского анархиста Сальвадора Пуйча Антика и польского беженца Хайнца Чеса, несмотря на международное осуждение, и заставила Ариаса Наварро отправить в отставку тех членов кабинета, которые реализовывали либеральную программу в «духе 12 февраля». Таков оказался последний ход в окончательно проигранной партии. Генералиссимус вроде бы оправился от недомогания, которое

вынудило его провести под постоянным медицинским наблюдением большую часть лета

1974 года, однако публичное выступление Франко по телевидению 30 декабря убедило нацию, что кончина диктатора близка. Испанцы ждали, затаив дыхание. Осторожное поведение дона Хуана Карлоса после 19 июля, когда он принял бразды правления в качестве регента, вызывало некоторые опасения. Многие полагали, что его будущая роль конституционного монарха не следует считать само собой разумеющейся, а большинство испанцев видели в нем креатуру Франко. Возможно, и собственный отец Франкарлоса, дон Хуан, был того же мнения, так как не отрекался от престола до 15 мая 1977 года, когда до первых демократических выборов в парламент оставался всего месяц. Зато биржа выказывала уверенность в завтрашнем дне: с лета 1974 года по конец 1975 года стоимость акций выросла на 7%.

Не выдержав стараний окружения и присных продлить его жизнь, Франсиско Франко скончался 20 ноября 1975 года. Даже ближайшие советники не сразу поверили, что он умер. По Испании гуляли слухи, будто правительство долго совещалось, кто отважится сообщить об этом публично.

Дон Хуан Карлос I Бурбон

Двадцать второго ноября 1975 года дон Хуан Карлос был объявлен королем Испании. Лидер правого движения «Фуэрса Нуэва» Блас Пиньяр в газете «Камбьо 16» 17 ноября заявил, что никакой реставрации не будет, произойдет «установление новой франкистской монархии» на фундаменте победы националистов в гражданской войне. Технически, так сказать, он был прав, однако, несмотря на длительный период военной диктатуры, монархические традиции в стране сохранялись: в конце концов сам Франко, пусть и ради укрепления собственного положения, еще в 1946 году официально подтвердил, что Испания — именно королевство.

Во многом Хуан Карлос наверняка сознавал, что его полномочия куда древнее, нежели полномочия скончавшегося диктатора. Тем не менее, чтобы не допустить революции, ему пришлось принять роль наследника диктатуры. А следовательно, он вынужден был обратить внимание на скрытый смысл заявления Бласа Пиньяра о монархии как продолжении недавнего прошлого. Король мог разве что постепенно расставаться с

этим прошлым, отстаивая собственные полномочия при исполнении обязанностей. Шансы на успех и даже просто на выживание зависели от способности Хуана Карлоса вернуть страну в русло конституционности. Его предшественник на троне Альфонсо XIII оставил по себе не слишком приятную память. Однако отец короля дон Хуан говорил, что монарх должен, невзирая на все обстоятельства, снова стать арбитром в демократическом обществе. Каковы бы ни были его намерения, Хуану Карлосу приходилось действовать крайне осторожно; при этом он унаследовал всю полноту власти, и ему подчинялся глава кабинета министров Карлос Ариас Наварро.

Вскоре после коронации появились несколько указов, которые сулили установление либеральной демократии и конституционной монархии. Даже внутри франкистских кругов многие смирились с неизбежностью перемен, а Хуан Карлос I был достаточно мудрым, чтобы воспользоваться существующими институтами власти. Легитимность монархии никогда не подвергалась сомнениям, конституция 1978 года признала ее формой правления в стране, без всяких отсылок к «воле народа», тем самым подчеркнув истинный размах монархических прерогатив. О разрыве

в преемственности говорить не приходилось: сам Франко правил как абсолютный монарх, а его преемник для осуществления политической реформы прибегнул к существующим законным инструментам. Часть 3 статьи 56 конституции 1978 года утверждала, что монарх неприкосновенен и свободен от любой ответственности за свои действия. Он также являлся главнокомандующим вооруженных сил, и в день коронации, после обращения к франкистским кортесам, Хуан Карлос обратился к военным, назвав последних «защитниками традиционных ценностей».

Король Хуан Карлос

КАРЛОС АРИАС НАВАРРО И АДОЛЬФО СУАРЕС

Год 1976 был не особо благоприятным для политических экспериментов. Запоздалое стремление Ариаса Наварро провести «реформы сверху» и использование худших репрессивных мер из арсенала диктатуры заставили оппозицию объ-

единиться. Коммунистическая партия, авангард борьбы против франкизма, выразила готовность отказаться от требований полного «демократического разрыва» с диктаторским прошлым. Конечно, этот призыв оставался актуальным, однако им можно было пожертвовать ради текущего момента и сотрудничества всех политических сил страны, включая реформаторов из окружения почившего генералиссимуса. И главным было найти человека, который смог бы примирить непримиримых противников, провести реформы и не допустить вооруженной конфронтации с «бункером» (ультраправыми).

Убедившись в поддержке мирового сообщества во время официального визита в США в начале июня 1976 года, Хуан Карлос озвучил свои намерения, назвав Ариаса Наварро «творцом катастрофы». Вскоре премьер-министр добровольно сложил с себя полномочия, и 3 июля Хуан Карлос предложил сформировать правительство Адольфо Суаресу. Его назначение обеспокоило тех приверженцев режима Франко, которые видели в премьерском кресле себя, разозлило оппозицию, которая считала Суареса сторонником националистического движения, и удивило всю страну — новый премьер-министр был молод

и явно не обладал достаточным политическим опытом. Однако непримиримые правые остались довольны, что позволило красноречивому и жизнерадостному премьер-министру начать реформы прежде, чем реакционные силы успели что-либо предпринять.

К тому времени правая оппозиция была ослаблена, но все еще прочно окопалась в коридорах власти; кроме того, следовало учитывать «чрезмерную чувствительность» вооруженных сил. Когда страна готова к переменам, обычно появляется человек, словно ниспосланный Провидением, который принимает на себя ответственность за реформы; Адольфо Суарес оказался именно таким человеком, изобретательным и решительным, и провел страну по «минному полю» переходного периода от военной диктатуры, одной из наиболее репрессивных в Западной Европе, к либеральной демократии. Однако решающую роль в этой политической драме сыграл монарх, который принял решение изменить страну, нашел нужного человека и всецело того поддерживал.

Политическая реформа

Несмотря на продолжительное ухудшение экономической ситуации и снижение уровня жизни — безработица и инфляция били европейские рекорды год за годом: первая достигла максимума (21,9%) от экономически активного населения, последняя приближалась к 40% осенью 1977 года, — испанский путь к либеральной демократии был довольно прямым и относительно мирным, однако, что естественно, не обошелся без затруднений. Началось все с закона о политической реформе от 18 ноября 1976 года, который последняя франкистская ассамблея приняла почти единодушно, а затем самораспустилась. На референдуме 15 декабря люди поддержали реформу (участие приняли 77,7% избирателей, 94,2% голосов «за»), а 23 декабря возникла социалистическая рабочая партия Испании (СРПИ).

Следующий год едва не обернулся крахом. Двадцать четвертого января пятерых адвокатов, специалистов по трудовому законодательству, убили в центре Мадрида; двоих представителей номенклатуры похитили. Военное крыло ЭТА все чаще прибегало к насилию, особенно в баскских

провинциях; другие движения, пусть и не столь воинственные, как ГРАПО и ФРАП, тоже внесли свою лепту в усиление напряжения в стране. Однако, несмотря на все провокации левых и правых экстремистов, король и премьер-министр продолжали осуществлять задуманное. Королевский указ от 18 марта 1977 года назначил на 15 июня первые с февраля 1936 года всеобщие выборы. После некоторого обострения между правительством, Верховным Судом и армией, коммунистическая партия во главе с Сантьяго Каррильо 3 апреля также получила официальное признание.

ВСЕОБЩИЕ ВЫБОРЫ (1977)

Эти выборы отразили эйфорию, в которой народ пребывал после свержения диктатуры. Из 23 млн. зарегистрированных избирателей старше 21 года 18,4 млн. (80%) воспользовались своим правом. С точки зрения разделения на правых и левых результаты 1977 года не слишком отличались от результатов сорокалетней давности: избиратели отдали предпочтение двухпартийной коалиции (СДЦ — Союз демократического центра — и СРПИ) и центристской идеологии в целом. Скромные результаты коммунистической партии (9,5% голосов и 20 мест из 350 в парла-

менте), возможно, явились следствием решения воздержаться от лозунгов, которые могли расценить как экстремистские; еще скромнее были результаты самопровозглашенного Народного альянса (8,1% голосов и 16 мест). Многие из тех, кто, возможно, сочувствовал Народному альянсу, очевидно, оценили итоги выборов и поспешно переметнулись в ряды победителей. СДЦ восстал из пепла, словно феникс. Впрочем, нельзя не признать, что победа СДЦ, лидерами которого сплошь были бывшие франкисты, хорошо вписывалась к политику страны, изъявившей готовность к переменам при сохранении ряда прежних структур. Кроме того, Адольфо Суарес назвал СДЦ партией, ответственной за демократизацию страны. А успех регионалистов в Каталонии и Стране басков (Эускади) напомнил о политической жизни в Испании до переворота Франко.

Но по крайней мере в двух отношениях всеобщие выборы 1977 года означали полный разрыв с недавним прошлым. Не было никаких религиозных сил, определяющих, как голосовать верующим: секретариат Постоянной конференции архиепископов за месяц до выборов заявил, что никакая политическая партия не может считаться выразителем интересов церкви. Впрочем,

маловероятно, что церковь могла оказать сколько-нибудь серьезное влияние на итоги выборов: отделение церкви от государства было в самом разгаре. Во-вторых, избиратели и партии единодушно признали корону в качестве верховной власти, объединяющей силы и верховного арбитра. Отец Хуана Карлоса I отказался от своего права на престол в пользу сына за месяц до всеобщих выборов, а год спустя и карлистский претендент Карлос Уго де Бурбон-Парма примирился с королем и получил испанское гражданство.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТРУДНОСТЕЙ

Деятельность кортесов в последующие шестнадцать месяцев сосредоточилась вокруг разработки основного закона страны, способного укрепить демократию при сохранении конституционной монархии. Депутаты и сенаторы столкнулись с серьезными проблемами, решить которые можно было, лишь добившись примирения интересов отдельных личностей, фракций и регионов, к чему и призывал король в своей инаугурационной речи. Страна и ее политические силы между тем приступили ко второму этапу реформ. В октябре правительство заключило соглашения со всеми политическими силами

(так называемые пакты Монклоа, по названию официальной резиденции премьер-министра). Инфляция значительно замедлилась, хотя все еще превышала почти вдвое средний уровень Европейского сообщества, однако безработица практически удвоилась (с 7 до 13%) за последующие три года. Рабочие выказывали готовность терпеть, чего нельзя было сказать о радикалах левого и правого толка и высших чинах вооруженных сил, которые продолжали сеять смуту.

Всеобщее согласие закрепила амнистия 14 октября, которая позволила таким личностям, как коммунист Энрике Листер и анархист Федерика Монтсени, вернуться в Испанию после долгих лет изгнания. Получил признание полуавтономный статус Каталонии, Барселона отметила это событие и восстановление каталонского парламента (Женералитат) бурными празднованиями. Страна басков также получила разрешение на создание «Всеобщего совета басков», призванного подготовить устав автономии. Третьей исторической автономии, Галисии, тоже позволили заняться подготовкой к местному референдуму. Синдикаты распустили, в феврале 1978 года состоялись первые свободные выборы руководства профсоюзов.

Старшие офицеры воспринимали насилие, к которому прибегала ЭТА, и рассуждения о полной автономии регионов как угрозу территориальной целостности государства. Осенью 1978 года по стране прокатилась волна выступлений против терроризма ЭТА и распада страны, а военные составили заговор, так называемую «Операцию Галактика», и назначили мятеж на 17 ноября, воспользовавшись визитом короля в Мексику. Заговор раскрыли, однако он показал настроения в офицерской среде и готовность ультраправых прибегнуть к насилию, а также продемонстрировал неспособность правительства справиться с недовольством в армии; более того, заговорщиков толком не наказали. Полковник Антонио Техеро, к примеру, просидел в тюрьме всего семь месяцев, а затем получил назначение в Мадрид, где у него появилось достаточно времени и возможностей, чтобы подготовить новый заговор, при подстрекательстве подхалимов из числа гражданских.

Учитывая все это, довольно сдержанные дебаты в парламенте и относительное спокойствие, при котором в Испании прошел референдум 6 декабря по поводу новой конституции, весьма примечательны. Конституцию одобрили по-

давляющим большинством голосов, при этом число тех, кто пришел на участки, заметно сократилось — на 13%, до 67,7%, по сравнению с 80% голосовавших на всеобщих выборах 1977 года. Что довольно характерно, в отдаленной Галисии был отмечен самый высокий показатель воздержавшихся (51,46%). А вот Страна басков, что не могло не настораживать, вообще весьма равнодушно отнеслась к новой конституции. Националистическая партия басков (НПБ) отказалась от парламентских дебатов по проекту конституции, а затем, под давлением местных экстремистов, воздержалась от референдума. Более половины граждан избирательного возраста не участвовали в голосовании, а около 50% тех басков, что все же решили выразить свое мнение, отвергли конституцию на том основании, что их права и законы не были признаны. Притязания на автономию, согласно их заявлениям, давали им право на «союзный договор» с Испанией, а не просто заставляли соглашаться на «одолжения» центральной власти. Эти разногласия с басками, продолжающееся насилие со стороны ЭТА и сохраняющаяся опасность военного переворота, от которого не желали отказываться ультраправые, превратили достижение примирения с региона-

листами в неотложную задачу.

Конституция 1978 года

Несмотря на напряженность на севере страны, конституция, одобренная на пленарном заседании конгресса и сената 31 октября 1978 года, ратифицированная референдумом 6 декабря и утвержденная королем 27 декабря, обеспечила гарантии «демократического сосуществования в рамках конституции и законов страны согласно справедливому и честному социальному и экономическому порядку». Этот программный документ оказался фактически протоколом о намерениях, который предполагалось реализовать в ходе дальнейшей законотворческой деятельности кортесов. Тем не менее он представлял собой одобренную большинством хартию, которая оказалась весьма удачной. Шестого декабря 1988 года страна отпраздновала десятую годовщину своего рождения, весело и искренне, и в стороне не остались даже такие группы, как баскские левые, «Эускадико Эскерра», которые в 1978 году отвергали конституцию. Кроме того, конституция разрешала политический вопрос, который больше, чем что-либо еще, беспокоил сторонников реформ и являлся основой развития: она

декларировала разрыв с авторитаризмом Франко и политический плюрализм в рамках конституционной монархии.

В первой статье конституции говорится, что «национальный суверенитет принадлежит испанскому народу, который является носителем власти», однако затем документ определяет устройство испанского государства как «парламентскую монархию» с наследным правителем в качестве главы государства, «неприкосновенного и не отвечающего ни перед кем» (статья 56) и уполномоченного утверждать и издавать законы (статья 62). Судя по всему, возобладало мнение, что политическое устройство государства — тот случай, когда, как говорится, от добра добра не ищут. Те, кто оспаривал легитимность прав монарха, вернувшего себе полномочия в 1975 году с позволения военной диктатуры, в конце концов смирились с королем, который показал себя приверженцем демократии — особенно во время военного переворота 23 февраля 1981 года, когда он не только осудил тех, кто поднял оружие против государства, уповая на королевскую поддержку, но и сообщил ведущим политикам страны, что в дальнейшем не хотел бы столь откровенно вмешиваться в политические раз-

ногласия. Конституционная роль монарха как верховного правителя, в понимании Хуана Карлоса, стала очевидной из его выступления на совместном заседании палат парламента 27 декабря 1978 года: монарх как олицетворение демократического порядка, символ единства и преемственности, «должен быть выше временных разногласий и местных различий». Хуан Карлос хотел быть королем всех испанцев, беспристрастным и щедрым. По данным опроса в декабре 1988 года тринадцать лет правления обеспечили ему искреннюю признательность и любовь Испании.

ГОСУДАРСТВО АВТОНОМИЙ

Особенностью конституции 1978 года стало признание статуса страны как полуфедерального объединения автономных сообществ. Статья 2 конституции «признает и гарантирует право на автономию народов и регионов и общность, которая их связывает». В начале XIX века, будучи унитарным государством, управляемым из центра (Мадрид), Испания насчитывала пятьдесят две провинции с военными и гражданскими властями, назначенными из столицы. С конца XIX века, благодаря экономическому росту и социальному развитию, на севере Испании на-

метилось стремление к автономии. Это желание в разных областях имело различную степень насущности и поддержки «народов и регионов». Более всего на автономии настаивали те, чья история, культура и язык сильно пострадали от имперских амбиций Кастилии и гражданских войн. Другие регионы высказывались за самоуправление, рассчитывая тем самым успешнее развивать собственный потенциал. Ожидания сильно различались, не говоря уже о тактике, к которой прибегали регионалисты.

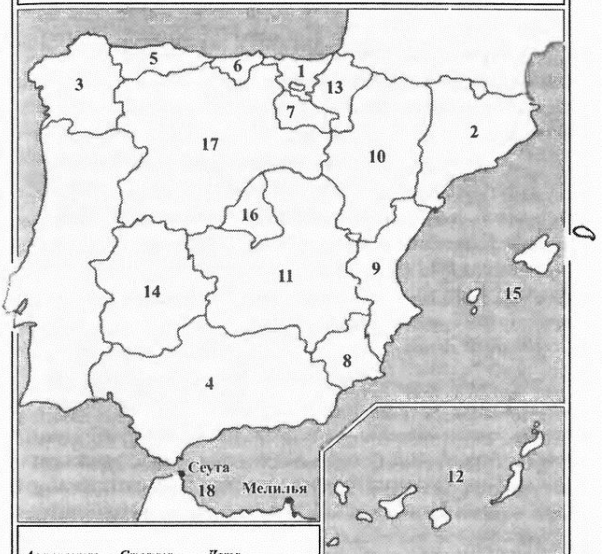
Столица, что не удивительно, реагировала весьма болезненно. В итоге любые начинания центра провинции встречали с опаской и соглашались на них крайне неохотно. Вдобавок всегда создавалось впечатление, будто центральная власть, не важно, кто именно находился у кормила, одной рукой раздавала то, что позже пыталась отобрать другой.

И вполне очевидно, что центр пользовался несогласованностью позиций регионалистов, одних поощряя, других карая, и пытался превратить эту несогласованность в принципиальные противоречия. Однако приверженность либеральной демократии означала необходимость прекратить эти политические игры, ублажить

провинции, которые немало настрадались от репрессий, и признать их социальные, экономические и демографические приоритеты, а также потери, которые они понесли в борьбе против франкизма.

Только после попытки переворота 23 февраля 1981 года, которая едва не погубила молодую испанскую демократию, правящая коалиция достигла соглашения с оппозицией, чтобы замедлить процесс «автономизации» и чтобы успокоить армию и правых. Помимо Каталонии, Эускади, Галисии и Андалусии другие регионы, стремившиеся к автономии, должны были довольствоваться статьей 143 конституции, где определялся статус регионов и провинций. Противоречивый «Закон о гармоничной автономии», представленный в кортесы 29 сентября 1981 года, столкнулся с сильным сопротивлением тех, кто уже наслаждался первыми плодами самостоятельности после региональных выборов в марте 1980 года (басков и каталонцев); законопроект передали в Конституционный суд, который постановил, что в данном случае можно говорить о попытке обратить вспять процесс автономизации.

Автономные области Испании



Автономная область	Столица	Дата одобрения автономии
1. Эускади	Витория	18.12.1979
2. Каталония	Барселона	18.12.1979
3. Галисия	Сантьяго-де-Компостела	06.04.1981
4. Андалусия	Севилья	30.12.1981
5. Астурийское княжество	Овьедо	30.12.1981
6. Кантабрия	Сантандер	30.12.1981
7. Ла-Риоха	Логроньо	09.06.1982
8. Мурсия	Мурсия	09.06.1982
9. Валенсия	Валенсия	01.07.1982
10. Арагон	Сарагоса	10.08.1982
11. Кастилия Ла-Манча	Толедо	10.08.1982
12. Канарские острова	Лас-Пальмас	10.08.1982
13. Наварра	Памплона	10.08.1982
14. Эстремадура	Мерида	25.02.1983
15. Балеарские острова	Пальма-де-Майорка	25.02.1983
16. Мадрид	Мадрид	25.02.1983
17. Кастилия и Леон	Вальядолид	25.02.1983
18. Сеута и Мелилья сохранили особый статус		

НЕУДАВШИЙСЯ ПЕРЕВОРОТ 1981 ГОДА

Попытка переворота 23 февраля 1981 года заставила страну окончательно встать на путь демократизации и политической либерализации. Основной политической причиной переворота стало ослабление центральной власти: армия восприняла происходящее как распад государства, утрату «сути» Испании. Насилие на севере продолжало нарастать, и в этом ультраправые, выразители интересов армии и олигархии центральной и южной Испании, также видели угрозу целостности страны. События 23-24 февраля 1981 года мир благодаря телевидению наблюдал во всем их трагикомическом великолепии (полковник Техеро размахивал револьвером перед кортесами). Дон Хуан Карлос I долгой ночью 23 февраля заслужил уважение нации своими решительными действиями. Офицеры, которые устроили заговор, полагали, что король их поддержит; когда выяснилось, что это не так, переворот был обречен. Народ отреагировал массовой демонстрацией в поддержку демократии, которая состоялась в Мадриде, и лидеры четырех главных политических партий возглавляли шествие.

Попытка переворота позволила набрать си-

лу социалистической оппозиции, чьи лидеры воспользовались народными протестами, официально отреклись от марксистской идеологии и объявили о своей искренней приверженности демократии. Новый лидер СДЦ Леопольдо Кальво Сотело торопил вступление в НАТО, рассчитывая тем самым утихомирить военных, однако СРПИ вернулась к власти на всеобщих выборах 28 октября 1982 года; в ней увидели единственную гарантию сопротивления реакционерам.

Оказавшись у власти, прежние противники вхождения Испании в НАТО примирились с «реалиями жизни»; они фактически обманули своих сторонников, и даже церковь осудила их действия как бесчестную попытку завоевать голоса лозунгами о разрыве с НАТО. Лидеры СРПИ во главе с Фелипе Гонсалесом могли утешаться тем, что Народный альянс, новая партия, возникшая из осколков СДЦ, теперь проповедовала осторожность, хотя до выборов горячо ратовала за вступление в НАТО. Лидер Народного альянса Мануэль Фрага сказал по этому поводу, что они поставили национальные интересы, то бишь политический оппортунизм, выше преимуществ, которые сулило вступление в НАТО. И автономизация страны продолжилась.

Новый кабинет в предстоящие четыре года должен был определиться с территориальным устройством страны. Статусы автономных областей для Эускади и Каталонии были одобрены 18 декабря 1979 года, также статус автономного сообщества получила Кастилия и Леон, семнадцатый и последний самоуправляемый регион, пополнивший карту Испании 25 февраля 1983 года. Впереди ожидал долгий путь официального перераспределения власти, однако новые региональные институты уже приступили к работе. Масштаб перемен вполне сочетался с разнообразием автономий и трудностей на пути к самостоятельности.

Работая вместе и не так, как все

Одно было очевидно: децентрализация увеличила расходы казны, так как появилась новая категория администраторов, которую бюджет не предусматривал. Дефицит средств объясняли тем, что центральное правительство слишком загружено текущими, более важными делами, но оно непременно изыщет требуемое, когда сможет уделить внимание этому вопросу. Регионы в ответ заявляли, что дефицит связан прежде всего с нежеланием обеспечить настоящую автономию. Верховный суд погряз в рассмотрении исков с обеих сторон, пытаясь разобраться в этом перетягивании каната между правительством и региональными парламентами. Наиболее затянулось обсуждение «Закона о гармонии автономий»: если бы Конституционный суд не принял сторону регионов, тем пришлось бы в значительной степени привести свои законодательства в соответствие с пожеланиями Мадрида.

КАТАЛОНИЯ И СТРАНА БАСКОВ

Межрегиональный компенсационный фонд (статья 158 часть 2 конституции) был создан для

того, чтобы оказывать помощь отстающим регионам и гарантировать солидарность «народов и регионов», однако на практике лишь позволил таким людям, как лидер «Конверхенсии и унио» Жорди Пужоль, укрепиться в Каталонии и лишить социалистов поддержки провинции — за исключением Барселоны, которая осталась оплотом социалистического движения, благодаря мэру, не менее авторитетному, чем Пужоль, Паскалю Марагалю. Пужоль, президент Женералитата, сыграл на страхах каталонского среднего класса, который опасался «социалистического беспредела» в центре и в главном городе провинции, а социалисты в правительстве страны, словно содействуя Пужолю, использовали все возможные поводы, чтобы задержать перечисление средств, которых Женералитат требовал согласно статье 148 конституции.

В Эускади отношения между центром и региональными партиями, равно как и между тремя провинциями, Гипускоа, Бискайей и Алавой, постоянно менялись, а экономический спад достиг такой степени, что прежние непримиримые противники сами затеяли переговоры с Мадридом. Тяжелая промышленность, которая традиционно доминировала на севере, наиболее сильно

пострадала от мировой рецессии и перемен на международном рынке; уровень безработицы среди молодежи был одним из самых высоких в Испании. Модернизация производства означала крупные расходы на внедрение высоких технологий. Между тем насилие, которого придерживалась ЭТА, причем именно на территории провинций, мешала инвестициям. Социалистов всегда поддерживали рабочие Бильбао и его окрестностей, а также провинция Алава. И потому Националистическая партия басков (НПБ) была вынуждена заключать соглашения с социалистами, чтобы получить возможность прийти к власти.

«Эрри Батасуна», которая в феврале 1988 года пыталась сорвать королевский визит в Памплону, безоговорочно поддержала конституцию и заложенные в нее принципы самоуправления. Даже ЭТАМ (военное крыло ЭТА) захотела обсудить условия перемирия и покончить с насилием, которое причинило столько бед.

Как и Каталония, Страна басков испытывала серьезное недоверие к центральному правительству и не забыла репрессии времен Франко. Правящая партия заявила, что автономизация — процесс длительный и неспешный, в полном

соответствии с частью 2 статьи 150 конституции. Местные радикалы указывали на присутствие в провинциях гражданских губернаторов, которым вменялось в обязанность блюсти интересы центра и координировать связи с региональными партнерами. Функции этих губернаторов сократили до минимума, и потому, согласно утверждали каталонцы, баски и галисийцы, их следует вообще отозвать, так как они лишь являются постоянным раздражителем и напоминанием об имперском прошлом. В свою очередь центральное правительство поставило вопрос о правомерности представительства басков в Брюсселе и обратилось в Конституционный суд на том основании, что это нарушение конституции, поскольку право дипломатического представительства автономиям не принадлежит.

Эти и многие другие трения, которые провоцировало толкование конституции центральным правительством, вели к бесконечным спорам между центром и периферией, что никак не способствовало скорейшему разрешению проблем «государства автономий». При этом финансирование автономии получали из центра, на что расходовался 21% национального бюджета.

ДВА ВИДА АВТОНОМИИ

Однако по сравнению со странами ЕЭС, будь государство унитарным или федеральным, текущий уровень бюджетной децентрализации на Иберийском полуострове не выглядит особенно высоким; вдобавок основные пять автономных сообществ — Страна басков, Каталония, Галисия, Андалусия и Валенсия — располагают ныне самоуправлением, сопоставимым с федеральными государствами, такими как Австрия, Западная Германия или США. Однако даже пять иберийских сообществ, которые достигли оптимального уровня административной свободы и финансовой независимости, не сумели полностью обособиться от центра: такие общественные расходы, как на образование и здравоохранение, все еще несет преимущественно государство.

Частное богатство и общественная нищета

В то время как власть уделяла повышенное внимание территориальному устройству государства, экономика страны продолжала демонстрировать сильный дисбаланс в доходах индивидов и регионов. При либерально-демократической системе и социалистическом правительстве государство фактически не пыталось способствовать сбалансированному и продолжительному экономическому развитию. Оно эффективно собирало налоги, однако не прилагало усилий по предоставлению общественных услуг, увеличению объемов долгосрочных инвестиций или перераспределению доходов. Относительный рост расходов бюджета стал возможным благодаря увеличению государственного дефицита, и государственные экономисты дружно призывали прекратить эту практику.

В середине 1980-х годов Испания была европейской «звездой» — годовой прирост составлял 5%, почти на два процента выше среднего значения по ЕЭС. В 1988 году более 54 млн. человек, почти в 1,5 раза больше населения Испании,

посетили страну; многие европейцы селились в Испании после выхода на пенсию. По данным Банка Испании, прибыль в 1987 году удвоилась относительно показателей предыдущих лет. Прибыль получали все — банкиры, финансисты, застройщики, лоббисты, юристы, бухгалтеры, консультанты, представители СМИ, рекламодатели, дистрибьюторы и разнообразные эксперты.

НЕРАВЕНСТВО ЛИЧНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ДОХОДОВ

Значительная доля населения, по данным опроса общественного мнения, проведенного в октябре 1988 года, осуждала рост расходов и полагала, что в высших эшелонах власти процветает коррупция.

Битва начала 1988 года между «Банко Эспаньол де Кредите» («Банесто»), одним из крупных банковских картелей, и «Картера Сентраль», финансовой компанией, основным пайщиком «Банесто», велась публично и стала отражением господствующей в верхах философии. Если рассуждать с позиций прибыльности и эффективности, конфликт в «Банесто» начался, когда «Картера Сентраль» стала сравнивать свои показатели с показателями «Банесто» и уточнять, откуда получена прибыль: создавалось впе-

чатление, что ее обеспечили отнюдь не такие «типичные» банковские услуги, как финансовое посредничество, ссуды и займы. Испанская валюта была самой дорогой в Европе, потому высокими были и комиссия на обменные операции, и процент на кредиты. Отдел внешних связей при министерстве иностранных дел в своем ежемесячном бюллетене в феврале 1989 года привел французский отчет о прибыли банков в Европе; из этого отчета следовало, что испанские банки — самые прибыльные и дорогие в Европе, а объяснение было следующим: высокий уровень доходов связан с дороговизной валюты, монополистическими тенденциями и дорогими услугами, так что не нужно приписывать высокую доходность эффективности управления и конкурентоспособности испанских банков.

Чрезмерные, кто-то скажет — неприличные доходы не означали инвестиций в производство или инфраструктуру, как не было и намека со стороны государства на стремление к более справедливому распределению доходов. Различия в доходах на душу населения и на регион сохраняли прежние колоссальные несоответствия. Вместе с Ирландией Испания находилась в конце европейского перечня доходов на душу населе-

ния — 900 000 песет в год. Фонд экономических и социальных исследований и Банк Бильбао провели анализ, который показал, что разница между богатыми и бедными регионами растет. В 1986 году Испания в целом прирастала на 3% ежегодно, однако Андалусия, Галисия, Эстремадура и обе Кастилии плелись позади, тогда как Балеарские и Канарские острова удвоили средние темпы роста, а Астурия испытала спад на 0,4%. Особняком стояла Страна басков с приростом всего 1,5%, который обеспечивали преимущественно строительство и сфера услуг. Относительно личного дохода оказалось, что 27 млн. испанцев, подавляющее большинство, получают гораздо меньше мифической цифры, указанной в документах правительства. В отчете Банка Бильбао утверждали, что 30% испанских семей живут в бедности, еще 40% — в состоянии между бедностью и относительным благополучием, 20% — состоятельные граждане и лишь 10% богаты.

СОЦИАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ

Социалистическая администрация 1980-х годов игнорировала эту разницу в доходах. С точки зрения социальных гарантий Испания оставалась одним из худших игроков на европейском пространстве. Еще одной проблемой была сфера

занятости, включая сюда систему подготовки и повышения квалификации рабочей силы; в 1987 году на исследования в этой области выделили скудные 0,75% национального дохода при среднем европейском показателе в 2,45%. Президент «Сиркуло де Емпресариос», совета директоров компаний, в феврале 1989 года сообщил, что исследования проводятся лишь в таких отраслях, как химическая промышленность, медицина, электроника и информационные технологии, причем все они привлекают средства из-за рубежа. После 12 лет убытков «Сеат», дочерняя компания «Фиат» и главный производитель автомобилей в Испании, начал получать прибыль в 1987 году, после поглощения «Фольксвагеном». Основными сферами для инвестиций местного частного капитала, с другой стороны, оставались продукты питания, напитки, ткани, кожа и меха, но даже в этих сферах крупные розничные магазины постепенно переходили в руки иностранцев.

Всеобщая забастовка в декабре 1988 года

Четырнадцатого декабря 1988 года на 24 часа остановились предприятия по всей стране. По официальным данным, 94% штатных работников (7,8 млн. человек) приняли участие в забастовке. Массовая демонстрация силы профсоюзов (во главе с социалистическим UGT и коммунистическим CCOO), выступавших против экономической политики правительства, ознаменовала новую эру не только в промышленных отношениях, но и в политической конфигурации испанской партийной системы. Социал-демократическая администрация во главе с Фелипе Гонсалесом потеряла доверие рабочих и других низкооплачиваемых социальных групп. Объединенные левые, во главе с Испанской коммунистической партией, стремились сблизиться как с коммунистическими, так и социалистическими профсоюзами, привлекая и членов СРПИ, которые хранили верность демократическому социализму.

Президент Гонсалес

Рабочие организации больше не поддавались на правительственные уговоры и угрозы и отказывались принимать традиционные «лекарства», прописываемые министрами экономики. Усреднение заработной платы, жесткая структура сферы занятости, ухудшение условий труда являлись давними бедами Испании. Труд в стране все еще ценился крайне дешево, именно поэтому иностранный капитал стремился в Испанию.

Рост богатства верхушки общества и сопутствующий ему рост потребления были очевидны, и рабочие тоже хотели своей доли от общего процветания. Суровая же монетаристская политика, которой и объясняли этот рост, не создавала новых рабочих мест.

ИСПАНИЯ И ЕЭС

В Европе Испания наконец-то сумела добиться плодотворного сотрудничества. Годы экономического отставания и политического остракизма остались далеко позади. В 1986 году Испания официально стала членом Европейского экономического сообщества и, чтобы наверстать годы изоляции, планировала максимально ускорить политическую и культурную интеграцию.

С 1989 года Испания наслаждалась новым международным статусом члена Европейского союза, причем даже председательствовала в ЕС и приняла единую европейскую валюту. Намереваясь воспользоваться итогами недавних европейских выборов, премьер-министр Фелипе Гонсалес пошел на национальные выборы 29 октября 1989 года. Он рассчитывал на повторное избрание, чтобы продолжать реализацию экономической программы и ввести Испанию в единый европейский рынок. Гонсалес и его социалистическая

партия получили 175 мест в нижней палате парламента (из 350), то есть ровно половину. К счастью для них, удалось получить большинство после отказа четырех депутатов «Эрри Батасуна», баскской сепаратистской партии, занять места в парламенте. Эта неопределенность в парламенте, возможно, сказалась на деятельности правительства; даже последовали предложения о коалиции Объединенным левым (которые больше всех выиграли от проигрыша СРПИ) и профсоюзам, чья оппозиция во многом способствовала назначению новых выборов всего через три года после предыдущих.

В марте 1990 года Испания вступила в НАТО. В последнюю неделю октября 1991 года, по инициативе СССР, Мадрид стал местом проведения мирной конференции по ближневосточному урегулированию; в 1992 году Испания подтвердила свою приверженность общеевропейским ценностям, подписав Маастрихтский договор. Страна также была временным членом Совета Безопасности ООН с 1 января 1993 года до января 1995 года; это была своего рода форма поощрения: ведь в те дни по обе стороны Атлантики отмечали 500-летнюю годовщину открытия Америки, а в 1992 году в Барселоне прошли Олимпийские игры.

Земля обетованная, 1992 год

Проведение Всемирной выставки «Экспо-92» в Севилье признали успешным, а Олимпийские игры в Барселоне прозвучали на весь мир, не в последнюю очередь благодаря достижениям испанских спортсменов, которых впервые в истории страны осыпали дождем наград; королевская семья заслужила признание как дома, так и за границей. Однако после завершения «Экспо» стали вновь проявляться признаки бедственного состояния испанской экономики.

Прибыли, которые экономика получала от импорта капитала до 1993 года, когда одну из двух акций в любой отрасли непременно приобретал нерезидент, иссякли, поскольку вступили в силу европейские правила обращения капитала (после полного вхождения Испании в Европейский союз).

Отставка управляющего Банком Испании в сентябре 1992 года в связи с подозрениями в мошенничестве была отнюдь не единичным случаем. С 1989 года едва ли выдавался день без новостей об очередном чиновнике-социалисте, вовлеченном в незаконные операции с ценными

бумагами, обвиняемом в получении взяток за политические привилегии и в создании фальшивых офисов для фиктивных консультаций и получения финансовых взносов «на нужды партии». Весной 1994 года начался судебный процесс над бывшим главой гражданской гвардии, которого обвинили в целом ряде преступлений; тогда же состоялось назначение в «Банесто» (кредитный банк) внешнего управляющего из Банка Испании, поскольку вскрылись финансовые махинации, а еще — четыре отставки министров.

Пока обложки глянцевых журналов извещали о «фокусах» элиты и перестановках в кабинете, общий уровень жизни оставался средним, а сбалансированный экономический рост по-прежнему лишь планировался. Вдобавок на страну обрушилась самая страшная засуха столетия: дождей в некоторых районах Испании не было четыре года подряд, что привело к катастрофе в сельском хозяйстве. Проливные дожди и сильные снегопады в зимние месяцы (1995-1996) принесли облегчение и надежды на урожай.

Всеобщие выборы 1996 года

Эти выборы проходили 3 марта. Как и на предыдущих, явка была довольно высокой: 78% избирателей. Народный альянс получил 156 из 350 мест в парламенте, социалистическая — 141 место, Объединенные левые — 21, а «Конверхенсия и унио» — 16. После длительных переговоров Хосе Мария Аснар, лидер Народного альянса, достиг соглашения с «Конверхенсией», баскской националистической партией и Канарской коалицией, что позволило ему сформировать кабинет министров в начале мая. Соглашение с «Конверхенсией» сопровождалось претензиями Жорди Пужоля на усиление автономии Каталонии. Переговоры возобновились в январе 1998 года.

Более того, на региональных выборах в Стране басков в октябре 1998 года Народный альянс вместе с социалистической партией и Объединенными левыми удивили всех, выиграв у регионалистов в шестнадцати крупнейших городских центрах Эускади. Народный альянс взял верх в Бильбао (впервые в истории), Сан-Себастьяне и Витории, столице Страны басков

и месте пребывания местного правительства. После соглашения с Народным альянсом «Конверхенсия и унио» несколько упрочила свое положение по причине легкого перевеса голосов за СРПИ на местных, региональных и европейских выборах 13 июня 1999 года. Народный альянс потерял три из одиннадцати региональных правительств, а СРПИ, в свою очередь, получила три новых (всего 17).

Фелипе Гонсалес воспринял поражение на выборах 1996 года как временную неудачу: «сладкое поражение», по его собственным словам. Он предполагал, что его политический капитал и богатый опыт помогут ему на следующих выборах, а потому построил предвыборную кампанию на снисходительной критике и насмешках над неопытным Хосе Марией Аснаром. Однако «грехи прошлого» преследовали бывшего премьер-министра. Различные коррупционные процессы, начавшиеся, когда социалисты еще были у власти, наконец завершились. В марте 1997 года Марио Конде получил шесть лет тюремного заключения, замененных в феврале 1998 года четырьмя с половиной годами; его также оштрафовали на 100 тысяч евро и обязали выплатить 240 тысяч евро компенсации банку «Банесто».

В июне того же года на конференции СРПИ Фелипе Гонсалес объявил о своей отставке с поста генерального секретаря партии после 23-летнего руководства. Командующий гражданской гвардией Луис Ролдан был признан виновным в мошенничестве, присвоении чужого имущества и уклонении от налогов в феврале 1998 года и приговорен в 28 годам тюремного заключения. Летом того же года Хосе Барриону́эво, бывший министр внутренних дел, и Рафаэль Вера, бывший министр безопасности, были приговорены к тюремному заключению за участие в так называемой «грязной войне» против баскской сепаратистской организации ЭТА.

Фелипе Гонсалеса сменил его верный товарищ Хоакин Альмуниа, который потерпел поражение от Хосе Борреля на первичных выборах генерального секретаря партии в апреле 1998 года. Альмуниа решил уйти в отставку, однако его предложение было отвергнуто. Трения по поводу того, кому быть лидером оппозиционной партии, продолжались до мая 1999 года, когда Боррель ушел после скандала с уклонением от налогов, в который оказались вовлечены его бывшие коллеги. Вполне очевидно, что надежды на победу на выборах в разгар серьезного кризиса в партии и

на фоне разоблачения налоговых и финансовых правонарушений были тщетными. Партия также не могла четко сформулировать свою политическую платформу и лишь рассуждала о некоем «третьем пути», предлагая голосовать за него. Если СРПИ и пыталась договориться с Объединенными левыми, было все равно слишком поздно (январь 2000 г.), и результаты выборов два месяца спустя показали, что эту попытку не восприняли всерьез ни сами Объединенные левые, ни левый политический сектор в целом.

Что касается нового правительства Хосе Марии Аснара, после весьма неуверенного старта, отмеченного массовыми демонстрациями и забастовками в конце 1996-го и начале 1997 года (против приватизации общественной собственности, направленной на сокращение бюджетного дефицита в рамках соглашения о вступлении Испании в зону евро), премьер-министру удалось воспользоваться экономическим подъемом при сохранении либеральной политики. Он также достиг значительного прогресса в переговорах с рабочими и пенсионерами. Основные профсоюзы (CCOO и UGT) одобрили социальную политику правительства в марте 1999 года; надо признать, женщинам Народный альянс дал куда больше

политических прав, чем любая другая партия в стране. И, возможно, самое главное, Хосе Мария Аснар, которого поддержал министр внутренних дел Хайме Майор Ореха, настоял на решительной борьбе с ЭТА, что обернулось заявлением последней о прекращении огня в сентябре 1998 года.

ЭТА ПРЕКРАЩАЕТ ОГОНЬ

После прихода Аснара к власти ЭТА стала чаще похищать людей и нападать на военные цели, причем к числу потенциальных жертв отнесла членов Народного альянса не только в Стране басков, но по всей Испании. Похищение Мигеля Анхеля Бланко, молодого магистрата из баскского города Эрмуа, привело к беспрецедентному публичному возмущению, тем более что молодой человек был убит незамедлительно после того, как истек срок 48-часового ультиматума с требованием переместить баскских заключенных в Страну басков. В крупнейших со времен попытки военного переворота 1981 года демонстрациях шесть миллионов испанцев по всей стране вышли на улицы. «Уважая чувства народа», глава правительства и министр внутренних дел Хайме Майор Ореха торжественно пообещали усилить борьбу против ЭТА и ее политического крыла «Эрри Батасуна». И вскоре ЭТА и «Эрри Батасуна»

уже понесли серьезные потери, связанные с многочисленными арестами и захватами крупных складов оружия (с лета 1997 года) как на французской, так и испанской территориях. Видимо, эти политические и финансовые потери и общественное возмущение не только в других районах Испании, но и в самой Стране басков, не оставили ЭТА выбора: она объявила о прекращении огня на неопределенный срок 16 сентября 1998 года и начала переговоры с правительством, за месяц до региональных выборов в Стране басков.

ЭКОНОМИКА

Заняв свой пост в 1996 году, Хосе Мария Аснар объявил о стремлении Испании вступить в европейский экономический и валютный союз, что потребовало налоговых и финансовых мер, нацеленных на сокращение бюджетного дефицита до 2% ВВП к 1998 году. Как уже было сказано, сокращение государственных расходов вызвало протесты, однако это сокращение обернулось экономическим подъемом и принесло ощущение общего улучшения экономической ситуации. Рост ВВП в 1998 году составил 3,8%, наивысший показатель с 1990 года; годовая инфляция снизилась с 3,6% в 1996 году (5% в 1995 году) до менее 3% в 1997-1998 годах, это самое низкое значение с тех

пор, как в 1962 году был введен индекс потребительских цен. Безработица сократилась на 1 млн. человек, число рабочих с постоянным контрактом выросло на 2%. Те, кто трудился неполный рабочий день, также получили определенные льготы на случай болезни или безработицы; вдобавок правительство продемонстрировало готовность повышать пенсии, что обещала еще администрация социалистов в 1995 году.

С другой стороны, 14,5% безработных (на 9% выше среднего европейского уровня) — показатель весьма высокий, а условия труда в целом не улучшились, если опираться на 14-процентный рост числа несчастных случаев на рабочем месте с 1996 по 1998 год. Более того, доход на душу населения на 20% уступал среднему европейскому, а производительность имела всего 0,44% годового роста при 1,7% в Европе. Различия в частных и региональных стандартах жизни продолжали увеличиваться. Отчет комиссии Каритаса (1998) показал, что уровень бедности составлял 22% (на 7% выше среднеевропейского), а провинции вдоль португальской границы, а также Куэнка и Луго находились в самом низу списка за 2000 год, тогда как Наварра, Барселона, Сарагоса и Мадрид, в указанном порядке, возглавляли этот список

с показателями гораздо выше средних европейских. Как бы ни относиться к экономической деятельности Народного альянса за три года у власти, к концу 1999 года опросы общественного мнения свидетельствовали, что у людей появляется уверенность в будущем, и это несомненное достижение консерваторов.

Всеобщие выборы 12 марта 2000 года

На трех предыдущих выборах (1989, 1993 и 1996) общее число голосов за СРПИ и Объединенных левых оставалось неизменным, выше 48%, тогда как Народный альянс демонстрировал стабильный рост: с 25,8% в 1989-м до 38,8% в 1996 году. У альянса был отличный шанс вернуть утраченное и получить большинство, достаточное для формирования своего правительства. Настроения накануне выборов не обещали сюрпризов; однако результаты оказались довольно неожиданными: Народный альянс получил 44,5% голосов; тогда как социалисты и Объединенные левые набрали всего 39,54% (34,08% и 5,46% соответственно).

Возможно, это не совсем поворотный пункт в новейшей политической истории Испании. Однако если принять во внимание массовую неявку левых избирателей и то обстоятельство, что пропорциональная система, принятая в Испании, сыграла против более слабых партий, победа консерваторов означала усиление их влияния в Мадриде и Валенсии, а также в Каталонии, где они получили 4 дополнительных места. Что еще более важно, Народный альянс впервые получил

одно место в Жироне. В итоге положение Хосе Марии Аснара существенно укрепилось, и ему уже не приходилось торговаться с Жорди Пужолем относительно условий формирования коалиции или обращаться за содействием к ослабленной оппозиции.

На самом деле оппозиция была не в том положении, чтобы на что-либо претендовать; их политическая и экономическая опоры серьезно сократились в связи с приверженностью пресловутому «третьему пути» и приватизацией государственной служб и коммунальных услуг. Через три месяца после поражения Хосе Родригес Сапатеро был избран генеральным секретарем партии. Он молод и, похоже, талантлив; его репутация все еще не запятнана, как у бывших лидеров СРПИ. Возможно, он сумеет завоевать голоса избирателей, как СРПИ, так и Объединенных левых и других оппозиционных движений; другого способа попросту не существует[5]. Хосе Мария Аснар начал второй срок в премьерском кресле, опираясь на большинство в парламенте. Впрочем, ему предстояло решать такие вопросы, как прекращение политического насилия

[5] Примечания: 5

В 2004 году после победы на выборах Х. Сапатеро стал премьер-министром Испании.

и борьба с сепаратизмом. Неизвестно, каковы истинные намерения Мадрида, прежде всего консерваторов, относительно реализации положений конституции 1978 года, готовы ли они к подлинной децентрализации. Ясно, что рано или поздно региональные правительства (автономии) перестанут требовать независимости и заговорят об объединении, но уже в составе не унитарного государства, а федерации или чего-то наподобие. Что касается политического насилия, к концу 1999 года ЭТА объявила о возобновлении огня, и страна замерла в ожидании новых похищений, вымогательств и убийств.

ВСЕОБЩИЕ ВЫБОРЫ В СТРАНЕ БАСКОВ 3 МАЯ 2001 ГОДА

На последних всеобщих выборах в баскский парламент коалиция НПБ вернулась к власти с подавляющим большинством (27 мест в 1998-м и 33 места из 75 в 2001 году). Явка на избирательные участки составила чуть менее 80%, это рекорд местных выборов; НПБ увеличила свою долю голосов почти на 150 000 (с 36,7% в 1998-м до 42,7%), и половина из них, по меньшей мере, принадлежала недовольным сторонникам «Эрри Батасуна», которая не смогла поддержать «Эускаль Эрротаррок» (ЭЭ), преемника политического

крыла ЭТА. Представительство ЭЭ в парламенте сократилось вдвое, с 14 мест в 1998-м до 7 мест в 2001 году. Количество голосов за националистов осталось практически неизменным. В итоге НПБ сформировала правительство во главе с Хуаном Хосе Ибарретче, при неожиданной поддержке Объединенных левых.

Несмотря на давление со стороны НПБ и призывы отказаться от политического насилия, ЭТА подтвердила свое заявление о возобновлении огня, не испугавшись решительных ответных мер правительства. За сутки до официального вступления Ибарретче в должность, 10 июля, в Мадриде был убит полицейский, а три дня спустя — офицер баскской службы безопасности. Однако с тех пор никаких убийств не было[6]. Возможно, НПБ укрепила свое влияние среди баскских избирателей, а урон, нанесенный националистическим партиям, обернулся дискуссией в Витории по поводу целей и средств ЭТА. Ибарретче и президент Националистической баскской партии Хавьер Арсаллус совместно высказались, что насилие — не метод решения политических проблем, но одновременно подчеркнули, что

[6] Примечания: 6

В 2006 году ЭТА вновь заявила о прекращении огня, но позднее в том же году продолжила боевые действия.

баски не готовы пожертвовать автономией, и обвинили Хосе Марию Аснара в затягивании переговоров относительно статуса провинции.

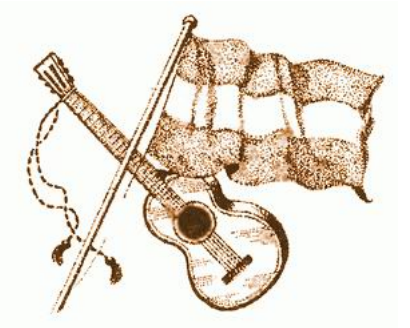
Что сулит будущее Стране басков, возможно ли положить предел насилию? На эти вопросы сложно ответить. Одно можно сказать наверняка — террористическая атака на Нью-Йорк и Вашингтон (11 сентября) ознаменовала начало войны с терроризмом; отныне те страны, где прибегают к политическому насилию, будут отвечать террористам адекватно. Остается лишь надеяться, что здравый смысл возобладает до того, как мир погрузится в «столкновение цивилизаций», от которого пострадает все живое.

ПОПУЛЯРНОСТЬ ИСПАНИИ

Чтобы закончить на более светлой ноте, скажем, что Испания встречает новое тысячелетие современной страной. Она играет важную роль в европейской и международной политике. Число конгрессов и конференций, проведенных и проводимых в Испании, доказывает это со всей очевидностью. Она продолжает привлекать множество туристов, как своей природой, так и знаменитыми достопримечательностями и богатейшей культурой. Испанские спортсмены побеждают в соревнованиях по всему миру: мож-

но упомянуть Северианo Баллестероса, Аранту Санчес-Викарио, Алекса Сорретху, Мигеля Индурайна, Карлоса Сайнса, а также, вне сомнения, такие популярные футбольные клубы, как мадридский «Реал» и «Барселона».

Весьма важны для роста популярности Испании и ее роли в мире отношения страны с Африкой, Латинской Америкой и Филиппинами, причем Испания честно признает ошибки прошлого, а также расширение ареала кастильского языка. В 1998 году 64,5 млн. человек посетили Испанию (из них 45 млн. туристов), далеко впереди британцы, затем немцы, французы и представители других народов. Что касается Великобритании, предпочтение Испании как места отдыха или проживания на пенсии ведет к постоянному увеличению числа англичан, старых и молодых, изучающих кастильский. Кроме того, около 300 млн. человек говорят на этом языке, который является государственным в 20 странах мира. Последние исследования показали, что 250 000 человек в Англии и Уэльсе изучали этот язык (на 60% больше по сравнению с 1996 годом).



Правители и монархи

Вестготские правители

Под давлением гуннов около 200 000 представителей германских племен вторглись в римскую Испанию осенью 409 г. н. э. Свевы под командованием Эрмерика поселились на северо-западе и позже (584) подпали под власть вестготского королевства Толедо.

Остальная часть Иберийского полуострова являлась частью королевства Тулуза до 507 г., когда Хлодвиг I, король франков, вытеснил вестготов из юго-восточной Франции. В 554 г. Атанагильд перевел свой двор в Толедо.

Гезалех: 507-511 гг.
Атанагильд: 554-567 гг.
Леовигильд: 572-586 гг.
Реккаред: 586-601 гг.
Свинтила: 621-631 гг.
Реккесвинт: 649-672 гг.
Вамба: 672-680 гг.
Эрвигий: 680-687 гг.
Эгика: 687-702 гг.
Витица: 700-710 гг.
Родерих: 710-711 гг.

Мусульманская Испания

Аль-Андалус с 711 по 756 г. был провинцией эмирата Ифрикии (Северной Африки), входившего в состав халифата Омейядов Дамаска.

Тарик бен Зийяд: 710-712 гг.

Муса бен Нусайр: 712-714 гг.

Абд аль-Азиз бен Муса: 714-716 гг.

Юсуф бен Абд аль-Рахман аль-Фихри: 747-756 гг.

Независимый эмират Омейядов

Абд аль-Рахман I: 756-788 гг.

Хишам I: 788-796 гг.

Аль-Хакам I: 796-822 гг.

Абд аль-Рахман II: 822-852 гг.

Мухаммед I: 852-886 гг.

Аль-Мунзир: 886-888 гг.

Абд Аллах: 888-912 гг.

Абд аль-Рахман III: 912-929 гг.

Кордовский халифат

Абд аль-Рахман III: 929-961 гг.

Аль-Хакам II: 961-976 гг.

Хишам II: 976-1009 г. (Аль-Мансур, всемогущий министр, правил от его имени до 1002 г., а затем

его сын)

Мухаммед II: 1009 г.
Сулейман: 1009-1010 гг.
Мухаммед II: 1010 г.
Хишам II: 1010-1013 гг.
Сулейман: 1013-1016 гг.
Али бен Хаммад: 1016-1018 гг.
Абд аль-Рахман IV: 1018 г.
Аль-Казим бен Хаммад: 1018-1021 гг.
Яхья бен Али бен Хаммад: 1021-1023 гг.
Аль-Казим бен Хаммад: 1023 г.
Абд аль-Рахман V: 1023-1024 гг.
Мухаммед III: 1024-1025 гг.
Яхья бен Али бен Хаммад: 1025-1027 гг.
Хишам III: 1027-1031 гг.

Правители тайфов (местные правители): первое разделение

С 1031 по 1110 г., когда Альморавиды из Марракеша восстановили политическое единство Аль-Андалуса, Кордовский халифат распался на двадцать четыре отдельных государства.

Эмиры Альморавиды:
Юсуф бен Ташуфин: 1061-1106 гг.
Али бен Юсуф: 1106-1143 гг.
Ташуфин бен Али Юсуф: 1143-1145 гг.

Ибрагим бен Ташуфин: 1145 г.
Исаак бен Али: 1145-1147 гг.

Правители тайфов: второй раздел
С 1147 по 1172 г. появилось 11 мелких королевств, которые постепенно подпали под власть новых правителей Марракеша, Альмохадов.

Халифы династии Альмохадов
Мухаммед бен Тумарт: 1121-1128 гг.
Абу Мухаммед Абд аль-Мумин: 1128-1163 гг.
Абу Якуб Юсуф I: 1163-1184 гг.
Абу Юсуф Якуб: 1184-1199 гг.
Абу Абд Аллах Мухаммед: 1119-1213 гг.
Абу Якуб Юсуф II: 1213-1223 гг.
Абдальвахид аль-Махлу: 1223-1224 гг.
Абу Мухаммед Абдалла аль-Адиль: 1224-1226 гг.
Яхья аль-Мутасим: 1226 г.
Абу-Л-Ала Идрис аль-Мамун: 1226-1231 гг.
Абу Мухаммед Абдальвахид аль-Рашид ибн аль-Мамун: 1232-1242 гг.
Абул-Хасан Али аль-Саид аль-Мутатид: 1242-1248 гг.
Абу-Хафс Умар аль-Муртада: 1248-1266 гг.
Абу-Л-Ала аль-Васик: 1266-1268 гг.

Королевство Насридов в Гранаде
Абу-Абдалла Мухаммед Г. 1238-1272

И: 1272-1301 гг. III: 1301-1308 гг.

Абу-Л-Джуюш Наср ибн Мухаммед II: 1308-1313 гг.

Абу-Л-Валид Исмаил I ибн Фарадж: 1313-1324 гг.

Мухаммед IV: 1324-1332 гг.

Абу-Л-Хаджадж Юсуф I: 1332-1354 гг.

Мухаммед V: 1354-1358 гг.

Абу-Л-Валид Исмаил II: 1358-1359 гг.

Абу Сайд Мухаммед VI: 1359 — 1361 гг.

Мухаммед V: 1361-1390 гг.

Абу-Л-Хаджадж Юсуф II: 1390-1391 гг.

Мухаммед VII: 1391-1407 гг.

Абу-Л-Хаджадж Юсуф III: 1407-1423 гг.

Мухаммед VIII: 1423-1427 гг.

Мухаммед IX: 1427-1429 гг.

Мухаммед VIII: 1431-1444 гг.

Мухаммед X: 1444-1445 гг.

Сад аль-Мустайн ибн Али: 1445-1446 гг.

Мухаммед X: 1446-1453 гг.

Сад аль-Мустайн ибн Али: 1453-1462 гг.

Абу-Л-Хасан Али ибн Сад: 1462-1482 гг.

Мухаммед XI (Боабдил): 1482-1483 гг.

Али: 1483 - 1485 гг.

Мухаммед XII: 1485-1486 гг.

Али: 1485-1486 гг.

Мухаммед XI (Боабдил): 1486-1492 гг.

Гранада сдалась Изабелле и Фердинанду, «Католическим королям», 2 января 1492 г.

Северные владения

Аль-Андалус переживал политический и военный упадок и потому стал легкой добычей воителей с севера. Христианская Испания зарождалась как множество семейных феодальных владений вдоль Кантабрийского побережья и подножия Пиренеев. Мусульманский раскол позволил им двинуться на юг, и северные владения и графства постепенно сделались серьезными противниками мусульманских тайфов, а также начали соперничать между собой.

Правители Кастилии и Леона

Фердинанд I Кастильский (1035-1065) и Леонский (1037-1065)

Санчо II Кастильский: 1065-1072 гг.

Альфонсо VI Леонский (1065-1109) и Кастильский (1072-1109)

Уррака: 1109-1126 гг.

Альфонсо VII: 1126-1157 гг.

Санчо III Кастильский: 1157-1158 гг.

Альфонсо VIII Кастильский: 1158-1214 гг.

Фердинанд II Леонский: 1157-1188 гг.

Альфонсо IX Леонский: 1188-1230 гг.

Энрике I Кастильский: 1214-1217 гг.

Фердинанд III Кастильский (1217-1252) и Леонский (1230-1252)

Альфонсо X: 1252-1284 гг.

Санчо IV: 1284-1295 гг.

Фердинанд IV: 1295-1312 гг.

Альфонсо XI: 1312-1350 гг. Педро I: 1350-1369 гг.

Энрике II Трастамара: 1369-1379 гг.

Хуан I: 1379-1390 гг.

Энрике III: 1390-1406 гг.

Хуан II: 1406-1454 гг.

Энрике IV: 1454-1474 гг.

Изабелла I: 1474-1504 гг.

Хуана I и Фелипе I (король-консорт): 1506-1508 гг.

Короли Арагона

Рамиро I: 1035-1063 гг.
Санчо Рамирес I: 1063-1094 гг.
Педро I: 1094-1104 гг.
Альфонсо I: 1104-1134 гг.
Рамиро II: 1134-1137 гг.

Короли Арагона и графы Барселоны

Петронила I Арагонская и Рамон Беренгер IV Барселонский: 1137-1162 гг.

Альфонсо II: 1162-1196 гг.

Педро II: 1196-1213 гг.

Хайме I: 1213-1276 гг.

Педро III: 1276-1285 гг.

Альфонсо III: 1285-1291 гг.

Хайме II: 1291-1327 гг.

Альфонсо IV: 1327-1336 гг.

Педро IV: 1336-1387 гг.

Хуан I: 1387-1395 гг.

Мартин I: 1395-1410 гг.

Междуцарствие: 1410-1412 гг.

Фердинанд I Трастамара: 1412-1416 гг.

Альфонсо V: 1416-1458 гг.

Хуан II: 1458-1479 гг.

Фердинанд II (и V Кастильский после брака с Изабеллой I): 1479-1516 гг.

Испанские правители

Династия Трастамара-Бургундия-Габсбурги
Карлос I: 1516-1556 гг.
Филипп II: 1556-1598 гг.
Филипп III: 1598-1621 гг.
Филипп IV: 1621-1665 гг.
Карлос II: 1665-1700 гг.

Бурбоны
Филипп V: 1701-1724 гг.
Луис I: 1724 г.
Филипп V: 1724-1746 гг.
Фердинанд VI: 1746-1759 гг.
Карлос III: 1759-1788 гг.
Карлос IV: 1788-1808 гг.
Фердинанд VII: 1808 г.
Хосе I: 1808-1813 гг.
Фердинанд VII: 1814-1833 гг.
Мария-Кристина, регентша Испании во время несовершеннолетия Изабеллы II
Изабелла II: 1843-1868 гг.
1868 г.: Сентябрьская революция

Регенты и Временное правительство

Президенты

Франсиско Серрано (герцог де ла Торре): октябрь 1868 — июнь 1869 г.

Хуан Прим (маркиз де лос Кастильехос): июнь 1869 — декабрь 1870 г.

Хуан Б. Топете (адмирал): декабрь 1870 — январь 1871 г.

Амадео I (31 октября 1870 г. — 11 февраля 1873 г.)

Премьер-министры

Франсиско Серрано: январь—июль 1871 г.

Мануэль Руис Соррилья: июль—октябрь 1871 г.

Хосе Малькампо: октябрь—декабрь 1871 г. — май 1872 г.

Франсиско Серрано: май—июнь 1872 г.

Мануэль Руис Соррилья: июнь 1872 — январь 1873 г.

Первая республика

Президенты
Эстанислао Фигерас: февраль—июнь 1873 г.
Франсиско Пи-и-Маргаль: июнь—июль 1873 г.
Николас Сальмерон: июль—сентябрь 1873 г.
Эмилио Кастелар: сентябрь—декабрь 1873 г.

Регентство Бурбонов

Главы временного правительства
Франсиско Серрано: январь—май 1874 г.
Хуан де Савала: май—сентябрь 1874 г.
Пракседес Матео Сагаста: сентябрь—декабрь 1874 г.

Реставрация монархии Бурбонов

Альфонсо XII: 29 декабря 1874-1885 гг.
Мария-Кристина, регентша: 1885-1902 гг.
Альфонсо XIII: 1902-1931 гг.

Премьер-министры
Мигель Примо де Ривера: 1923-1930 гг.
Дамасо Беренгер: 1930-1931 гг.
Хуан Баптиста Аснар: февраль—апрель 1931 г.

Вторая республика

Глава временного правительства

Нисето Алькала Самора: апрель—октябрь 1931 г.

Президенты

Нисето Алькала Самора: декабрь 1931 г. — апрель 1936 г.

Диего Мартинес Баррио: апрель—май 1936 г.

Мануэль Асанья: май 1936 г. — февраль 1939 г.

Премьер -министры

Мануэль Асанья: октябрь 1931 г. — сентябрь 1933 г.

Алехандро Леру: сентябрь—октябрь 1933 г.

Диего Мартинес Баррио: октябрь—декабрь 1933 г.

Алехандро Леру: декабрь 1933 г. — апрель 1934 г.

Рикардо Сампер: апрель—октябрь 1934 г.

Алехандро Леру: октябрь 1934 г. — сентябрь 1935 г.

Хоакин Капаприета: сентябрь—декабрь 1935 г.

Мануэль Портела Вальядарес: декабрь 1935 г. — февраль 1936 г.

Мануэль Асанья: февраль—май 1936 г.

Сантьяго Касарес Кирога: май—июль 1936 г.

Диего Мартинес Баррио: 19-20 июля 1936 г.

Хосе Хираль: июль—сентябрь 1936 г.

Франсиско Ларго Кабальеро: сентябрь 1936 г. — май 1937 г.

Хуан Негрин: май 1937 г. — февраль 1939 г.

Вооруженное восстание (17-18 июля 1936 г.)

Президент Национального оборонного совета Генерал Мигель Кабанельяс: 23 июля — 30 сентября 1936 г.

Диктатура Франсиско Франко Баамонде

Глава правительства и вооруженных сил: 1 октября 1936 г. — 20 ноября 1975 г.

Председатели совета министров:

Генералиссимус Франко: 30 января 1938 г. — 11 июня 1973 г.

Адмирал Луис Карреро Бланко: 8 июня — 20 декабря 1973 г.

Карлос Ариас Наварро: 3 января 1974 г. — 27 ноября 1975 г.

Король Испании Хуан Карлос I: 22 ноября 1975 г. —

Главы правительства:

Карлос Ариас Наварро: 4 декабря 1975 г. — 1 июля 1976 г.

Адольфо Суарес Гонсалес: 3 июля 1976 г. — 29 января 1981 г.

Леопольдо Кальво Сотело (Союз демократического центра): 21 февраля 1981 г. - 27 октября 1982 г.

Фелипе Гонсалес Маркес (Испанская социали-

стическая рабочая партия): 28 октября 1982 г. — 3 марта 1996 г.

Хосе Мария Аснар (Народная партия): 3 марта 1996 г.

Хронология основных событий

До н. э.

Ок. 1100 г. Основание Гадеса (Кадиса) финикийцами.

Ок. 1000 г. Приход кельтов на Иберийский полуостров.

Ок. 650 г. Карфагеняне поселяются на Эбесус (Ибице).

Ок. 600 г. Тартесс, на запад от Гадеса, важный культурный центр западного Средиземноморья.

550-500 гг. Греческие купцы основали Эмпорион (Эмпуриес) и Эмероскопейон (Дения).

535 г. Уничтожение Тартесса.

241 г. Первая Пуническая война.

228-227 гг. Основание Нового Карфагена (Картахены).

219 г. Разграбление Сагунта Ганнибалом.

206 г. Победа римлян над карфагенянами при Илипе (Алькала-дель-Рио). Римские легионы основали Италику (Севилью).

202 г. Победа римлян над карфагенянами при Заме (Карфагене).

Римская Испания

197-195 гг. Испания Ближняя и Испания Дальняя.

149-146 гг. Третья и последняя Пуническая война. Разрушение Карфагена.

147-139 гг. Восстание Вириата из племени кельтиберов против Рима.

133 г. Падение Нуманции, последнего бастиона кельтиберов.

27 г. Разделение Испании на три провинции: Бетика, Лузитания и Тарраконская Испания.

26-24 гг. Основание Цезареи Августы (Сарагосы) и Эмерита-Августы (Мериды), столицы Лузитании, императором Октавианом.

Н.э.

98 г. Траян (98-117), первый рожденный в Испании римский император.

170-173 гг. Восстание лузитанов против Рима; общий раскол Римской империи.

235-297 гг. Конец римского владычества; Испании угрожает вторжение германских племен (франков).

284 г. Разделение Римской империи на Восточную и Западную.

305 г. Первый собор христианских

епископов в Эльвире (Гранаде).

312 г. Император Западной Римской империи Константин провозглашает христианство официальной религией Рима.

370 г. Первое появление гуннов.

Готическая Испания

409 г. Испанию завоевывают вандалы, свевы и аланы.

419 г. Основание вестготского королевства Тулуза.

429 г. Вандалы перемещаются из южной Испании в Африку.

507 г. Аларих II побежден и убит франками при Вуйе. Вестготы оттеснены на Иберийский полуостров.

549-621 гг. Византия занимает юго-восточную Испанию и Балеарские острова от имени Римской империи.

554 г. Толедо становится столицей вестготского королевства.

585 г. Свевы вытеснены на северо-запад.

587-589 гг. Обращение Реккареда в католичество, которое становится государственной религией вестготов.

654 г. Единый свод законов Forum

iudiciorum Реккесвинта.

681 г. Codex Euricus.

Аль-Андалус (мусульманская Испания)

711 -713 гг. Мусульмане побеждают Родериха, «последнего гота», и захватывают Испанию. Кордова — первая столица с 716 г.

756 г. Создание Кордовского эмирата.

785 г. Начало строительства мечети.

929 г. Абд аль-Рахман III объявляет себя халифом Кордовы.

1002 г. Смерть Аль-Мансура.

1031 г. Кордовский халифат распался на королевства-тайфы.

1049 г. Строительство дворца Альхаферия в Сарагосе.

1085 г. Мусульманское королевство Толедо сдается христианам.

1086 г. Альморавиды утверждают военный режим в центральной и восточной Испании.

1147 г. Конец правления Альморавидов и новый распад Аль- Андалуса на королевства-тайфы.

1147 г. Альмохады восстанавлива-

ют политическое единство

1212 гг. Аль-Андалуса.

1195 г. Победа над Альфонсо VIII Кастильским при Аларкосе.

1212 г. Лас-Навас-де-Толоса: сокрушительное поражение Альмохадов.

1223 г. Третий распад Аль-Андалуса.

1238 г. Абу-Абдалла Мухаммед I основывает королевство династии Насридов — Гранаду. Строительство Альгамбры.

1258 г. Создание христианами военного ордена Калатрава.

1274 г. Мариниды, новая власть в Марракеше, помогают Насридам — правителям Гранады.

1344 гг. Битва за Гибралтарский пролив.

1492 г. Падение мусульманского королевства Гранада.

Северные владения (христианская Испания)

722 г. Ковадонга (Астурия): первое сопротивление исламу.

732 г. Продвижение мусульман во Францию остановлено при Пуатье.

Ок. 830 г. Первое упоминание об

останках святого апостола Иакова и Сантьяго-де-Компостела, город становится центром паломничества.

946 г. Появление королевства Кастилия.

1037 г. Фердинанд I объединяет Кастилию и Леон.

1085 г. Кастилия завоевывает Толедо.

1118 г. Завоевание Сарагосы Альфонсо I Арагонским и создание ордена тамплиеров.

1137 г. Династический союз Каталонии и Арагона.

1139-1143 гг. Португалия становится королевством.

1212-1264 гг. Победа при Лас-Навас-де-Толосе. Вторжение христиан в Андалусию.

1244 г. «Соглашение Альмизры» определяет южные границы Кастилии и Арагона.

1258 г. Основание военного ордена Калатрава.

1267 г. Договор о границах между Португалией и Кастилией

1311 г. Расширение Арагона на восток Средиземноморья: основание герцогств Афинско-

го и Неопатрии.

1340-1344 гг. Поражение Маринидов в битве при Эль-Саладо; г. Альхесирас отошел Кастилии.

1348-1351 гг. Черная Смерть и первые еврейские погромы.

1369 г. Начало правления династии Трастамара в Кастилии.

1391 г. Погромы и массовые обращения евреев в христианство.

1412 г. Наследование династией Трастамара короны Арагона.

1415 г. Португальцы захватывают Сеуту.

1442-1443 гг. Альфонсо V Арагонский завоевывает Неаполь.

1449-1476 гг. Гражданские войны, восстания крестьян и крещение мавров по всей христианской Испании.

1479 г. Династический союз Кастилии и Арагона.

1481 г. Создание святой инквизиции в Кастилии.

1492 г. Кастилия захватывает мусульманское королевство Гранада. Изгнание евреев, которые отказались принять христианство.

Христофор Колумб открывает Америку. Элио Антонио де Небриха публикует первую кастильскую грамматику.

1493 г. Барселонский договор: возвращение Руссильона и Серданьи арагонской короне.

1494 г. Договор в Тордесильясе между Кастилией и Арагоном, разделяющий области влияния за рубежом.

1497 г. Завоевание Мелильи.

1499-1506 гг. Восстания мавров в Гранаде. Победы в Италии. Торговая палата Севильи (1503). Смерть Изабеллы I (1504). Проблемы престолонаследия, нехватка продовольствия и чума.

1508 г. Основание университета Алькала де Энарес.

1512 г. Присоединение Наварры к Кастилии.

1516 г. Смерть Фердинанда II Арагонского. В Брюсселе Карл Гентский объявлен совершеннолетним, чтобы он мог наследовать корону Кастилии и Арагона.

Испанская монархия: имперская Испания

1517 г. Прибытие Карла (Карлоса I) в Тордесильяс (Вальядолид).

1519 г. Карл V — император Священ-

ной Римской империи. Кругосветное плавание Магеллана. Эрнан Кортес прибывает в Мексику.

1520-1521 гг. Гражданские войны и конституционные столкновения. Вильялар. Французская оккупация Наварры.

1525 г. Павия: победа над Францией в Италии.

1532-1533 гг. Завоевание Перу конкистадорами Писарро и Альмагро.

1534 г. Игнасио де Лойола основывает орден иезуитов.

1535 г. Поход против Туниса и Алжира. Основание Буэнос-Айреса.

1545-1564 гг. Церковный собор в Тренте. Открытие серебряных рудников в Потоси, Сакатекасе и Уанкавелике.

1547 г. Победа над лютеранами в Мюльберге. «Чистота крови»: устав собора Толедо.

1553 г. Унизительное отступление Карла V от осажденного Метца.

1555 г. Аугсбургский мир с лютеранскими принцами. Отречение императора.

1557 г. Сен-Кантен: сокрушительный разгром французов. Мирный договор в Като-Камбрези (1559).

1559-1562 гг. Аутодафе в Севилье и Вальядолиде против протестантов.

1561 г. Первые выступления оппозиции в Нидерландах.

1568-1571 гг. Восстание морисков и их изгнание из Гранады. Лепанто: морская победа над Османской империей.

1580 г. Присоединение Португалии к владениям Кастильской короны.

1581-1676 гг. Засуха, голод и чума.

1585 г. Разрыв дипломатических отношений с Англией.

1588 г. Поражение Непобедимой армады.

1600 г. Записки Мартина Гонсалеса де Сельориго о состоянии испанской монархии.

1605 г. Выходит в свет первая часть «Дон Кихота».

1609 г. Перемирие во Фландрии. Мориски изгнаны из Испании.

1626 г. Выход в свет «Истории пройдохи по имени дон Паблос» Франсиско де Кеведо.

1631-1668 гг. Внутренние беспорядки и сепаратистские войны. (Бискайя, Каталония, Арагон, Андалусия, Португалия, Сицилия и Неаполь.)

1639-1640 гг. Морские сражения в Ла-Манше и Бразилии.

1643 г. Решающая победа французов во Фландрии.

1648 г. Испания вынуждена признать независимость Голландии. Конец Тридцатилетней войны.

1656-1668 гг. Конец испанской гегемонии в Северной Европе. Пиренейский договор подтверждает победу Людовика XIV. Десять лет безуспешных войн.

Испанские Бурбоны

1700 г. Умирает Карлос II, назвав Филиппа Анжуйского (племянника Людовика XIV) своим наследником.

1701-1714 гг. Филипп приезжает в Мадрид. Император, Англия и Объединенные провинции отвергают француза на испанском троне.

1714 г. Утрехтский мир признает Филиппа королем в обмен на территориальные и торговые уступки в пользу «Большого Альянса».

1707-1716 гг. Административные и политические реформы. Отмена региональных хартий.

1763 г. Подписание мирного догово-

ра в Париже подвело итоги Семилетней войны: Испания потеряла колонии и не смогла вернуть Гибралтар и Менорку.

1766 г. Хлебные бунты. Изгнание иезуитов (1767).

1778 г. Соглашение о свободной торговле для американских колоний.

1783 г. Приобретение колоний по мирному договору в Париже после войны за независимость Тринадцати колоний. Менорка возвращена, однако взять Гибралтар в 1782 г. не удалось.

1789-1793 гг. Серьезный продовольственный кризис на севере. Испания объявляет войну Франции после казни Людовика XVI.

1795-1807 гг. Вынужденная подписать мир с Францией, Испания теперь выступает в союзе с Францией против Британии и Португалии. Морские поражения: мыс Сан-Висенте (1797) и Трафальгар (1805).

1808 г. Французская оккупация. Народные восстания против войск Наполеона (2 мая). Отказ Карлоса IV и Фердинанда VII от испанской короны в пользу Наполеона, который назначает своего брата Жозефа королем Испании.

1812 г. Кортесы в Кадисе выдвигают проект первой конституции.

1813 г. Вывод французских войск после победы в Витории союзных войск Англии, Португалии и Испании.

1814 г. Фердинанд VII восстанавливает королевский абсолютизм. Военная разруха и последующий экономический спад. 1820 г. Восстание в армии заставляет Фердинанда VII принять конституцию 1812 г.

1823 г. Французская интервенция восстанавливает абсолютную власть Фердинанда VII.

1824 г. Независимость американских колоний.

1833-1839 гг. Смерть Фердинанда VII. Отсутствие наследника. Первая карлистская война. Договор в Вергаре укрепляет положение армии.

1837 г. Первый закон о неограниченном наследном праве.

1841 г. Пересмотр пакта в Форале (Наварра).

1842-1849 гг. Война матинеров в Каталонии.

1848 г. Первая железная дорога (Матаро—Барселона).

1855-1856 гг. Закон Мадосы о неограниченном наследном праве. Законы о железных дорогах, банках и финансах.

1868-1874 гг. Свержение Изабеллы II, регентство Серрано. Амадео Савойский. Первая республика. Восстание карлистов, бунт кубинцев и мятеж кантоналистов в Картахене.

Реставрация монархии Бурбонов

1875-1876 гг. Возведение Альфонсо XII на королевский трон Испании с помощью армии.

1881-1912 гг. Рост недовольства в деревнях и городах. Политические убийства. Рабочие организации. СРПИ занимает места в парламенте в 1910 г.

1885-1892 гг. Регентство Марии-Кристины.

1898 г. Утрата всех оставшихся заграничных владений (морское поражение от США у берегов Сантьяго-де-Куба).

1909 г. «Трагическая неделя» в Барселоне.

1912 г. Испания получает протекторат над Западным Марокко.

1917 г. Всеобщая забастовка. Распад политической системы. Военные волнения. Экономический кризис.

1921-1922 гг. Поражения в Марокканском протекторате.

1923-1930 гг. Подъем и падение дона Мигеля Примо де Риверы.

Вторая республика

1931 г. Муниципальные выборы в апреле. Альфонсо XIII покидает Испанию.

1932 г. Заговор генерала Санхурхо. Проект аграрной реформы и закон об автономии Каталонии.

1933 г. Социальное недовольство, рост безработицы. Победа над правыми на всеобщих выборах 19 ноября.

1934 г. Репрессии. Волна забастовок и восстание в Астурии (4 октября). 1936 г. Победа республиканцев на выборах. Страна скатывается в хаос. Военное восстание в Мелилье (Марокко) 17 июля 1936 г.

1936 г. Генерал Франсиско Франко Баамонде — глава государства и верховный главнокомандующий (с 1 октября). Битва за Мадрид. Гражданская война.

1937 г. Сражение при Эль-Хараме (февраль): интернационалисты сражаются за республику. Политическое объединение «движения националистов» (апрель). 1939 г. Капитуляция

Барселоны (25 января). Франция и Великобритания признают Франко законным правителем Испании (27 февраля). Капитуляция Мадрида 28 марта и День победы генералиссимуса Франко 1 апреля.

1939-1951 гг. Политические репрессии и сильнейшая экономическая рецессия.

1941 г. Смерть Альфонсо XIII. Дон Хуан, его сын, становится королем в изгнании.

1942 г. Противостояние Франко. Наступательная операция англо-американских войск в Северной Африке. Манифест дона Хуана против Франко.

1945 г. Билль о правах — сигнал к «демократизации».

1946 г. Дипломатический бойкот со стороны ООН.

1947 г. Франко объявляет Испанию королевством.

1948 г. Франция открывает границу с Испанией. Хуан Карлос (сын и наследник дона Хуана) соглашается стать преемником Франко.

1953 г. Договоры с США и Ватиканом.

1955 г. ООН аннулирует резолюцию 1946 г.

1957-1959 гг. Страна на грани банкротства. Промышленный крах и наследственная вражда политических династий. Новый стиль управления: Opus Dei. План стабилизации.

1964 г. Первый план экономического развития.

1969 г. Хуан Карлос официально назначен преемником Франко. Чрезвычайное положение. Дело Матесы.

1970 г. Суд в Бургосе (ЭТА). Преференциальное торговое соглашение.

1973 г. Экономические затруднения. Премьер-министр Карреро Бланко убит 20 декабря.

1974 г. Карлос Ариас Наварро, первый гражданский глава правительства при Франко. Первые признаки политических реформ. Казнь каталонского анархиста Сальвадора Пуйча.

1975 г. Смерть Франко. Король Хуан Карлос I Бурбон восходит на престол 22 ноября 1975 г.

1976 г. Визит в США в июне. Адольфо Суаресу предложено сформировать правительство 3 июля. Указ о политической реформе и узаконивание политических партий (декабрь).

1977 г. Рост политического насилия. Декрет о выборах (18 марта). Легализация испанской коммунистической партии (апрель). Дон Хуан отрекается от престола в пользу своего сына Хуана Карлоса I (май). Первые демократические выборы парламента (июнь). СДЦ: новая правящая партия.

1978 г. Свободные выборы профсоюзов (февраль). Конституция одобрена народом 12 декабря и утверждена Хуаном Карлосом I.

1979 г. Всеобщие выборы (март). Муниципальные выборы (апрель). Автономия для Каталонии и Страны басков (декабрь).

1980 г. Региональные выборы в Каталонии и Стране басков.

1981 г. Неудачное восстание Техеро (23 февраля). «Органический» закон о гармонии автономий (сентябрь). Выборы в Галисии (октябрь).

1982 г. Вступление Испании в НАТО и региональные выборы в Андалусии (май). Всеобщие выборы 28 октября. Победа социалистической рабочей партии Испании (СРПИ).

1983 г. Автономия Кастилии и Леона (февраль). Местные и региональные выборы (май).

1984 г. Выборы в Стране басков (февраль) и Каталонии (апрель).

1985 г. Выборы в Галисии (ноябрь).

1986 г. Испания вступает в ЕЭС. Выборы в Андалусии, всеобщие выборы (июнь) и выборы в Стране басков (ноябрь). СРПИ остается у власти, но теряет поддержку.

1987 г. Муниципальные выборы. Европа готовится к объединению.

1988 г. Всеобщая забастовка 14 декабря.

1989 г. Испания возглавляет Европейское сообщество и проводит первые европейские выборы. Присоединение к европейской валютной системе. Всеобщие выборы 29 октября.

1991 г. Региональные и городские выборы. В октябре Мадрид принимает мирную конференцию по Ближнему Востоку.

1992 г. Выборы в Каталонии. Маастрихтский договор. Пятисотлетний юбилей открытия Вест-Индии. Олимпийские игры в Барселоне. Мадрид — культурная столица Европы.

1993 г. Всеобщие выборы 6 июня. Правящая партия вернулась в парламент на фоне серьезной критики (экономическая нестабильность, рост безработицы, коррупция и

некомпетентность).

1994 г. Всеобщая забастовка 27 января. Региональные выборы в Андалусии и Стране басков. Европейские выборы.

1995 г. Городские выборы (май) и региональные выборы в Каталонии (ноябрь). Испания во второй раз возглавляет Европейский союз, второе полугодие завершает саммит, прошедший в Мадриде в середине декабря.

1996 г. Всеобщие выборы 3 марта. Победа консервативной партии. Лидер Народного альянса Хосе Мария Аснар становится главой правительства 4 мая при поддержке каталонцев, басков и Канарской коалиции.

1997 г. Пересмотренное трудовое законодательство одобрено лидерами профсоюзов в апреле. Всеобщая поддержка правительственного плана по стабилизации экономики. Испания присоединяется к европейской валютной системе. Похищение и казнь политика Мигеля Анхеля Бланко организацией ЭТА приводит к массовым протестам против политического насилия и заключению в тюрьму лидеров «Эрри Батасуна».

1998 г. Два бывших министра посажены в тюрьму. Снятие грифа секретности с документов военной разведки в марте про-

шлого года привело к их аресту по обвинению в сочувствии ЭТА. В сентябре ЭТА объявляет о «прекращении огня на неопределенный срок».

1999 г. 1 января Испания вступает в зону евро. Банкноты и монеты вводятся в обращение к февралю 2002 г. Испания участвует в военной операции НАТО против Сербии. К концу года ЭТА объявляет о завершении срока «бессрочного перемирия».

2000 г. На всеобщих выборах 12 марта Народный альянс получает подавляющее большинство голосов.

2001 г. На всеобщих выборах в Стране басков 3 мая националистическая партия побеждает за явным преимуществом, уровень политического насилия при этом остается весьма высоким.

Библиография

Carr R. Spain 1808-1975. Oxford University Press, 1982.

Can Raymond. Spain. A History. Oxford University Press, 2000.

Castro Fernandez, M.C Iberia in Prehistory. London: Basil Blackwell, 1995.

Collins R. Early Medieval Spain: Unity uin Diversity, 400-1000. London: Macmillan, 1995.

Contemporary Spain / Eds. Lawlor Teresa and Mike Rigby. London: Longman, 1998.

El gobiemo de Aznar, balance de unagestion, 1996-2000 / Ed. Tusell Javier. Barcelona: Critica, 2000.

Esdaile Charles J. Spain in the Liberal Age. London: Basil Blackwell, 2000.

Glick Thomas F. From Muslim fortress to Christian castle. Manchester and New York: Manchester University Press, 1995.

Holman O. Integrating Southern Europe // EC Expansion and the Transnationalization of Spain. London and New York: Routledge, 1996.

Hooper J. The New Spaniards. Harmondsworth: Penguin, 1995.

Kamen H. Spain 1469-1714. London: Longman, 1983.

Keay S.J. Roman Spain. London: British Museum Publications, 1988.

Lynch J. Bourbon Spain 1700-1808. London: Basil Blackwell, 1989.

MacKay A. Spain in the Middle Ages. London: Macmillan, 1977.

Mar-Molinero Clare. Politics of Language in the Spanish-Speaking World. London: Routledge, 2000.

Politics and Policy in Democratic Spain: No Longer Different? / Ed. Heywood Paul. Frank Cass, 1999.

Salmon K. G. The modern Spanish economy: transformation and integration into Europe. London: Pinter, 1995.

Smith Paul Julian. The Moderns: Time, Space & Subjectivity in Contemporary Spanish Culture. Oxford University Press, 2001.

Spanish History since 1808 / Eds. Alvarez Junco, Jose & A. Shubert. Oxford University Press, 2000.

Yun Casalilla B. & Thompson I. A. A. The Castilian Crisis of the Seventeenth Century. Cambridge University Press.

Историко-географический справочник

Авила-де-лос-Кабальерос («принадлежащая рыцарям»)

Как большинство других «обнесенных стеной центральных поселений» (подобно Сеговии) в сердце Кастилии, укрепленный город, один из центров борьбы против мусульманского Аль-Андалуса. Грандиозные укрепления и прекрасные церкви. Древняя традиция приписывает основание Авилы Гераклу. Укрепления, которыми мы сегодня восхищаемся, начал возводить Альфонсо VI, завоеватель Толедо, в 1090 г., как и ранний готический собор (завершен в XIII в.). В XVI в. в Авиле жила прославленная Тереза де Сепеда-и-Аумада (1515-1532), более известная как святая Тереза Авильская. После изгнания морисков в начале XVII в. город пришел в упадок и находился в этом состоянии вплоть до недавнего времени, когда в Авилу хлынули паломники и туристы.

Айякучо

Место последней битвы (1824), которая закрепила независимость американских колоний от

Испании.

Аларкос («королевский город»)

Место сокрушительного поражения, нанесенного христианским войскам Альфонсо VIII Кастильского Альмохадами в 1195 г.

Аликанте

Был известен арабам как Аль-Лукант, а римлянам — как Луцентий. В Средние века одна из самых надежных крепостей на юге Валенсии. В Аликанте был казнен 20 ноября 1936 г. Хосе Антонио Примо де Ривера, этот город последним из республиканских сдался войскам Франко 30 марта 1939 г. Ныне — один из туристических центров страны (Коста-Бланка), имеет процветающий сельскохозяйственный рынок. Соляные озера в Торревьехе известны со времен Римской империи.

Аль-Андалус

Арабское название Иберийского полуострова. Его производная «Андалусия» обозначает южный регион, где до сих пор ощущается арабское влияние. Термины «испано-мусульманский» или «исламский» обычно используются для характеристики искусства и ремесла Аль-Андалус.

Альбасете (от арабского «равнина»)

Столица одноименной провинции, располагается в центре винодельческого региона Ла-Манча; всегда славилась качеством своих мечей и кинжалов. С XIX в. центр торговли шафраном, в 1936— 1937 гг. здесь готовили командиров интербригад.

Алькала-де-Энарес

Крепость на северном берегу реки Энарес, построенная арабами, при римлянах здесь стояло поселение - Комплют. Альфонсо XI, правитель Кастилии, провозгласил тут свой знаменитый свод законов (Ordenamiento de Alcala), а в 1508 г. кардинал Сиснерос основал университет, «complutense», который конкурировал с университетом Саламанки за интеллектуальное лидерство в стране. Позже университет перевели в Мадрид (1836). Статус университета Алькалы восстановлен не так давно. Место рождения автора «Дон Кихота».

Алькантара

Арабское название связано со знаменитым римским мостом над рекой Тахо, построенным в 105 г. н. э. Когда-то была центром рыцарского ордена Алькантара, созданного для защиты за-

падных границ от нападений мусульман (орден Калатрава оборонял центр, а орден Сантьяго защищал Касерес).

Альмаден (от арабского «ртутная шахта»)

Богатейшее местонахождение ртути в Европе, разрабатывалось еще греками, римлянами (которые называли это место Цизапон) и арабами. В XVI в. ртуть являлась важнейшей частью процесса добычи серебра в Америке. Рудники стали собственностью государства в 1921 г.

Альмерия («зеркало моря»)

Восточная столица Коста-дель-Соль, сохранила мусульманские традиции и архитектуру. Также самая засушливая область Испании, с полупустынными внутренними районами. Римляне называли ее Камп Спартарий («страна ковыля»). Город при римлянах был важным портом и процветал при мусульманах в XI в. В составе королевства Гранада он богател вплоть до капитуляции в 1488 г., когда большинство жителей были вынуждены его покинуть. В последние годы Альмерия — центр обработки сырья из внутренних районов, там выращивают фрукты и овощи, а туристов привлекают городские достопримечательности (Мохакар).

Альмуньекар (Сехи у финикийцев)

Знаменитое место отдыха около Нерха, где Абд аль-Рахман I высадился в 756 г., спасаясь бегством от Аббасидов, чтобы позднее основать Кордовский эмират.

Альхесирас

«Зеленый остров» мусульманских завоевателей к северо-востоку от Тарифы, южной оконечности Иберийского полуострова. Около ста лет был театром вооруженных действий между христианами и мусульманами, затем разрушен Мухаммедом V, правителем Гранады (1368). Город вернулся к жизни в XVIII в. Ныне это главный испанский порт, ориентированный на Северную Африку. Недалеко от Альхесираса находятся руины древнего города Картейя, который римляне восстановили в 171 г. до н. э. как свою колонию (первую) для отставных легионеров; эти руины все еще видны с мыса Сан-Роке.

Бадахос

Город на левом берегу реки Гвадиана вынес немало испытаний за века существования, находясь на границе владений — между римлянами и лузитанами, христианами и мусульманами, португальцами и испанцами, французами и бри-

танцами. В августе 1936 г. он снова был разрушен, на сей раз войсками Франко. Наряду с Касересом (Эстремадура) Бадахос остается одним из полюсов «пояса медленного развития» (вдоль португальской границы), который, несмотря на попытки улучшить сельскохозяйственные условия, продолжает отторгать население; а в начале XVI в. отсюда конкистадоры, исследователи и мореплаватели отправлялись покорять Америку.

Байлен

Место первой победы испанцев над Наполеоном в ходе войны за независимость (1808).

Барселона

Возможно, самый богатый и интересный из всех испанских городов. Возник из иберийского поселения Барсино, основанного карфагенянином Гамилькаром Баркой в 230 г. до н. э. Римляне переименовали Барсино в Юлию Фаверенци и сделали столицей Лайетании, района Тарраконской Испании. Был разрушен франками в 263 г. н. э. и заново отстроен и укреплен надежной стеной. Король вестготов Атаульф сделал его своей столицей в 415 г., что, возможно, объясняет название «Каталония» («страна готов» либо «страна кастланов» — кастельянов). Почти век

был мусульманским городом до того, как сын Карла Великого отбросил арабов и создал Испанскую марку. В 874 г. граф Вильфред получил независимость от Каролинга Карла Лысого. В течение долгих лет город существовал в тени великого Кордовского халифата, был разграблен аль-Мансуром в 985 г., а затем снова его сыном в 1003 г. Династический брак 1137 г. связал Каталонию и Арагон, и с тех пор Барселона как столица арагонской короны расширяла свои владения до Мурсии и Лангедока и до Балеарских островов, Сардинии, Сицилии и Греции; в XIII-XIV вв. стала владычицей Средиземноморья, о чем свидетельствуют великолепные здания того периода и морские законы, которые послужили образцом для других средиземноморских государств. Чума середины XIV в., гражданские войны XV в., династическое объединение Кастилии и Арагона в 1479 г. привели к смещению политического и торгового влияния на атлантическое побережье, а Барселона прозябала до конца XVI в. Затем началось медленное, но стабильное восстановление, которое обеспечило ей лидерство в XVIII в.; это положение сохраняется до настоящего времени, несмотря на постоянные покушения на автономию Каталонии со стороны Франции

и Кастилии и социальные и политические конфликты XIX и XX вв. Архитектор Антонио Гауди (1852-1926) — ярчайший пример культурных и экономических достижений Каталонии рубежа XX в., большинство его работ находятся именно в Барселоне. Город был столицей и последним бастионом республиканской Испании до падения в январе 1939 г. и снова подвергся репрессиям кастильских властителей. Ныне Барселона как столица Каталонии пользуется значительной административной и политической автономией, а в 1992 г. стала мировой столицей спорта благодаря проведению Олимпийских игр.

Бильбао

Основан доном Диего Лопесом де Аро в 1300 г. Длительное время город окружали территории васконов, говоривших на языке, совершенно отличном от тех, на которых изъяснялись в то время в Средиземноморье, и оставшихся невосприимчивыми к римскому, мусульманскому и христианскому влиянию. Процветающая торговля шерстью в XV и XVI вв. велась в основном через Сантандер, Ларедо и Бильбао; зарождение промышленности, литейные заводы и перевозка грузов по морю способствовали развитию и процветанию этих городов. Французы разграбили

Бильбао в 1808 г., его осаждали в ходе карлистских войн и снова в 1937 г. (отсюда прозвище «осадный город»). Модернизация и индустриализация принесли громадные прибыли от экспорта железной руды, в основном в Британию, в конце XIX в. Постепенно Бильбао сделался «тяжеловесом» испанской промышленности. В последние годы на положении города не могли не сказаться противоречия между Страной басков и испанским государством.

Бургос

Основан в 822 г. как крепость на берегу р. Арланзон, притока Тахо. Со временем стал столицей королевства Кастилия и оставался таковой все три столетия войны с Аль-Андалусом, конкурируя с Толедо за первенство. Благодаря своему стратегическому положению на пересечении «Пути святого Иакова» и главных торговых маршрутов между северными портами, в XIII-XVI вв. Бургос был одним из торговых, финансовых и культурных центров Старой Кастилии. Затем город (крепость взорвали французы, отступая в Виторию в 1813 г.) пришел в упадок, а в гражданскую войну недолго пробыл столицей Франко. В 1960-1970-х гг. наблюдалось оживление городской экономики, благодаря ключевому положению

Бургоса между промышленным севером и Саламанкой, Вальядолидом и Мадридом.

Валенсия

Третий по величине город Испании и один из самых богатых, благодаря гавани на западе Средиземноморского побережья и большому и плодородному внутреннему ареалу. Как и в других прибрежных районах восточной и южной Испании, римляне и мусульмане использовали и развивали сельскохозяйственный потенциал Валенсии, вели ирригацию и строили суда. Известная пословица называет город «кусочком небес, упавшим на землю». В 1253 г. Хайме I, правитель Каталонии и Арагона, оккупировал и вновь заселил регион, в основном каталонцами; он с восхищением отзывался о террасированных и ухоженных огородах (huertas) долин Валенсии. Мусульманское население, занимавшееся животноводством, получило разрешение остаться. Изгнание морисков в 1609 г. привело к упадку региона на несколько столетий, но в XIX в. Валенсия вернула себе статус экспортера сельскохозяйственной продукции, керамики и изделий из кожи. Столица республиканской Испании во время гражданской войны, с 1982 г. она является местопребыванием парламента и правитель-

ства Автономного сообщества Валенсия, которое включает прибрежные провинции Кастельон, Валенсия и Аликанте.

Вальядолид

Не считая Мадрида, самый быстрорастущий город центральной Испании, главный производитель автомобилей, центр переработки зерновых Старой Кастилии и производитель ряда лучших испанских вин. Это любимая резиденция кастильских правителей в позднем Средневековье, которая заменила Бургос в качестве столицы до начала XVII в. Среди городских построек — красивые здания и знаменитая площадь Пласа Майор, перестроенная в 1631 г. после пожара 1619 г.; также следует упомянуть множество религиозных скульптур, которые пощадила армия Наполеона, разграбившая город в начале XIX в.

Вильялар

Деревня недалеко от Тордесильяса, место сражения, которым завершилось восстание комунерос.

Витория

Столица Страны басков и местопребывание регионального правительства.

Гвадалахара (араб, «река камней»)

Второстепенный пограничный пост на главном пути мусульманских рейдов из Толедо вдоль реки Энарес к долине Эбро. В XVI в. пережила краткий период величия, благодаря покровительству семейства Мендоса, герцогов-инфантов. В годы гражданской войны под Гвадалахарой потерпели поражение войска Франко и экспедиционный корпус Муссолини.

Гвадалете

Предположительное название реки, на берегах которой была одержана в 711 г. решающая победа мусульманских завоевателей над вестготским королем Родерихом. Точное место битвы является предметом жарких дискуссий, однако пока лучших гипотез не предложено.

Гранада

Поселение иберов, которое римляне назвали Иллиберис (источник Эльвиры). Под властью Рима, должно быть, стала христианским центром, поскольку там в 305 г. н. э. состоялся первый архиерейский собор. Город пребывал в относительном забвении до краха халифата Омейядов в Кордове в 1031 г. Когда Аль-Андалус пал после битвы при Лас-Навас-де-Толосе, мусульманская

«Гарната» при Мухаммеде I, основателе династии Насридов, стала самым богатым и славным королевством арабов на Западе. Этот правитель начал строительство Альгамбры («красной»), шедевра исламского искусства на Иберийском полуострове. Королевство Гранада, со столицей, раскинувшейся на южных склонах Сьерра-Невады, протянулось от Альмерии до Кадиса и Хаэна и оставалось неуязвимым до 1492 г.

Илипа (Алькала-дель-Рио, в десяти милях от Севильи)

Место знаменитой битвы с карфагенянами в 206 г. до н. э., победа в которой отдала Риму Бетику.

Кадис (Гадир: «укрытие»)

Гадес, или Гадейра, как он был известен грекам, возник ранее 1100 г. до н. э.; это самый древний, судя по письменным источникам, город на Иберийском полуострове и, вероятно, во всей Западной Европе. Был заселен финикийскими купцами и являлся важным рынком олова, серебра и янтаря. Карфагеняне владели им несколько столетий, а при римлянах он приобрел монополию на торговлю соленой рыбой со столицей империи. После падения Римской империи Кадис

практически вымер: когда Альфонсо X Кастильский вошел в город в 1264 г., там почти никто не жил. Открытие Америки принесло богатство и процветание; особенно после 1640 г., когда Кадис заменил Севилью в качестве порта назначения для кораблей из Америки. В XVII в. был построен последний собор на доходы от покорения Индий. Население выросло с 8000 человек в 1600 г. до 80 000 человек к концу XVIII в. Кадис сыграл важнейшую роль в истории испанского либерализма в начале XIX в., однако затем снова стал приходить в упадок, когда американские колонии разорвали политические связи с Испанией в 1824 г. Ныне наметилось оживление, благодаря строительству вдоль перешейка, связывающего маленький полуостров, где располагаются старый город и порт, с материком. Плохое состояние зданий и очень привлекательного жилого фонда XIX в. противоречит всеобщему мнению о Кадисе как об una tazita de plata («серебряной чаше»); однако не следует забывать, что он чаще других испанских городов подвергался грабежам и осадам и даже переживал землетрясения.

Картахена (Новый Карфаген)

Основан Гасдрубалом Баркой в 227 г. до н. э. Охраняемый двумя фортами, следившими за

глубоко изрезанным побережьем, это был центр горнодобычи, торговый порт и военно-морская база под властью Карфагена, Рима и Византии. При вестготах, мусульманах и христианах он играл менее значительную роль и был разграблен в 1585 г. Фрэнсисом Дрейком. В 1873 г. Картахена подняла восстание против Первой испанской республики и пострадала, как и в годы гражданской войны, от массивных бомбардировок и последующих репрессий. Город все еще служит базой испанских ВМС, там находятся арсеналы и верфи, а в 1940-х гг. появились заводы по переработке нефти. Площадки для водных видов спорта, бассейны и пляжи (Масаррон, Ла-Манга) улучшили экономическое положение этого региона.

Ковадонга

Место победы христиан в 722 г., близ Пикос де Эуропа (Астурия. Это была первая победа над мусульманами, и по этой причине Ковадонга с тех пор оставалась центром паломничества и символом кастильского национализма, как Ронсеваль для Наварры, Сан-Хуан-де-ла Пенья (Уэска) для Арагона и Монтсеррат для Каталонии. Это также место отдыха и одна из высочайших точек недавно созданного Национального заповедника, который предназначен для охраны местных

видов флоры и фауны.

Кордова

Крупное иберийское поселение на равнине, плавно сходящей к р. Бетис (Гвадалкивир, «могучая река» Аль-Андалуса), затем столица римской провинции Испания Дальняя, конкурировавшая с Испалисом (Севилья) и Италикой (север Севильи) за главенствующее положение в Бетике. Абд аль-Рахман I создал городу славу, начав в 785 г. строительство Великой мечети. Века беспрецедентного богатства и процветания подошли к концу, когда в 1236 г. в Кордову вступил Фердинанд III. Большая часть населения бежала, город стал приходить в упадок. Ныне туристы со всего мира помогли возродить экономику города, который по сей день может считаться шедевром андалусийской культуры. Недавно мэром Кордовы избран человек, который пообещал приложить все усилия к тому, чтобы исламское прошлое Испании, особенно Кордовы, не было забыто.

Куэнка

Живописный средневековый город, известный своими «висячими домами» и «заколдованным городом» (природным лабиринтом камней, ко-

торый похож на руины города), располагается на полпути между Мадридом и Валенсией. Когда-то он был местом пребывания рыцарского ордена Сантьяго, а в XV и XVI вв. являлся поставщиком шерсти высшего качества в Европу. Куэнку грабили французы в 1808 г., карлисты в 1873 г., а в годы гражданской войны она была наполовину разрушена.

Лас-Навас-де-Толоса

Поселение на «дороге войны» между Вальдапеньясом и Хаэном, близ которого в 1212 г. состоялась решающая битва христиан с Альмохадами; победа принесла Кастилии и Арагону легендарные богатства Аль-Андалуса.

Леон

Город обязан своим названием Семнадцатому легиону, который квартировал в этих местах, обеспечивая порядок на границе римских владений (юг Астурии и Галисии), вблизи богатых долин (Тьерра де Кампос) и серебряных и золотых копей. При вестготах и свевах Леон ничем не прославился, однако стал приобретать значение в X-XH вв. как столица королевства с тем же названием и пункт остановки по дороге в Сантьяго-де-Компостелу, на главном торговом и

религиозном маршруте Западной Европы. Множество великолепных зданий того периода, от романского до готического стиля, свидетельствуют о выдающейся роли, которую играл город. Когда граница с Аль-Андалусом отодвинулась на юг в XIII в., Леон утратил статус одного из ведущих культурных центров христианства.

Лепанто

Место морской победы над турками-оттоманами в 1571 г. в узком проливе Коринфского залива. Эта битва подтвердила испанское господство в водах Средиземного моря.

Мадрид (араб. «Магерит»)

Крепость, построенная Мухаммедом I во второй половине X в. в качестве военной заставы на маршруте вдоль Энареса, через Алькалу и Гвадалахару к среднему течению Эбро. Эту небольшую деревню с огромной крепостью Хуан II и Энрике IV использовали как постоянную резиденцию, в XV в. Карлос I несколько раз, когда бывал в Испании, наслаждался студеным воздухом Сьерры де Гвадаррама. Мадрид — самая высокая столица Европы. Филипп II сделал город местом пребывания своего постоянного и «единственного двора» в 1561 г., и столичный статус Мадрид хранит по

сей день (кроме периода правления Филиппа III). Его главное преимущество — расположение в самом центре Иберийского полуострова. Лишь в последние 30 лет Мадрид понемногу начал превращаться из «столицы чинуш и власть предержащих» в живой город. Считается, что его превращение в столицу способствовало упадку таких городов, как Толедо, Авила и Сеговия; ныне же он делит административные функции с 17 автономными правительствами и посему вряд ли является полноценной столицей. В Мадриде накоплены значительные культурные богатства — общественные здания, королевские и дворянские резиденции, музеи и художественные галереи. Покровительство Карлоса III в XVIII в. (за что король удостоился прозвища «лучшего мэра Мадрида») продолжил в более демократические времена Энрике Тьерно Гальван, который больше кого бы то ни было еще в XX в. добивался превращения столицы в центр современной жизни.

Малага

Как и все важные порты на юге Испании, этот город имеет долгую историю: он был основан финикийцами в качестве торгового поселения (отсюда ее название, «малак» — соль), а ныне является столицей Коста-дель-Соль. Карфагеняне,

римляне и византийцы поочередно занимали город и поддерживали его торговлю. Затем он стал главным портом королевства Гранада. Мусульмане называли Малагу «раем на земле», и сегодня многие охотно согласятся с этим утверждением. В Малаге сохранились римский амфитеатр, мусульманские постройки, маяк Гибралфаро и один из последних великих соборов, построенный на месте бывшей мечети.

Мерида (недалеко от Бадахоса)

Богатейший город на римских развалинах. Он был основан в 25 г. до н. э. как столица Лузитании под названием Августа Эмерита.

Монтьель

Поселение, близ которого в 1369 году Энрике из династии Трастамара победил и убил своего брата Педро I, заложив начало долгого правления династии Трастамара в Кастилии и Арагоне.

Мориски

После капитуляции Гранады в 1492 г. мусульманскому населению Испании пришлось отказаться от своих обычаев и религии или оставить страну; те, кто сменил веру, были известны как «мориски» (а население еврейского происхождения называли «выкрестами»). В 1609 г. их

изгнали из Испании, несмотря на смену веры.

Мосарабы («похожие на мусульман», «арабизированные»)

Христиане с севера прозвали так своих братьев по вере в Аль-Андалусе. Их «освобождали» и переселяли в христианские земли, перенимая у мосарабов навыки и технологии, о чем наглядно свидетельствуют такие города, как Леон, Сарагоса и, прежде всего, Толедо.

Мудехары

Мусульмане, которые, по мере того как христиане продвигались глубже в Аль-Андалус, предпочли сменить веру либо получили разрешение остаться на своих землях. Как и мосарабы, внесли щедрый вклад в развитие Иберийского полуострова, их наследие особенно очевидно в восточных регионах и провинциях Теруэль и Сарагоса.

Мурсия

Регион, куда входят также Альбасете и Картахена, и одноименная столица автономного сообщества. Город располагается на берегу р. Сегура в центре плодородного района фруктовых садов и огородов. Это центр экспортной торговли, а пляжи Масаррона и Ла-Манги-дель-Мар-Ме-

нор приносят ему прибыль от туризма летом и зимой. О городе до перестройки мусульманами в начале VIII в. известно мало. После битвы при Лас-Навас-де-Толосе Мурсия стала мусульманским королевством и оказалась легкой добычей для кастильцев и арагонцев. В конце концов эту территорию присоединила корона Кастилии, однако каталонцы из Арагона также обильно заселили регион. Как и в Гранаде после ее захвата христианами, в Мурсии отмечались конфликты, восстания, изменение традиций и навыков (мориски из Гранады и Альпухарраса принесли с собой производство шелка). Изгнание морисков в 1609 г. оказало негативное влияние на сельское хозяйство по всему Леванту.

Нуманция (недалеко от современной Сории)

Столица кельтиберов, чья борьба с римскими легионами в 134—133 гг. до н. э. стала первым проявлением испанского национализма.

Павия

Место победы над французами в 1525 г., которая в результате подчинила итальянские земли власти Кастилии.

Паленсия

Город на берегах реки Каррион к югу от пло-

дородного региона Тьера-де-Кампос, где выращивали кукурузу. Это древнее иберийское поселение Ваккаэй (у римлян — Палланция). Затем здесь обосновались вестготы, что объясняет упоминание «Кампи Готичи» в сочинениях средневековых авторов и относительное множество имен германского происхождения. В XII и XIII в. Паленсия была резиденцией короля Кастилии, здесь Альфонсо VIII в 1208 г. основал первый кастильский университет, который перенесли в Саламанку в 1239 г. Прекрасный поздний готический собор был заложен в 1331 г., а завершилось строительство в 1516 г. Паленсия — один из древних кастильских городов, наиболее жестоко наказанных Карлосом I за участие в восстании комунерос в 1520— 1521 гг. Ныне — столица одного из ведущих в Испании регионов по производству зерновых и часть автономного сообщества Кастилия и Леон.

Памплона

Поселение васконов, перестроенное сыновьями Помпея под названием Помпаэло в 68 г. до н. э. Ее захватили готы, затем мусульмане, которые называли город Памплоной. К концу IX в. отдельное графство, стремившееся утвердить независимость от Карла Великого, чьему арьер-

гарду армии они сдались в битве при Ронсевале в 778 г. В начале XI в., будучи столицей Наваррского королевства, Памплона заняла ведущее положение в христианской Иберии как страж путей через Пиренеи и перевалочный пункт на пути в Сантьяго. С расширением Кастилии и Арагона Наварра оказалась в изоляции и присоединилась к Кастилии усилиями герцога Альбы в 1512 г. Несмотря на ее стратегическое положение, или, возможно, как раз из-за него, развитие Памплоны искусственно сдерживалось, будь то в XVI-XIX вв. или после гражданской войны 1936-1939 гг. Репутация наиболее католической и консервативной части Испании помогла Наварре сохранить самобытность. В отличие от крупных регионов Испании, где снятие ограничений на право наследования разрушило систему землевладения, Наварра по сей день имеет крупные участки земли в общественной собственности, что в 1950-х гг. обеспечило предпосылки сельскохозяйственного и промышленного развития. Ныне Памплона и Наварра, вдохновляясь примером Страны басков, требуют признания в качестве автономии.

Рокруа

Местечко на севере Франции, где испанцам нанесли серьезное поражение в 1643 г.; это

поражение ознаменовало конец испанского господства в странах Бенилюкса и Центральной Европы.

Ронда

Один из самых популярных у туристов городов на юге Испании, благодаря своему положению над глубоким ущельем («тахо») реки Гваделивин (Гвадиаро), которая отделяет старый римский город Арунда от нового города, основанного «Католическими королями». Неприступная Ронда оставалась изолированным и независимым мусульманским королевством до 1485 г. Близость к Гибралтару и здоровый климат сделали Ронду весьма популярной среди британских чиновников и служащих и их семей.

Сагунто (недалеко от Валенсии)

Поселение вошло в учебники испанской истории (как и Нуманция) за сопротивление карфагенянам в 219 г. до н. э. Поскольку Сагунт был союзником римлян, которые, правда, не пришли на помощь, нападение Ганнибала расценили как объявление войны империи. Последовавшая война положила предел владычеству Карфагена на полуострове. Город пришел в упадок, мусульмане переименовали его в Мурбитер (от «muri

veteres» — старые стены), а затем в Мурвьедро; это название использовалось вплоть до 1868 г. Сегодня Сагунто, где сохранились руины старой крепости, процветает благодаря коммерческому садоводству и тяжелой промышленности, хотя в недавнем прошлом был свидетелем производственных конфликтов — на заре так называемой рационализации.

Саламанка

Поселение на берегу р. Тормес, первый город, захваченный Ганнибалом в 217 г. до н. э., позже построенный римлянами в качестве остановки на Серебряном пути из Мериды в Асторгу. Известность получила благодаря университету, перенесенному в 1230 г. Альфонсо IX, королем Леона, из Паленсии. Исторически это один из самых важных городов в Испании, который привлекает большое число студентов и туристов, восхищающихся великолепными зданиями в позднем средневековом и раннем модернистском стиле. Благодаря своему стратегическому положению и близости к португальской границе, Саламанка сильно пострадала от французов и англичан во время наполеоновских войн. Оплот традиционализма, этот город оказал существенную помощь Франко в первые месяцы мятежа 1936 г.

Сарагоса

Экономический и политический центр среднего течения Эбро и ее чрезвычайно плодородной долины, один из самых быстрорастущих городов Испании на сегодняшний день, как демографически, так и экономически. Она всегда находилась на пересечении главных путей из Пиренеев в Кастилию и из Каталонии в провинции басков. Раннее поселение называлось Сальдуба и было переименовано в Цезарею Августу римлянами (позднее «Саракоста», откуда и происходит современное название). В X и XI вв. полунезависимое мусульманское королевство, конкурировавшее с великими андалусийскими городами. После захвата города Альфонсо I в 1118 г. Сарагоса стала столицей Арагонского королевства. После династического союза Кастилии и Арагона в 1479 г. город, если не считать разногласий с Филиппом II и поддержки Астурийского дома в войне за престол в 1702-1714 гг., играл важную роль в испанской жизни, а впоследствии заслужил титул «героического и бессмертного» за отказ сдаться в 1808-1809 гг. войскам Наполеона (погибло более половины населения). Карлисты также нанесли Сарагосе значительный урон, когда захватили город в 1838 г.

Севилья

Четвертый крупнейший город Испании, в прошлом он не раз занимал ведущее положение, будучи культурной, политической и торговой столицей Иберийского полуострова. Расположенные на левом берегу Гвадалкивир, в центре плоских и плодородных земель (Тьерра-де-Мария Сантисима) ранние иберийские поселения уже древние географы восхваляли как образец общественного устройства. Римский Испалис был столицей провинции Бетика и продолжал удерживать лидерство в соперничестве с Толедо, столицей вестготского королевства. Мусульманская Ишбилия конкурировала с Кордовой при Омейядах и превзошла ее в размерах и великолепии при Альмохадах в XII в. Христианское завоевание и оккупация города в 1248 г. стали началом серьезного спада, несмотря на то, что Севилья сохраняла привлекательность и Фердинанд III сделал ее своей резиденцией, как и Педро I в середине XIV в. Вершины своего величия Севилья достигла с открытием Америки, когда город «назначили» центром атлантической торговли. К середине XVII в. положение Севильи ухудшилось из-за конкуренции с Кадисом, однако затем вновь укрепилось, но морские конфликты и отпадение

американских колоний снова погрузили город в рецессию, столь характерную для испанского юга. Великолепные остатки тех времен — важный источник дохода мэрии, так как туристы со всего света спешат восхититься дворцами и церквями и посетить Архив Америки, где хранятся все записи об открытии Индий; однако нельзя не признать, что мэрия порой демонстрирует удивительное равнодушие в отношении этих достопримечательностей. Андалусийский историк не так давно написал, что Севилье принадлежит рекорд по городскому вандализму. В 1992 г. проводились празднованиями пятисотлетия открытия Америки; и часть средств, полученных городом по этому поводу, должна пойти на ремонт и реставрацию зданий. Как столица автономного сообщества Андалусия, Севилья может рассчитывать на благожелательное отношение центральной администрации.

Сеговия (римская Сегобрида)

Как Паленсия, Авила, Куэнка и Бургос, это типичный образец древнего испанского города, история которого восходит к иберийским поселениям. Она гордо стоит на берегу притока р. Дуэро и сначала защищала местное население от набегов мусульман, а позднее начала претендовать на

земли за р. Тахо. Алькасар построен на римском и арабском фундаменте. Кроме башен, он серьезно пострадал от пожара в 1862 г. То, что мы видим сегодня, — результат обширной реставрации, начавшейся в 1882 г. Как и прочие средневековые города, Сеговия может похвастаться оборонительными сооружениями, церквями, королевскими и аристократическими резиденциями, а также знаменитым римским акведуком, построенным при императоре Траяне. Недалеко от Сеговии лежит в руинах древний город Кока, или Каука, где римский император Феодосии был рожден от матери-иберийки (Терманции) в 346 г. н. э. Сеговия встретила XVI в. как производитель одежды (это производство, вероятно, организовали мусульмане в VIII в.) из шерсти мериносов. После того как король Карлос I стал императором Священной Римской империи, Сеговия, наряду с другими кастильскими городами, захирела и уже не оправилась.

Сериньола

Место на севере Италии, где в 1503 г. была одержана победа над французами.

Симанкас

Место одного из ранних сражений христиан

и мусульман (939). Сейчас это огромный замок, возвышающийся над рекой Писуэрга, между Вальядолидом и Тордесильясом, там находится государственный архив.

Сьюдад-Реаль

Олицетворение победы христиан над мусульманами, основан в 1262 г. Альфонсо X Кастильским, чтобы подтвердить притязания на Аль-Андалус и контролировать распределение земель среди знати. В 1258 г. был создан военный орден Калатрава, при котором и возник город. Его особый статус зафиксирован в уставе муниципалитета в 1420 г. Это столица Ла-Манчи (места рождения и приключений Дон Кихота) с важными природными ресурсами, лучшими пастбищами для овец и крупнейшим в Испании винодельческим регионом.

Тамарой

Название долины в провинции Бургос, где Фердинанд I Кастильский разгромил в 1037 г. Вермудо III, короля Леона, и объединил оба королевства.

Таррагона (Тарракон)

Один из главных городов римской Испании, о чем и поныне напоминают акведук Лас-Феррерас, развалины амфитеатра и триумфальная арка.

С тех пор город неоднократно перестраивался, стоял пустым в течение трех веков; его залили кровью после восстания каталонцев в 1640 г., а французы разграбили Таррагону в 1811 г.

Толедо

Город над средним течением реки Тахо, омываемый с трех сторон водой, сбегающей по узкому ущелью, несомненно, самый эффектный из кастильских городов, естественная крепость. Толедо играл важную роль со времен правления вестготов как столица государства и епископский город. В составе Аль-Андалус он был процветающим торговым центром, где сосуществовали три средиземноморские культуры, еврейская, исламская и христианская. Так продолжалось и после захвата Толедо христианами в 1085 г. Альфон-со VI, король Кастилии и Леона, объявил себя «императором трех религий». И в трудные годы голода и болезней в середине XIV в., и в эпоху социальных и политических неурядиц XV в., и XVI в. Толедо продолжал сохранять свое ведущее положение. Ослабление его позиций при кастильской империи можно объяснить нетерпимостью властей страны к этническому и религиозному разнообразию, которое было отличительной чертой Толедо. После изгнания

евреев и морисков начался длительный спад, продолжавшийся вплоть до первых месяцев гражданской войны (сентябрь 1936 г.). В 1950-х гг. Толедо, вместе с Хаэном, имел самый высокий уровень неграмотности в Испании. Позднее, однако, город на Тахо ожил, благодаря туристам, которые наводнили узкие извилистые улочки в поисках прошлого.

Тордесильяс

Расположенный на холме над рекой Дуэро город, где Кастилия и Португалия, после решения папы Александра VI, определили в 1494 г. свои сферы влияния в мире. Королева Хуана, мать Карлоса I, была заключена здесь в тюрьму после смерти мужа, а Лига комунерос тщетно ожидала поддержки от Хуаны в восстании против императора в 1520 г.

Трафальгар

В сражении при мысе Трафальгар (1805) франко-испанский флот под командованием Вильнева и Гравины был жестоко разбит у побережья Галисии британским флотом под командованием Нельсона, который до того разгромил испанцев у мыса Сан-Висенте в 1797 г.

Уэльва (Онуба римлян)

Город на южной границе с Португалией вполне способен оказаться легендарным Тартессом. С давних пор через него велась торговля минералами, тунцом и сардинами, а позднее клубникой и нефтепродуктами с завода, построенного недалеко от монастыря Ла-Рабида (от араб, «смотровая башня»), где отчаявшийся Христофор Колумб наконец нашел в 1491 г. поддержку Изабеллы I Кастильской.

Хаэн

Эта местность была хорошо известна римлянам, которые разрабатывали ее богатые рудники. К северу от столицы провинции находится Линарес, недалеко от поселения иберов Кастуло, чьи свинцовые и медные рудники частично разработаны англичанами. Значение провинции и ее столицы связано с положением «ворот» в Андалусию из Новой Кастилии через узкие ущелья Деспеньяперрос («Смерть собакам», то есть маврам). От Вальдепеньяса (Сьюдад-Реаль), известного своими винами, до Хаэна, где проходила «дорога сражений», раскинулась территория жестоких боев между мусульманами и христианами на протяжении почти двух веков. Когда Фердинанд III захватил Хаэн в 1245 г., после нескольких продолжительных и дорогостоящих осад, землю

распределили между военными орденами Калатрава и Сантьяго, а также епархией Толедо. С тех пор местность пришла в упадок, и сегодня это наиболее отсталый испанский регион; здесь в основном выращивают оливки.

Херес-де-ла-Фронтера

Город в южной провинции Кади, известный своими винами (херес, шерри), которые экспортировались в Англию со времен Генриха VII (это самые известные напитки, производством которых до сих пор владеют потомки английских и ирландских семей), и арабскими скакунами. Слово Zeres происходит от арабского произношения названия древнего римского поселения, с добавлением «де-ла-Фронтера», напоминающим о роли города в годы продвижения к Гибралтарскому проливу в середине XIII в. Альфонсо X отнял его у мусульман в 1264 г.

Эбро

Карфаген и Рим определили эту реку границей своих владений на Иберийском полуострове.

Эльче

Город в провинции Аликанте, центр культуры кельтиберов в IV и III вв. до н. э., что доказывает обнаружение в этом регионе серии поразитель-

ных скульптур, известных как «Дамы из Эльче».

Эмпурьес (Ампуриас)

Курорт на Коста-Браве, основан в VI в. до н. э. греками как торговое поселение («Эмпорион» — рынок). В период расцвета Рима был «штабом» военных операций на Иберийском полуострове, а Карл Великий сделал его столицей морских походов империи.

Эскориал (монастырь Святого Лаврентия)

Построен Хуаном Баутистой-де-Толедо и Хуаном де Эррерой для Филиппа II в качестве усыпальницы его отца Карлоса I и летней резиденции в память о Сент-Контене, дне победы над французами 10 августа 1557 г., в день святого Лаврентия. Это символ величия Кастильской империи и типичный архитектурный образчик того периода.

Эстелья

Бывшая столица Наварры, город на пути в Сантьяго-де-Компостела, что объясняет строительство множества красивых зданий, королевских дворцов, резиденций аристократов и церквей XII и XIII в. Также центр карлистов в 1830-х и 1870-х гг.